

Volume 19
№ 4 (69) 2023

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор Римского Университета Салиенца, Италия

Ван Чэнсин – ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, заместитель генерального секретаря Восточной ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор Стивен Гуанпенг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры государственного регулирования, доктор юридических наук, профессор, Россия

Ие Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Иншакова А.О. – заведующий кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Россия

Камолов С.Г. – профессор кафедры управления активами МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Институт международных исследований Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по развитию МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Душан Павлович – доктор, факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Потьер Тим – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, Россия

Субочев В.В. – заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тиаги Парул – Ph.D. (менеджмент), преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов, Россия

Доктор Герхард Шнайдер – профессор международного менеджмента и политической экономики, Ph.D. in Political Science, Лондонский университет Лафборо, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.З. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

3 Е.В. Охотский

Российско-украинские отношения в историческом контексте формирования суверенной украинской государственности

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

21 Д.К. Бекашев, В.Г. Микрина

Актуальные направления деятельности Международной организации труда по прогрессивному развитию международного трудового права

32 О.И. Зинченко

Международный Суд ООН на современном этапе: актуальные вызовы и перспективы

41 В.В. Субочев, М.А. Куликов

Манипулирование юридическими целями и средствами: основы теории

54 А.Ю. Ястребова, И.О. Анисимов

Международно-правовые основы защиты объектов культуры

63 А.А. Васильев, А.Е. Ужанов, Ю.В. Печатнова

Мемориальное право: национальные и международные аспекты

85 Н.А. Цвейба

Анализ основных достижений переговорного процесса по присоединению Европейского союза к Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г. (2019-2023)

95 В.В. Пчелинцева

Международное сотрудничество стран БРИКС в сфере вынужденной миграции: актуальные вопросы и перспективы

108 Р.М. Бекова

Политика сохранения национальной языковой идентичности на примере валлийского языка

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

116 А.Б. Красноперова

Реализация концепции энергетической справедливости в стратегиях и проектах зарубежных энергетических компаний

129 Н.И. Климович

Политический протест сквозь призму британской прессы: стратегии управления восприятием публицистического текста

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN
EDITORIAL BOARD:**

Francesco Adomato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D. Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Deputy General Secretary of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Digital Transformation, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of State Regulation, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Agnessa O. Inshakova – Head of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor, Russia
Sergei G. Kamolov – Professor, Department of Asset Management, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavin – Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for Strategic Development, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Doctor, Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier Tim – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Head of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Ph.D. in Management, Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Moscow, Russia
Dr. Gerhard Schnyder – Professor of International Management and Political Economy, Ph.D. in Political Science, Loughborough University London, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of Integration and Human Rights Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko
Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**
Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

THE TOPICAL ISSUES OF STATE DEVELOPMENT

- 3 Evgeny V. Okhotsky
Russian-Ukrainian Relations in the Historical Context of the Formation of Sovereign Ukrainian Statehood

LAW IN THE MODERN WORLD

- 21 Damir K. Bekyashev, Valentina G. Mikrina
Current Areas of International Labor Organization Activity for the Progressive Development of International Labor Law
- 32 Olga I. Zinchenko
The International Court of Justice Today: Current Challenges and Prospects
- 41 Vitaly V. Subochev, Mikhail A. Kulikov
Legal Goals and Means Manipulation: Foundations of the Theory
- 54 Alla Yu. Yastrebova, Igor O. Anisimov
International Legal Framework for the Protection of Cultural Objects
- 63 Anton A. Vasiliev, Alexander E. Uzhanov, Yulia V. Pechatnova
Memorial Law: National and International Aspects
- 85 Nikita A. Tsveiba
Analysis of the Main Achievements of the Negotiation Process for the Accession of the European Union to the European Convention on Human Rights of 1950 (2019-2023)
- 95 Valeria V. Pchelintseva
International Cooperation of BRICS Countries in the Field of Forced Migration: Topical Issues and Prospectives
- 108 Radima M. Bekova
The Policy of Preserving National Linguistic Identity on the Example of the Welsh

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 116 Anna B. Krasnoperova
Implementation of the Energy Justice Concept in Strategies and Projects of Foreign Energy Companies
- 129 Nikolay I. Klimovich
Political Protest through the Prism of the British Press: Strategies for Managing the Perception of Journalistic Texts

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век. Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru

The "Journal of Law and Administration" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the "Journal of Law and Administration" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru

Article

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СУВЕРЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Евгений Охотский*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-3-20

Введение. Статья посвящена анализу исторических факторов, особенностей и политико-правовых закономерностей формирования современной украинской государственности с учетом непростых и постоянно обостряющихся российско-украинских отношений, усиливающегося украинского националистического радикализма, русофобии и неонацизма, формирования государства жестко прозападно ориентированного режима правления. Особый акцент сделан на проблематике динамично нарастающих трудностей сохранения и укрепления государственного суверенитета, обеспечения финансово-экономической и военно-политической независимости страны, трудностей и перспектив реализации стратегии европейского выбора по-украински.

Методология и методы. Диалектико-материалистическая модель исследования; принципы научности, историзма и объективности; методы ретроспекции и сравнения, анализа и синтеза, мысленного моделирования, восхождения от абстрактного к конкретному.

Результаты исследования. На ведущих позициях представленного исследования политико-правовые проблемы дестабилизирующих и дезинтеграционных процессов в условиях радикализации правящего украинского режима анти-российской направленности с учетом исторически непростой диалектики развития внутринациональной и межгосударственной проблематики. В сравнительном межстрановом контексте анализируются особенности концепции строительства украинской государственности как анти-России, представлена авторская концепция превращения Украины в инструмент западных сил в борьбе с Россией, в государство-наемника и плацдарм военно-идеологической борьбы с русским миром с целью нанесения ему стратегического поражения.

* **Охотский Евгений Васильевич**, доктор социологических наук, профессор, эксперт Научно-исследовательского центра государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия
e-mail: e.ohotskii@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2386-8238

Обсуждение и заключение. На примере непростого украинского опыта постсоветского государственного строительства обосновывается справедливость того, что политика современного Запада – это политика грубого попрания международного права, политика гегемонизма и стремления к мировому господству с помощью стран-союзников и за счет стран-сателлитов и порабощения наемников. Отсюда грубое вмешательство во внутренние дела других стран и народов, прямые интервенции, экспорт коррупции, навязывание нравов подлости, вражды и разрушения, развязывания межгосударственных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов, политики лжи и провокаций. Сформулированы некоторые суждения, касающиеся сложных и далеко не однозначно трактуемых проблем государственного строительства на постсоветском пространстве в соответствии с идеалами и ценностями истинного демократического правового социального светского государства.

Введение

Происходящие в современной Украине процессы вызывают серьезную тревогу у каждого, кого заботит будущее России, перспективы российско-украинских отношений и украинской государственности в современной, предельно непростой системе международных политических и правовых координат, постоянно обостряющейся конфронтации, взаимных санкционных ограничений и откровенных провокаций. А теперь еще и кровавого военного противоборства. Российские власти хорошо понимают и адекватно оценивают опасность угроз, патологий и неопределенностей на украинском направлении, трезво оценивают ситуацию и с большой осторожностью реагируют на все то, что происходит в системе российско-украинских отношений. Несмотря на все сложности специальной военной операции по денацификации и денационализации украинского политического пространства, стараются минимально вмешиваться во внутривнутриполитические процессы на Украине, боятся своей публичной поддержкой тех или иных пророссийски ориентированных политических сил нанести ущерб себе и Украине¹, а тем более оказаться на стороне тех, которые из Украины делают «анти-Россию», проводят политику «разделяй и властвуй», стремятся к разрушению единства нашего народа.

Учитывая также справедливость того, что общество в переломные моменты очень быстро радикализуется, что в кризисных условиях многие нормальные отношения разрушаются, политическая риторика становится более циничной, управленческие решения ситуационными, а нередко и вовсе авантюристическими. Существо многих проблем часто трактуется не с точки зрения права, закона и истинного национального интереса, а сквозь призму конфронтации, санкционного шантажа и силовых угроз, господствующие позиции занимают двойные стандарты, мифы и манипуляции.

Нынешними украинскими властями Россия позиционируется не иначе как геополитический противник и государство-агрессор. Все в точном соответствии с трактовками статуса нашей страны в западных законах, доктринах и концепциях, касающихся борьбы с «русским империализмом». В частности, в законах США от 17 июля 1959 г. «О порабощенных нациях», от 2 августа 2017 г. «О противодействии противникам Америки посредством санкций», от 18 декабря 2018 г. «О защите американской безопасности от агрессии Кремля». Более того, в «Стратегии национальной безопасности США» от 12 октября 2022 г. однозначно заявлено, что только США, а не какая-либо иная держава является сегодня «цитаделью правды и человеческой свободы», а вот Россия с ее авторитаризмом и агрессивной политикой

¹ Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев // kremlin.ru/events/president/news/66181. 12 июля 2021 года.

представляет «зловещую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира»². Естественно, что в рамках такой провокационной парадигмы дело дошло до прямых силовых столкновений.

В украинских политических кругах господствует убеждение, что нынешняя ситуация на Украине – это закономерное отражение сложившегося на протяжении нескольких столетий негативного отношения украинцев к «имперской идеологии» самодержавного царского режима, коммунистического Советского Союза и современной антидемократической авторитарно управляемой Российской Федерации. Во всем, оказывается, виноваты не национализм, бандеровщина, антикоммунизм и русофобия, не системная коррупция, преступный правящий режим и экономическая деградация, а русские и только русские. Другие варианты не рассматриваются в принципе. Дошло до отмены русского языка и призывов убивать русских, до запрета Украинской православной церкви, захватов Киево-Печерской Лавры и других объектов православной церкв, не говоря уже о размещении по периметру украинских границ иностранных армейских баз и секретных биологических лабораторий. На официальных мероприятиях появилась нацистская символика, на форме украинских военнослужащих нормой стали гитлеровские шевроны и опознавательные знаки вермахта. На поля сражений появились немецкие «леопарды», американские «абрамсы», английские «челленджеры» и турецкие «байрактары».

Похоже, что потребуются немало времени, чтобы украинское общество осознало, что во власти нужны не ловкие и пробынные, не те, кто играет на судьбах миллионов и упивается своим вероломством, называя минские соглашения и «нормандский формат» дипломатическим спектаклем, а лидеры истинного украинского патриотизма, люди здравого смысла, чести, порядочности, ответственности и уверенности в своей правоте³.

Хотя все хорошо понимают, что конфликтный потенциал на российско-украинском направлении таит в себе огромные

риски и угрозы, что противостояние, если ему соответствующим образом не противостоять, будет усиливаться, порождая все новые и новые очаги кризисной напряженности и человеческих трагедий. Вероятнее всего Украина в обозримом будущем сохранит за собой статус передового *плацдарма* международного антироссийского давления и одного из самых опасных *очагов* международной напряженности. Ведь страна по сути своей сегодня превращена в *государственно-наемника* и одного из самых активных центров нанесения стратегического (геополитического, экономического, идеологического, военного) поражения России. Именно поэтому на украинском направлении не только не осуждаются, а, наоборот, поощряются всякого рода фальсификации и провокации, стимулируется идеология нацизма, бандеровщины и русофобии.

Исследование

Украинская государственность и диалектика российско-украинских отношений

Формирование украинской суверенной государственности в строго хронологических рамках составляет не более трех десятков лет. Но если посмотреть на историю украинского народа в целом, то окажется, что это достаточно долгий, весьма противоречивый, далеко не линейный процесс развития. Причем развития не самостоятельного и параллельного в общем историческом контексте жизнедеятельности народов и цивилизаций, а естественный «продукт самобытных корней Киевской Руси и Москвы» [25. С. 211]. Это результирующая развития в многомерном и крайне противоречивом пространстве непростых отношений Киевской Руси с Московией и Татаро-монгольской ордой, со странами Скандинавии и Ливонского ордена, Речи Посполитой, Турцией и Персией. Многое формировалось в условиях великого множества конфликтов и сменяющих друг друга союзов.

В целях защиты от внешних набегов украинские гетманы искали помощи со стороны других государств, прежде всего Польши и княжества Литовского. Днепров-

² National Security Strategy (United States) //en.wikipedia.org/wiki/National_Security_Strategy (дата обращения 14 сентября 2022 г.).

³ Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 21 апреля 2021 года; Он же, Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 21 февраля 2023 года.

ские и донские казаки считали себя побратимами и чаще всего действовали совместно с русскими - русские, украинцы и белорусы всегда вместе защищали свое национальное достоинство, свою независимость и суверенитет. Так было в период борьбы с татаро-монгольским нашествием, агрессии немецких рыцарей 1242 г., наступления крымского хана Мама в 1380 г., господства польской шляхты в XVII веке, агрессивности шведских завоевателей в XVIII веке, наполеоновского вторжения и агрессии кайзеровской, а вскоре и гитлеровской Германии.

Москва всегда поощряла сотрудничество и проводила политику единства славянских народов, вынашивала серьезные намерения «прочно закрепиться» в низовьях Днепра, Южного Буга, Крыма и Причерноморья [17. С.112-118]. Казаки, в свою очередь, высоко ценили материальную и военную поддержку московских царей (деньгами, оружием, продовольствием) и в ответ на просьбы вместе бороться с неприятелем обещали «государю честно служить». Временем расцвета и устойчивого развития русско-запорожских связей была последняя четверть XVI века. Именно с тех далеких времен межнациональные русско-украинские контакты начали приобретать системный стратегически ориентированный характер [19. С. 184]. Запорожцы при всех сложностях и бедах никогда не прекращали поиск контактов с Россией, а Россия в свою очередь учитывала позицию украинских казаков в отношениях с другими странами, прежде всего с Речи Посполитой. Вековое стремление запорожцев к сотрудничеству с Россией и передаче Украины под ее власть отмечает даже М.С. Грушевский - председатель Украинской Центральной Рады и один из самых активных лидеров украинского националистического движения, подчеркивает серьезность намерений украинцев оказаться под русской «государскою державою» [5. С. 110]. Результатом совместных усилий стало освобождение земель Войска Запорожского от польского владычества, подписание союзнических документов Переяславской Рады (1654 г.) и вхождение Запорожской гетманщины в русское подданство в качестве неотъемлемой составной части Русского царства на правах автономии. В XVII веке запорожское казачество превратилось в важнейший политический субъект Восточно-Европейского континента.

Немало выходцев из украинской стороны несли царскую службу, воевали в составе русского войска. Не возбранялся также выезд

желающих на постоянную службу в Московское государство [24. С. 126]. Параллельно шла колонизация слабозаселенных южных и юго-западных окраин русского государства. В 1764 г. была учреждена Малороссийская губерния, которая позже была существенно территориально расширена за счет Волыни, Подолья, понизовья Днепра, Приазовья и Крыма. Малороссами назывались все народы, проживающие на юго-западе Российской империи. Все они однозначно идентифицировались в качестве неотъемлемой части великой общерусской народности.

Примечательно также то, что надежды на плодотворное московско-запорожское сотрудничество полностью оправдывались. Но это вовсе не означает, что украинские националистически-антирусские проявления были полностью преодолены. Нередкими были случаи предательства, службы враждебно настроенным по отношению к Москве князьям, участия в опустошительных походах на российские земли. Из истории нельзя также изъять многочисленные попытки внешних сил посорить малороссов и великороссов, дезинтегрировать народы, объективно представляющие единый православный этнос. Тем более, что идеологических оснований, форм и методов для дезинтеграции было немало.

Например, концепция хазарского происхождения малоросских казаков, образование униатской греко-католической церкви, переход Киевской митрополии в подчинение Папе Римскому, гонения в отношении служителей православной церкви со стороны католической правящей элиты. Запорожцы входили в войска Лжедмитрия, участвовали в повстанческих сражениях, служили польской и литовской шляхте. Представители украинской вольницы участвовали в походах И.И. Болотникова - жестко усмиряли Ярославль, жгли Кострому и Вологду, организовывали разбойные нападения на поселения Псковщины. Украинские казаки под водительством польского полковника А. Лисовского были активными участниками вооруженного бунта В. Шуйского, сожгли Даниловский монастырь и умертвили всех его жителей. Запорожцы атамана Искорки сожгли Стародуб, а киевский атаман Горностай, захватив Чернигов, полностью его разграбил.

Нередко украинцы помогали Речи Посполитой в реализации политики порабощения русских территорий и решения задачи окончательного «покорения грубого московского народа». Десятки тысяч запорож-

цев под водительством гетмана П. Сагайдачного в 1618 г. вторглись в пределы России с юга. Разграбили Кафу (ныне Феодосия), взяли Козельск и Перемышль, захватили Ливны и Елец, разорили Рязань, Касимов, Скопин и Шацк, прошли Калугу, Серпухов и Коломну, подступили к Зарайску и вместе с поляками штурмовали Москву. А вот когда начали терпеть поражение, П. Сагайдачный тут же отправил послов к русскому царю, предлагая союз и в перспективе переход Украины в российское подданство. По аналогичной схеме действовали отряды и других атаманов - грабили, разоряли, убивали, перехватывали царскую казну, угоняли лошадей, массово уводили людей в плен - убыль населения некоторых поселений после набегов запорожцев достигала 30-50% [9. С. 168-174]. Именно в те далекие и весьма трагические времена зародилась традиция «приставств» - самовольного взятия территорий на кормление.

В Москве понимали, как непросто договариваться с общиной запорожских казаков, которая в условиях безбрежной «военной демократии» была ареной острой борьбы различных политических интересов, быстрой смены настроений и наличия нескольких векторов внешнеполитической ориентации: одни запорожцы вели переговоры с донцами и Москвой, другие - участвовали в разбойничьих набегах на Крым и русское пограничье, третьи - обещали и практически оказывали поддержку полякам в их борьбе с Россией [20. С. 16]. Был момент, когда Богдан Хмельницкий тоже верил в «доброго французского короля» и даже способствовал тому, что поляки, не опасаясь за свой тыл, бросили все свои силы против русских. Но пришло время, и он свои взоры обратил на Москву, понял, что *будущее украинцев только в тесном союзе с Россией*. Это и стало объективной основой исторических для наших народов решений Переяславской Рады 1654 г.

С этого момента начался системообразующий (базисный) этап формирования украинской культуры и украинского народа как единой социальной общности, его национальной культуры и будущей государственности. В более широком смысле стала складываться также единая русская культура - культура универсальная, терпимая к культурам других стран, других народов и народностей [10. С. 4-5].

В полной мере справедлив и другой вывод: как только украинцы ощущали притеснения, терпели поражение или, предвидя поражение, рассчитывали на покровитель-

ство, помощь и защиту со стороны России. Примечательно, что такая помощь непременно в той или иной форме оказывалась. Москва *всегда была рядом*, всегда помогала, а в случае необходимости защищала. Причем не только материально и политически, православной молитвой или строительством храмов, а прежде всего военной силой и дипломатическим покровительством. Именно Россия покорила Крымское татарское ханство, освободила Азов, Кафу и Сугдей (ныне Судак), присоединила Причерноморье с городами Аккерман, Бендеры, Очаков, Керчь, Анапа и Темрюк.

Решения Переяславской Рады некоторые историки до сих пор пытаются пересмотреть, переоценить и трактовать всего лишь как одну из возможных альтернатив государственного строительства чисто тактического характера [1. С. 115-116; 7. Т. 9]. Некоторые говорят о «яростном недовольстве Запорожской Сечи результатами Переяславского соглашения», о стремлении Ивана Мазепы «оторвать Украину от России», который, руководствуясь исключительно национальными идеалами, делал все возможное, чтобы избавиться от «ига Москвы» и «восстановить самостоятельность Украины». Именно Мазепу и таких как он представляют «великими патриотами и личностями необычайного личного мужества».

Мотивация, смыслы и корыстные цели таких усилий понятны. На самом же деле все обстояло принципиально по-иному. Переяславская Рада предложила стратегическое решение исторической значимости, материально закрепила реальное стремление украинского казачества перейти под «государеву руку» и стало политико-юридическим фактом признания того, что казацкая правящая элита созрела для окончательного разрыва с Речью Посполитой и была готова к тому, чтобы русский царь был для них единственным государем «без нарушения вечного до кончанья» [20. С. 42].

Россия никогда не тормозила единение и развитие разных народов. Причем российское государство далеко не всегда формировалось насильственными колониально-захватническими методами, чаще всего и преимущественно это делалось на добровольных союзнических началах. Никто и никогда не игнорировал также трагические страницы нашей общей истории, когда национальные проблемы решались принудительно-силовыми методами репрессий, насильственных депортаций и массовых переселений. Не остались без последствий

достаточно болезненные церковная и языковая реформы Петра Первого, русификация Малороссии и ополячивание Западных земель после раздела Польши при Екатерине II, украинизация в послереволюционные годы, репрессии сталинских времен. Свой отпечаток наложили декабристы, которые будущее России видели в конституционности государственного режима в форме единой и неделимой многонациональной республики славянских и других народов.

Со второй половины XIX в. набирает силу «украинофильство» - поощряемая Польшей и Австро-Венгрией концепция особенности восточнославянского народа Галиции и противопоставления его традиционной общерусскости. Появляется Кирилло-Мефодиевское братство, деятельность которого основывалась на идеях борьбы за права «угнетенного украинского народа» и против «насильственного окатоличивания православных». Конец XIX века был ознаменован созданием украинского националистического проекта, идеологическая концепция которого была изложена в изданной в США в 1956 г. многотомной «Історія України-Русі» М.С. Грушевского.

За единое (унитарное) централизованное многонациональное государство выступал также В.И. Ленин - в дореволюционное время придерживался мнения, что федерация, акцентирующая внимание на особенностях и частностях, порождает отчужденность, затрудняет межклассовые отношения, ослабляет производственно-экономические и социально-культурные связи народов, поэтому мало приемлема для пролетарского государства [15. С. 113-150; 16. С. 79-80]. Не принял также сталинскую концепцию автономизации. После победы Октябрьской революции позицию сменил кардинально - высказался за федерацию социалистического типа на основе Советов рабочих и крестьянских депутатов, за добровольный союз равноправных республик с правом национального самоопределения вплоть до выхода из федерации.

Империалистическая война, Октябрьская революция, Украинская Народная Республика: логика борьбы, побед и поражений

Российская империя - страна «абсолютной монархии с серьезной составляющей средневекового феодализма и крепостного права» к началу XX в. оказалась в состоянии всеобъемлющего системного кризиса. Роль дворянства, как основного связующего звена между монархическим престолом, знатью

и народом ослабла, а вот бюрократия и военная элита свои позиции укрепляла. Провалы на фронтах, экономический застой, тяжелое финансовое и военно-оборонное положение, отсутствие твердого стратегически обоснованного политического курса способствовало падению авторитета государственной власти, провоцировало протестно-революционные настроения. Причем, не только в столице и крупных губернских центрах, но и практически по всему периметру национальных окраин.

Именно в это время активно обсуждаются вопросы ограничения монархии и режима абсолютизма, создания общегосударственного представительного органа, перехода к конституционализму и разделению властей. Начался процесс формирования буржуазных и социал-демократических партий, зарождалось рабочее движение, укреплял свои позиции анархизм с его проповедью «ничем не ограниченной свободы личности» и авантюристическими идеями неизбежности социальной революции как «стихийного бунта масс», отрицанием государственной власти и принуждения как метода управления. Практически все общепризнанные авторитеты и выразители общественного мнения той поры были убеждены, что настоящим проявлением патриотизма является критика государственного строя вплоть до призывов к свержению царского самодержавия, разрушению царизма и многонациональной империи, как «тюрьмы народов», как формы порабощения окраин и угнетения трудящихся.

Прошло немного времени и под давлением своего ближайшего окружения монарх отрекается от престола. Не помогло ни правительство во главе с премьер-министром, ни реформы губернского правления по модели «земского конституционализма», ни Манифест 1903 г. «О предначертаниях и усовершенствованию государственного порядка», ни маневры Булыгинской и последующих государственных дум, ни попытки наделить Государственный совет широкими управленческими полномочиями. Не сработал также Манифест 17 октября 1905 г. с его идеями неприкосновенности личности, свободы слова, собраний и союзов. В итоге страна оказалась в ситуации безвластия, правового хаоса и последующего развала. Такое впечатление, что никто не понимал, что общими усилиями толкают страну в зону великих потрясений, а государство к катастрофе. Вместо конструктивных реформ власти пошли по пути мистификаций, интриг

и в итоге подвели страну к катастрофе. Историческим фактом стали двоевластие, митинговая демократия, социальная и межнациональная нетерпимость и беззаконие. Подняли голову националистически-сепаратистские силы. На какое-то время во главе национально-демократического движения на Украине стало движение «Громада» Антоновича-Грушевского. Управление в такой обстановке оказалось малоэффективным, более того, крайне рискованным и стратегически бесперспективным.

В Киеве, пользуясь удобным моментом политических шатаний и слабостью центра, сформировали Центральную Раду - своего рода революционный парламент украинского национального движения и одновременно как «территориальный орган, проводящий на Украине революционную политику Временного правительства». В ее состав входили представители всех более-менее влиятельных национал-демократических и социалистических партий. Генеральным секретарём был избран В.К. Винниченко, на пост генерального секретаря по военным делам был выдвинут С.В. Петлюра. Именно они были авторами практически всех универсалов, деклараций и нормативных актов Украинской Народной Республики (УНР), провозглашенной в одностороннем порядке в статусе автономии (Универсал от 23 июня 1917 г.) в составе Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской губерний. Сформировали также губернские, уездные и городские рады. Приступили к формированию своей собственной армии.

Чуть позже сразу же после свержения Временного правительства четвертым универсалом от 22 января 1918 г. УНР была провозглашена самостоятельным государственным образованием. Тут же в оперативном порядке организовали цикл всеукраинских съездов - крестьянский, рабочий, кооперативный и военный, поддержали движение «Союз за освобождение Украины», заговорили о намерении превратить Украину в самостоятельный субъект международного права. При этом ссылались на решение VII Апрельской конференции РСДРП 1917 г., которым было признано право наций, входящих в состав будущего социалистического государства, «на свободное отделение и на образование самостоятельного государства» [12. С. 503]. Такая стра-

тегия украинской стороны не получила, да и в принципе не могла получить одобрения центра. 17 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров союзного государства обращается с ультимативным требованием к Украинской Раде не злоупотреблять правом Украинской республики на отделение, отказаться от политики сепаратизма и прекратить дезорганизацию фронта, а больше оказывать содействия революционным войскам⁴. Такую позицию поддержала Коммунистическая партия Украины - какое-то время она функционировала как национальная большевистская организация.

Концепция националистического возрождения и идеология Сичевых Стрельцов уже с тех времен стала своего рода «идолом русофобствующего национализма» [3. С. 298]. В соответствующем выгодном для себя свете трактовалась «Декларация прав народов России» (Второй Всероссийский Съезд Советов 2 ноября 1917 г.). С восторгом была поддержана «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа» (Третий Всероссийский Съезд Советов 12 января 1918 г.). Особенно в той её части, в которой провозглашалось «равенство и суверенность всех народов России», закреплялось «право наций на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Всячески поддерживались нормы, которыми отменялись национальные привилегии и национально-религиозные ограничения, утверждалось свободное развитие национальных меньшинств, равноправие, творческое развитие языков, науки и культуры. Декларация не диктовала, а наделяла каждую нацию реальным правом принимать самостоятельные решения по поводу того, желают ли они и на каких условиях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях.

Украинская государственность в составе Союза ССР

Украина советских времен не была суверенной государственно-политической составляющей единого советского федеративного государственного образования, представляла собой *административно-территориальную единицу* в составе СССР. Тем не менее даже такая ограниченная государственность приветствовалась и с воодушевлением

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4880. Л. 1-3.

была воспринята основной массой украинского населения, в том числе в среде тайно мечтающих о полной государственной «незалежності» Украины и ее территориальной «самостійності». Вполне приемлемой для националистов была политика *коренизації* кадрового состава государственного аппарата, перевода официального делопроизводства, образовательной системы и культурного строительства на национальный язык. Что, несомненно, способствовало развитию национального самосознания, расширяло социальную базу советской власти, хотя, и это нельзя не признать, провоцировало возрождение украинского национализма [10. С. 268], а в последующем а) перерождение украинства в особую форму русофобии, нацизма и шовинизма, б) переход на позиции обиженной, перманентно страдающей и исторически униженной народности, в) втягивание украинцев в «крайне изнурительную» борьбу с «москальской агрессивностью». При этом игнорировалось главное - то, что именно *российский имперский дух и советский союзный формат* сформировали украинскую нацию как одну из самых успешных в составе общего советского государственного проекта.

Именно в советские годы Украина сформировалась как государственное образование в нынешних его границах, была результатом претворения в жизнь идей сначала диктатуры пролетариата, а затем федеративного государства социалистической народной демократии, пролетарского интернационализма, единой плановой экономики, коллективизации крестьянства на основе крупной колхозно-кооперативной, а не мелкотоварной фермерской собственности. Никакой колониальной зависимости Украины от России никогда не было, а «извечное стремление украинского народа к освобождению» - не более, чем инсинуации противников добрых и взаимно обогащающих отношений между двумя народами. Более того, Украинская ССР была полноправным членом ООН. Конфликты, грубые нарушения принципов законности, гуманизма и пролетарского интернационализма, конечно, были. Был бюрократизм и местные амбиции, были депортации и репрессии, но в стратегическом плане всегда побеждал разум и общий интерес. Никакого аннексирования УНР не было. Неправда

также то, что «пострадавших в годы Большого террора 1930 гг. представителей партийной и беспартийной украинской интеллигенции было в несколько раз больше, чем в Центральной России». Никакого «выкорчевывания национальной идеологии» также не было [1. С. 134-135], а вот оккупированной западными чужеземцами украинская территория той поры была несколько раз. Верх со стороны России всегда брала политика уважения, равноправия, созидającego соревнования и сотрудничества, политика созидания, социального единства и государственного суверенитета.

Основой советского государственного строительства были принципы добровольности союзных отношений, равноправия всех субъектов союзного государства, сохранения за каждой республикой права на самоопределение и свободный выход из Союза. Причем Украина была не просто соучредителем, а одним из самых активных инициаторов-участников создания СССР как федерации равноправных республик. На политическом ландшафте советского государства появилась Украинская ССР, официально «легализовавшая украинский народ в качестве самостоятельного государствообразующего социального образования». Историческим фактом особой значимости было также то, что в 1954 г. в состав Украины была передана Крымская область и город Севастополь.

Малороссы в единой семье народов создавали большую общую страну, крепили молодую советскую государственность, формировали ее культуру, науку и оборонный потенциал. Участвовали в освоении и развитии Урала, Сибири, Кавказа, Дальнего Востока. В советский период выходцы из Украины занимали самые значимые, в том числе высшие посты в руководстве партии и единого союзного государства. При этом решающим условием было всеобщее признание руководящей роли коммунистической партии большевиков, «объединяющих действия всех советских и партийных учреждений, как организаций рабочего класса, объединяющего и стремящегося направить всю работу Советской Республики»⁵. А далее подключались, так называемые, приводные ремни управления - советы народных депутатов, профсоюзы, пионерия и комсомол, женсоветы, органы рабоче-крестьянской инспекции.

⁵ Сталин И.В. Доклад Центрального комитета IX съезду РКП(б) 29 марта 1929 г.

Базовым условием партийного руководства была номенклатурная система кадровой работы, принципы коммунистической партийной гегемонии и идеологической монополии марксизма, демократического централизма и пролетарского интернационализма. Впервые в истории человечества была предпринята попытка не на уровне деклараций, а на практике построить государство силами народа и для народа, обеспечить права и защиту свободы человека вне зависимости от его социального происхождения, места жительства, национальности и вероисповедания, т.е. всего того, что выражает гуманистический, как формулировал Г. Гегель, субстанциальный смысл государства и его конечную цель [6. С. 286].

Союзные республики в составе единого советского государства конституционно обладали всеми формальными признаками самостоятельного национального государства, хотя, понятно, реального суверенитета у них не было, да и не могло быть в принципе. Не обладала таким суверенитетом и Украинская Советская Социалистическая Республика. Основой ее государственности была власть советов трудящихся Украины; конституционно закрепленное положение о руководящей и направляющей роли коммунистической партии с соответствующими приводными ремнями в лице многочисленных институтов гражданского общества; федерализм на основе добровольности объединения республик в единое государство; юридическое равенства наций и широкая автономность союзных республик; постоянство республиканских территорий; наличие собственного гражданства; монополия государства на землю, средства производства в форме общенародной собственности и средства массовой информации.

Активно действовали структуры рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), государственного планирования и идеологического обеспечения. На вооружение были взяты постулаты свободы совести, отделения церкви от государства, свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды. Неизменно подчеркивалась неприемлемость национальной замкнутости и межнациональной нетерпимости. Отсюда тактика: социал-демократы угнетающей нации акцентируют внимание на проповеди и отстаивании идей равенства, сотрудничества и свободы отделения угнетенной нации; социал-демократы угнетенной нации центр тяжести своей агитации переносят на «добровольное со-

единение наций» и на возможность включения ее в состав мощного союзного пролетарского государства.

Украинский социум в заданной системе координат развивался как носитель общесоюзной системы ценностей и идеалов при ведущей роли русской социокультурной традиции. Причем непременно при самом активном участии российского ресурсно-экономического, научно-технического и культурного потенциала. Украинская национальная специфика при этом не только не утрачивалась, а, наоборот, сохранялась и развивалась. Украинцы в составе единого советского социума в подавляющем своем большинстве чувствовали себя вполне комфортно, соединяя в себе преимущества статуса титульной нации украинской государственности и социальной общности как носителя социокультурной традиции Советского Союза в целом [21. С. 35-37].

Принципы централизованного управления, государственного планирования и межотраслевого регулирования, мобилизующий потенциал взаимно заинтересованного стремления к общему успеху приносили весьма ощутимые результаты. Советская история Украины были не поражением и не колонизацией, а *исторической победой* общемировой (общечеловеческой) значимости. Это однозначно, но руководители и идеологи современной Украины, их внешние покровители и «друзья-русофобы» предпочитают об этом не говорить. Наоборот, стремятся всячески дискредитировать прошлое и даже отменить советское прошлое, считают управляемую из Москвы Украину квази-государством, территорией, которую необходимо зачистить для создания понастоящему великой независимой процветающей Украины. В их понимании Украина была оккупирована Россией с ее «тоталитарной диктатурой монополично правящей партии», доказывают, что украинцев намеренно морили голодом, убивали и депортировали. Идеальная же Украина - это национально однородное с униатской идеологией прозападно ориентированное государство, допускающее, если потребуется, самые жесткие силовые меры в отношении каждого, кто не разделяет такое понимание украинской государственности.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны укрепило веру советского многонационального народа в величие и непоколебимую мощь своей страны, в эффективность ее национальной и куль-

турной политики. Послевоенная переналадка партийного руководства и государственного управления проводилась настойчиво, последовательно и в по-сталински жестком режиме. Решительно пошли по пути отказа от военно-мобилизационных методов и децентрализации. Соответствующим образом перераспределялись полномочия властных структур, расширялись права союзных республик, усиливалась ответственность местных органов управления за качество исполнения принятых решений. Республиканские конституции и законодательные акты унифицировались на единой союзной правовой основе. Соответствующим образом решались экономические, социальные, кадровые и межнациональные вопросы. Мобилизационные методы, пропагандистско-идеологическое воздействие и репрессии оставались главным средством управляющего и принудительно-организующего воздействия.

После смерти И.В. Сталина начался очередной этап реформ с серьезным демократическим уклоном. Предполагалось восстановление социалистической законности, более строгое разграничение полномочий партийных, советских и хозяйственных органов. Провели реформу карательно-пенитенциарной системы, существенно ограничили полномочия внесудебных органов, ввели определенные налоговые послабления. Тем не менее проводимые реформы вызывали в обществе и среде правящей элиты серьезное раздражение и в итоге завершились провалом «хрущевской оттепели». Вскоре началось движение в более разумном направлении и в более строгом с научной точки зрения направлении. Появился Комитет народного контроля, сельское хозяйство переходило на индустриальные рельсы, формировались новые товарно-денежные отношения, управление становилось более гибким и реализовывалось в рамках долгосрочных и стабильных плановых показателей. Были сняты многие господствующие ранее управленческие противоречия межуровневого, межведомственного и межотраслевого характера. Заметные позитивные подвижки наблюдались в пространстве реализации национальной политики и интернационального воспитания.

Но многие потенциально прогрессивные возможности проводимых преобразований в полной мере реализованы не были. Номенклатурно-бюрократическая система управления и командно-мобилизационный режим политического и хозяйственного

руководства брали верх. Росли масштабы теневой экономики, приписок и неформальных производственных отношений. Идеи братской дружбы, интернационализма и равноправного сотрудничества в полную силу не работали. Принципы классовой солидарности, партийного руководства и демократического централизма достойно звучали лишь в политических докладах и в научных трактатах, а в реальной жизни чаще всего подменялись громкими призывами к повышению трудовой дисциплины, развертыванию критики и самокритики, борьбе с очковитирательством и бесхозяйственностью. Попытка преодоления застойных явлений и обновления начала восьмидесятых годов успехом также не увенчалась. Позже объявили курс на перестройку в духе «нового политического мышления».

Перестройка – беловежские соглашения – суверенная Украина: замыслы, действия, результаты

Начали перестройку с критики исторического прошлого, отказа от «канонизации» В.И. Ленина и его национальной политики, критики сталинизма с его репрессивными методами властвования и жесткого публичного управления, разрушения номенклатурной кадровой системы, т.е. отказа от всего того, что, по мнению тогдашнего партийного руководства и идеологов перестройки, вогнало страну «в казарменный социализм» [23. С. 299] и завершилось разрушением государства. Наступил момент, когда не только центр не справлялся с нарастающим потоком проблем, но и республики были не в состоянии сохранять добрососедские отношения между собой. В Киеве популярными стали формулы «Хватит работать на Москву»; Прибалтика добивалась полной суверенизации, максимально возможной политической и культурной автономии, в Тбилиси мечтали о включении суверенной Грузии в новый мировой порядок, на Урале призывали прекратить «кормить Азию». Многих раздражала политика расточительства в отношении союзников по социалистическому блоку и стран социалистической ориентации. Все это вместе взятое стало первопричиной и важнейшим фактором «постепенного расшатывания и в конечном итоге разрушения союзной системы» [13. С. 39-40]. Не снял проблему новый Союзный договор, который, как предполагалось, должен был оптимизировать взаимоотношения центра и периферии, представить больше полномочий союзным республикам.

Свой вклад в разрушение Союза ССР внесло отсутствие четкого плана перестроенных действий, формализм федеративного устройства, провокационное решение о суверенизации РСФСР, бюрократические маневры вокруг союзного договора, предполагающего переформатирование страны по конфедеративным лекалам с приданием автономиям статуса союзных республик без права сепарации. Во власти, в том числе на высоких партийных и государственных руководящих постах появилось немало весьма чувствительных к корысти демагогов. Для таких партийный билет был не более, чем пропуском во власть, да еще непременным условием успешного карьерного роста. И неважно, представляли они центр или работали в органах власти на республиканском, областном или районном уровне.

Не была в этом отношении исключением и Украина. Не случайно за запрещение Коммунистической партии Верховная Рада Украины проголосовала мгновенно и практически единогласно. И это при условии, что 90% депутатского состава представляли номенклатурные работники-коммунисты, представители высшего партийно-государственного аппарата и военно-промышленного комплекса. Голосовали, не задумываясь над тем, что предадут не только идею, под которой подписывались, получая партийный билет, но и персонально тех, кому клялись и чему обязались служить честно и добросовестно. Разогревая неприязнь ко всему советскому и коммунистическому, а позже и российскому, убеждали сограждан в том, что только освободившись от России и покинув пространство русского мира, только в союзе с Западом и в контексте «европейского выбора» можно обеспечить свое счастливое будущее. Налицо была, как сейчас понятно, позиция не созидания и прогресса, а радикальной деформации, разрушения и тотальной коррупционной преступности. Но даже в такой предельно критической ситуации многие до сих пор занимаются пропагандой миссионерской избранности украинцев, верят в искренность своих правителей и в силу своих западных покровителей.

При этом неизменно насаждались и насаждаются сейчас тезисы о «тысячелетней традиции государственного строительства (державного будівництва) в Украине», о судьбоносном «праве украинского народа на самоопределение». Многие при этом хорошо понимают, что в условиях обостряющейся конкуренции за ресурсы (а у России такие ресурсы огромны) выгоднее быть

на стороне более сильного субъекта - США, Европы и Запада в целом. Отсюда политика так называемого «европейского выбора» Логика предельно проста: Россия рухнет и нам в итоге «тоже что-то перепадет». Позиция, как ее представил К.Г. Шахназаров, подлобая, особенно, если учесть тот факт, что сотни лет мы жили вместе, строили единое государство, вместе боролись и побеждали, вместе переносили невзгоды и делили успехи, а теперь решили не только получить свободу, но и пожить за счет соседа и брата. К моменту распада СССР в украинском обществе господствовала убежденность, что Украина – донор советской экономики (москаль з'їв наше сало). Поэтому убеждали себя и других в том, что с выходом из Союза на украинской земле наступит счастье и расцвет (зайвемо багато и щасливо). Отсюда реформы в духе националистического радикализма, дистанцированности от России и европейской интеграции (либеральная политическая система, рыночные отношения, безвизовые межгосударственные отношения, плюс расчет на благосклонность Запада вплоть до вступления ЕС и НАТО).

Нагнетание русофобских настроений, формирование идеалистического образа украинского процветающего государства, постоянная демонстрация своего украинского «западничества» стали признаком особой политической мудрости и особого украинского патриотизма. Даже колониальное положение украинских территорий в составе Речи Посполитой и Австро-Венгрии стали выдавать за «глубокую интеграцию украинцев в европейскую культуру», за особую форму приобщения украинского народа к западным (общечеловеческим) ценностям» [11. С. 64]. Вскоре господствующими стали лозунги «Никаких договоров с имперским Союзом!», «Украина – не Россия!». Подталкивали в «нужном» направлении и вполне, на первый взгляд, разумные и справедливо звучащие выводы типа того, что советское государство застоя нуждается в радикальной структурной перестройке и во всесторонней его демократизации на новых по-настоящему цивилизованных правовых основаниях. Определили также главную причину неудач социалистического проекта - косность и яростное сопротивление перестройке. Тут же установили главного виновника - консервативное большинство в партийно-государственном аппарате.

Идеологи и вдохновители перестройки не представляли, что их политика развяжет руки вырвавшимся на свободу антисовет-

ским прозападно ориентированным силам, которым на волне народного недовольства за считанные месяцы не то, что «перестроить» систему и «придадут ей ускорение», а демонтируют государство и ввергнут многомиллионное советское общество в нищету с весьма смутным будущим. Причем ведущее место в перестроечных программах радикалов отводилось именно политике отделения национальных территорий от остальных республик СССР [14. С. 87]. К дезинтеграции подталкивал также обострившийся во второй половине восьмидесятых годов национальный вопрос, спровоцировавший немало кровавых событий практически во всех республиках Прибалтики, Кавказа и Средней Азии. Резко возросла опасность проникновения в страну нацизма, русофобии и исламского фундаментализма.

Понятно, что решить накалывающиеся проблемы одними пропагандистско-бюрократическими мерами, декларативными решениями и призывами к миру и спокойствию было невозможно. Даже если эти призывы исходили из самых высоких государственных и партийных инстанций. Тем более, что реальные дела именно на этом уровне часто подменялись политической демагогией. Примером может служить обращение Верховного Совета СССР от 14 июня 1990 г. № 1570-1 «К высшим органам государственной власти союзных и автономных республик» с его констатациями типа того, что «добиться успеха можно только в тесном содружестве» и призывами «проявить общую волю к сотрудничеству», «объединить усилия для конструктивной совместной работы». Да, еще «скоординировать усилия по разработке законодательных принципов общесоюзного рынка» на основе нового Союзного договора. Не лучше с точки зрения вдохновляющего потенциала и конструктивности выглядело Совместное заявление Президента СССР и руководителей девяти союзных республик от 24 апреля 1991 г. «О безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса».

На деле все ограничивалось формулой о недопустимости дискриминации по национальному признаку и бюрократическими призывами принять решительные меры по восстановлению конституционного порядка, заключить новый союзный договор, подтвердить обязательство местных органов власти по «безусловному выполнению финансово-бюджетных обязательств». Никто на такие документы уже не обращал вни-

мания, мало, кто верил, что действующие союзные структуры смогут вернуть мир и социальное согласие. Рейтинги доверия к властям опустились до критически низкого уровня. В столице и на местах появилось множество либерально-демократических, по сути своей антикоммунистически ориентированных неформальных объединений, оппозиционных газет, радиостанций и телепрограмм.

Власть Президента СССР и его окружения с их приверженностью к «политическому маневрированию и заигрыванию с радикалами» плелась в хвосте событий. Правящая верхушка, призывая к законности, гласности и ускорению, не пользовалась должным авторитетом, реально оказалась неспособной не только к созидающему действию, но и к трезвой оценке происходящего, а тем более к адекватному восприятию критики в свой адрес, не говоря о достойном сопротивлении национализму и религиозному экстремизму. Чем все это закончилось, хорошо известно – государственными переворотами, массовыми беспорядками, межэтническими кровавыми столкновениями, цветными революциями, майданными демократиями, дискриминацией по религиозному признаку. Поэтому вовсе не удивительно, что вскоре дошло до того, что слово «русский» во многих национальных республиках стало ругательным, а православное украинское население принудительно стало заталкиваться в католичество. Оказалось, что не так уж и трудно убедить народ в том, что пребывание рядом с Россией – несвобода и порабощение, а вот рядом с Европой, а тем более США – свобода, современность и процветание [18. С. 33].

Никто не хотел замечать, что *противостоящие нам субъекты даже не пытаются быть честными и объективными*, что для них давно обычной стала практика двойных стандартов, что любая уступка воспринимается ими как слабость, а призывы к взаимовыгодному взаимодействию квалифицируется как слабость и непрофессионализм. Никто не знал, а если и знал, то особенно не верил в то, что Запад, как писал З. Бжезинский, делает только то, что ему выгодно и удобно – главное для них – обосновать разумность и даже выгодность для мирового сообщества «глобального господства США», убедить мировое сообщество в том, что современная российская элита не способна «реалистично оценить свои слабости» и вести рациональную политику [4. С. 13-20, 125]. Поэтому остается лишь одно – создать ситуацию управляемого

хаоса, обогатить, унижить, а в последующем, раздробив на мелкие квазигосударства, нанести России стратегическое поражение.

Принципиально ничего не изменило создание союзно-республиканского Государственного комитета СССР по национальным вопросам. Не успокоил ни закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», ни решение «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» от 26 апреля 1990 г. № 1457-1, ни Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1990 г. № 1853-1 «О сохранении Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик». Не остановили революционеров довольно строгие меры наказания, которые предусматривались законом от 2 апреля 1990 г. № 1403-1 «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР». Наоборот, все настойчивее звучали требования «незамедлительно переходить к суверенизации».

На Украине с таким вариантом развития событий согласились и незамедлительно сделали свой «исторический выбор». Вперед по пути строительства своей суверенной государственности пошли под жовто-блакитным флагом и трезубцем в качестве государственного герба, да еще под звуки гимна «Ще не вмерла України» и бандеровского приветствия «Слава Україні!». Потребовался еще один шаг и зазвучали призывы к физической расправе над коммунистами и работниками советских госучреждений, к реабилитации контрреволюционных банд ОУН-УПА, демонтажу памятников монархического и советского прошлого. Реальностью стали мифотворчество, требования запретить изучение русского языка в школах и его использования в публичной сфере. Всячески сопротивлялись публикации архивных материалов о деятельности бандеровцев под руководством спецслужб фашистской Германии, о возрождении радикального национализма и сепаратизма⁶. Именно Украина, воспользовавшись слабостью Центра и сложившейся ситуацией, внесла наиболее

«весомый и сокрушительный вклад в ликвидацию СССР» [8. С. 63], в реализацию замыслов по разрушению тысячелетнего русского мира.

Потребовалось совсем немного времени и отношения по линии Украина-Россия обострились до предела и никаких реальных позитивных перспектив на этом направлении не просматривается. Тем более в нынешних непростых условиях геноцида русского населения и «военных побед» в бомбардировках школ, больниц, театров, мостов и объектов энергетики. Неотъемлемым признаком политического и социально-экономического кризиса стала фашизация, милитаризация и олигархизация государственной власти, православофобия, а за ней и христофобия, разрастающийся сектор теневых экономических отношений и системная коррупция, потоки беженцев и гастарбайтеров. Только за один 2022 г. ВВП страны сократился более, чем на треть, в ускоренном режиме растут долги, кредиты и займы, внешний долг давно превысил реальные возможности украинской экономики. Украина сегодня - это государство-банкрот, она давно утратила свой суверенитет и оказалось под тотальным внешним управлением.

В стране господствует не классический правовой порядок, а режим атаманщины и произвола [2. С. 185; 22. С. 83, 88, 101, 171]. Украина сегодня, наверное, единственная страна в мире, где неонацисты официально интегрированы в органы власти, а еще в большей степени - в силовые структуры. В их понимании власть бандеровцев, карьеристов, казнокрадов и радикалов «лучше других чувствуют свою причастность к европейской цивилизации»⁷ - позиция в недавнем прошлом главы украинского государства. Не меньше глупостей также в позиции аналитиков типа А.С. Ципко - доктора философии, главного научного сотрудника Института экономики РАН, который убежден, что «отдай Ельцин власть Примакову или Немцову, и не было бы никакой «русской весны» 2014 года, не было бы трагичных событий, происходящих сегодня в Украине». Основание для такого заключения предельно простое - ощущение, что люди, которые формулируют внешнюю политику

⁶ Записка в ЦК КПСС от 28 августа 1990 г. № 15821 «Об общественно-политической обстановке в западных областях Украины» // РГАНИ Ф.89. Док. 52. Л. 2-4.

⁷ Порошенко П.А. У нас нет проблем с идентичностью» //Gazeta Wyborcza. 31 июля 2021 г.

России в отношении Украины, «не имеют ни малейшего представления о ее истории, и ее проблемах» [26].

Куда ближе к истине другое - убеждение, что в украинском руководстве напрочь отсутствует понимание того, что уважительное и взаимовыгодное экономическое, торговое, культурное и научно-техническое сотрудничество в современном глобализирующемся мире не только фактор цивилизованности, но и залог прочности государственных устоев и главное условие успешности демократических реформ. Решения принимаются прямо противоположной направленности. Украину двигают не в направлении формирования правового демократического светского социального государства, а в сторону государства постмодернизма, карнавализации и полного подчинения Западу. И все это под одобряющие аплодисменты заокеанских спонсоров и зарубежных националистических диаспор, под успокаивающие доказательства ученых типа О. Субтельного и Т. Кузьо (канадские ученые уровня доктора политических наук) в духе того, что «национализм в современной Украине имеет слабое влияние» и «еще меньшей поддержкой пользуется со стороны населения Европы» [27]. Призывают больше внимания обращать на тематику «великой украинской жертвы», реабилитации коллаборационистов и формирования образа врага в лице «варварской страны», глобального агрессора и главного противника «западного проекта».

На ведущие позиции государственной стратегии вывели милитаризацию и ненависть к русским. В итоге все это вылилось в полномасштабную трагедию и непредсказуемыми последствиями. Немало надежд в свое время связывалось с «Договором о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» от 31 мая 1997 г. на основе принципов взаимного уважения, добрососедства и взаимовыгодного социально-экономического сотрудничества. В сентябре 2018 г. Украина объявила Договор анахронизмом, документом, «несовместимым с национальными интересами украинского государства».

В декабре 2018 г. был подписан президентский указ о разрыве указанного Договора. Тем самым был дан старт полноформатному разрыву межгосударственного взаимодействия с Российской Федерацией и перевода украинско-российских отношений сначала в состояние «холодного мира», а вскоре и «горячего военного противостоя-

ния». Не обращается внимание даже то, что на основе Договора было заключено более 400 совместных нормативно-правовых актов и как только из этой правовой системы будет изъят базовый договор, тут же рухнет вся система межгосударственных отношений. Так оно и получилось. В том числе в части регулирования вопросов межгосударственных границ, межтерриториальных отношений, сотрудничества в сфере торговли, энергетики, научно-технического и военно-промышленного взаимодействия. Немало дополнительных проблем возникло и с включением крымского полуострова и города Севастополя, ЛНР и ДНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России в качестве новых полноправных субъектов российского федеративного государства.

Реалии таковы, что на основе бандеровско-националистической идеологии, радикально-политического высокомерия и агрессивной неприязни ко всему русскому произошла идеологическая, политическая и культурная *перекодировка* украинского общества. Причем радикальный раскол произошел по великому множеству маркеров: по территории, по рыночно-экономическим интересам олигархических кланов, по классовой и национальной принадлежности, правовой культуре, языку, религии, нравственности, духовности и психологическому настрою. Поэтому в чем-то, наверное, правы те, кто призывает выключить киевские власти из российско-украинского процесса и рекомендуют все вопросы межгосударственных отношений решать через третьи страны и активнее использовать инструмент антиукраинских санкций, особенно в части экспорта на Украину угля, нефти и нефтепродуктов, продукции горнорудной промышленности, тяжелого машиностроения и другой продукции.

Заключение

Представленный анализ позволяет сделать ряд важных, на наш взгляд, выводов, обобщений и суждений прогнозного характера. С очень большой долей вероятности можно прогнозировать то, что процесс демонтажа украинской государственности и деинституционализации российско-украинских отношений продолжится. Даже при условии, что на Украине многие хорошо понимают, что разрыв вековых связей между странами единого культурно-ментального пространства, разрушение единого производственно-экономического комплекса,

отказ от веками формировавшихся духовно-нравственных ценностей нашей общей цивилизации и православного мира обернется серьезной глобальной социально-экономической катастрофой. Причин для, возможности такого сценария немало, причем как глобально-исторического, так и субъективно-ситуационного характера. Чего только стоит официальный президентский запрет украинско-российских мирных переговоров.

Особую тревогу вызывает то, что разрыв между российским и украинским мирами увеличивается, а конфликтность и противоречия, если не реализовать соответствующие оздоравливающие меры, станут практически непреодолимым. Российско-украинское противостояние становится все более угрожающим, причем как в оперативном, так и стратегическом плане, как в национальном, так и межгосударственном измерении. Все более очевидным становится также то, что Украина как самостоятельное суверенное государство может существовать и успешно развиваться только в рамках добрососедских союзных отношений с Россией и другими странами постсоветского пространства. В противном случае непременно окажется под внешним управлением, а то и вовсе прекратит свое существование в статусе самостоятельного субъекта международного права.

Пока же Украина - государство-банкрот и его перспективы достаточно туманны. Страна втянута в опасную геополитическую игру и фактически превратилась в государство-наемника в руках западного мира. Историческим шансом создания собственной действительно демократической правовой государственности украинские правящие элиты не воспользовались. В прошлом остались невыполненными практически все положения «Декларации о государственном суверенитете» от 16 июля 1990 г. Наоборот, с нарастающим итогом страна демонстрирует свою несостоятельность, поддерживает только то, что задается извне и исключительно то, что выгодно западным партнерам. Такой тренд Запад вполне устраивает. Именно для этого превратил Украину в своего сателлита в формате «анти-России», цинично использует украинский народ в качестве передового отряда вооруженной борь-

бы с Россией и фактически толкает страну на самоубийственный путь.

В Украине сегодня практически не осталось реально влиятельных политических сил, которые потенциально работают в русле общих интересов и единой для наших народов ценностной системы координат. Немалая часть украинского населения не считает современную Россию дружественной для себя страной. Для другой части характерно безразлично-нейтральное отношение, для третьих Россия и вовсе враждебное, несправедливо по отношению к Украине действующее государство. Со смешанным чувством тревоги и неопределенности воспринимают Россию и миллионы тех украинцев, которые проживают на территории России.

Позиция Российской Федерации в отношении Украины однозначна и широко известна: а) нынешний конфликт на Украине носит не локальный, а во многом глобальный экзистенциальный характер; б) мы предельно негативно относимся к господствующему ныне на Украине нацистскому, милитаристскому, радикально антироссийски ориентированному режиму, который фактически превратил свою страну в «частную военную компанию»⁸, служащую исключительно интереса Запада; в) украинский националистически-бандеровский режим должен быть ликвидирован, в том числе путем силовой денацификации и демилитаризации страны; г) находящаяся под внешним управлением Украина не может быть полноценным партнером нашей страны, а тем более стратегическим союзником, в современном состоянии она может быть лишь противником в статусе враждебного по отношению к России государства; д) конфликт на российско-украинском направлении не может завершиться перемирием, он может закончиться лишь поражением радикального национализма, триумфом международного права и справедливости. И еще: отношение к современной неонацистской украинской государственности - важнейший критерий политической зрелости любого государства и его правящего класса, а политическая объективность и юридическая строгость его оценок - признак высокой культуры и залог стратегического успеха страны.

⁸ Полянский Д.А. Выступление Первого заместителя Постоянного представителя РФ на заседании Совета Безопасности ООН 17 июля 2023 г.

Литература:

1. Авторханов А.В. Империя Кремля. М., 2001.
2. Азаров Н.Я. Линия раскола. Факты и размышления. М., 2018.
3. Артюхин О.А., Иванова Л.Л., Колесниченко Е.Л. К вопросу о генезисе и проблемах украинской идентичности // Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества (отечественный и зарубежный опыт). Ростов-на-Дону, 2018.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998.
5. Воссоединение Украины с Россией. М., 1953. В трех томах. Т. 1: 1620-1647 годы.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
7. Грушевський М. Історія України-Русі. Хмельниччина. Т. 9. Кн. 1-2. Нью-Йорк, 1956.
8. Енгибарян Р.В. Время переоценки ценностей: монография. М., 2018.
9. Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI - начале XVII вв. М., 2008.
10. История государственного управления в России // Под ред. Р.Г. Пихои. М., 2001.
11. Ищенко Р.В. Украина в глобальной политике. М., 2015.
12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / Под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. М., 1983-1990. Т. 1. 1898-1917. 1983.
13. Копылов Н.А. История государственного управления России: XX– начало XXI века. М., МГИМО-Университет, 2017.
14. Котц Д., Вир Ф. Путь России от Горбачева к Путину: Гибель советской системы и Новая Россия / Под ред. И.Ю. Готлиба. М., 2013.
15. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113-150.
16. Ленин В.И. О единстве // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 79-80.
17. Мишко Д. І. Українсько-російські зв'язки в XIV-XVI ст. Київ, 1959.
18. Охотский Е.В. Идеология государства и государственной службы. Научный доклад. Ростов-на-Дону, 2023.
19. Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Н. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. В трех частях. М., 1982.
20. Переписка гетманов левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. 1654-1764 гг.: сборник документов / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М., 2017.
21. Суций С.Я. Украина, Россия и мир. Кризис 2014 года: предпосылки, последствия, этнополитические перспективы. М., 2015.
22. Толочко П.П. Украина между Россией и Западом: историко-публицистические очерки / Науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб., 2018.
23. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификации. М., 1990.
24. Флоря Б.Н. Із історії взаємовідносин українського козацтва і російського уряду (80-ті – 90-ті роки XVI століття) // Український історичний журнал. 1978. № 8. С. 124-129.
25. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2016.
26. Ципко А.С. Во власти мутной интуиции. Самодержавная Россия утрачивает инстинкт самосохранения // Независимая газета. 2022. 6 июня.
27. Why Western Scholars of Russia Were Unable to Understand Russia's Invasion of Ukraine. URL: voxukraine.org.

RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS IN THE HISTORICAL CONTEXT OF THE FORMATION OF SOVEREIGN UKRAINIAN STATEHOOD

Introduction. The article is devoted to the analysis of historical factors, features and political and legal patterns of the formation of modern Ukrainian statehood, taking into account the difficult and constantly escalating Russian-Ukrainian relations, the growing Ukrainian nationalist radicalism, Russophobia and neo-Nazism, the formation of the state of a rigidly pro-Western-oriented regime of govern-

ment. Special emphasis is placed on the problems of dynamically increasing difficulties in preserving and strengthening state sovereignty, ensuring financial, economic and military-political independence of the country, difficulties and prospects for implementing the European choice strategy in Ukrainian.

Methodology and methods. dialectical-materialistic model of research; principles of scientific,

historicism and objectivity; methods of retrospection and comparison, analysis and synthesis, mental modeling, ascent from the abstract to the concrete.

The results of the study. In the leading positions of the presented research, the political and legal problems of destabilizing and disintegrating processes in the conditions of radicalization of the ruling Ukrainian regime of anti-Russian orientation, taking into account the historically difficult dialectics of the development of intra-national and interstate issues. In a comparative cross-country context, the features of the concept of building Ukrainian statehood as anti-Russia are analyzed, the author's concept of turning Ukraine into an instrument of Western forces in the fight against Russia, into a mercenary state and a springboard for military-ideological struggle with the Russian world in order to inflict strategic defeat on it is presented.

Discussion and conclusion. Using the example of the difficult Ukrainian experience of post-Soviet state-building, the validity of the fact that the policy of the modern West is a policy of gross violation of international law, a policy of hegemonism and striving

for world domination with the help of allied countries and at the expense of satellite countries and the enslavement of mercenaries is substantiated. Hence the gross interference in the internal affairs of other countries and peoples, direct interventions, the export of corruption, the imposition of morals of meanness, hostility and destruction, the unleashing of interstate, interethnic and interfaith conflicts, the policy of lies and provocations. Some judgments are formulated concerning the complex and far from unambiguously interpreted problems of state-building in the post-Soviet space in accordance with the ideals and values of a true democratic, legal, social, secular state.

Evgeny V. Okhotsky,
Doctor of Sociological Sciences,
Professor, expert of the Research Center
of Public Service and Management Russian
Academy of National Economy and Public
Administration under the President
of the Russian Federation, Russia

Ключевые слова:

государство, государство-наемник, государственный режим, государственное управление, демократия, европейский выбор, кризис, межгосударственные отношения, национальный интерес, национализм, правовая модель государственного управления, русофобия, суверенитет, стратегическое поражение

Keywords:

state, mercenary state, state regime, public administration, democracy, European choice, crisis, interstate relations, national interest, nationalism, legal model of public administration, russophobia, sovereignty, strategic defeat

References:

1. Avtorhanov A.V., 2001. Imperia Kremlia [The Empire of the Kremlin]. Moscow.
2. Azarov N.Y., 2018. Linia raskola. Fauty i razmishlenia. [The line of division. Facts and reflections]. Moscow.
3. Artukhin O.A., Ivanova L.L., Kolesnichenko E.L., 2018. K voprosu o genezise i problemakh Ukrainskoy identichnosti [On the question of the genesis and problems of Ukrainian identity]. *Grazhdanskoe edinstvo, etnokulturnoe i konfessionalnoe mnogoobrazie kak cennostnye osnovania i factori konsolidacii rossiyskogo obshchestva (otekhestvennyy i zarubegzhnyy opyt)* [Civic unity, ethnocultural and confessional diversity as value bases and factors of consolidation of Russian society (domestic and foreign experience)]. Rostov-na-Dony.
4. Bzheshinskiy Z., 1988. Velikaya shakhmatnaya doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy) [The Great Chessboard (American Domination and its geostrategic imperatives)]. Moscow.
5. Vossoedinenie Ukraini s Rossiei [Reunification of Ukraine with Russia]. V trekh tomakh [In three volumes]. Vol. 1: 1620-1647 gody. Moscow, 1953.
6. Gegel G.V.F., 1990. Phylosophia prava [Philosophy of Law]. Moscow.
7. Grushevskiy M., 1956. Istoria Ukrainyi-Rusii. Khmel'nichina. [History of Ukraine-Russia. Khmel'nichina]. Vol. 9. Book 1-2. New-York.
8. Engibaryan R.V., 2018. Vremja pereocenki cennostey: monographia [The time of revaluation of values: monograph]. Moscow.
9. Zenchenko M.Yu., 2008. Yuzhnoe Rossiyskoe porubezhje v konce XVI - nachale XVII vv. [The southern Russian borderlands in the late XVI – early XVII centuries]. Moscow.
10. Istoria gosudarstvennogo upravleniya v Rossii [The history of public administration in Russia]. Ed. by R.G. Pikhoia. Moscow, 2001.
11. Ischenko R.V., 2015. Ukraina v global'noy politike [Ukraine in global politics]. Moscow.

12. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolutsiakh i resheniyakh sjezdov, konferency i Plenumov CK (1898-1988) [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898-1988)]. *Ed. by A.G. Egorov, K.M. Bogolubov.* 9-e isd., dop. i ispr., 1983-1990. T. 1. 1898-1917. Moscow. 1983.
13. Kopylov N.A., 2017. Istoria gosudarstvennogo upravleniya Rossii: XX- nachalo XXI veka. [The history of public administration in Russia: XX– the beginning of the XXI century]. Moscow, MGIMO- Univercity.
14. Kotc D., Vir F. 2013. Putj Rossii ot Gorbacheva k Putinu: Gibelj sovetskoy systemy i Novaya Rossia [Russia's Path from Gorbachev to Putin: The death of the Soviet system and the New Russia]. *Ed. by I.Yu. Gotlib.* Moscow.
15. Lenin V.I. Kriticheskie zametki po natsional'nomu voprosu [Critical notes on the national question]. *Poln. sobr. soch. [Complete Collection of Works]*. Vol. 24. P. 113-150.
16. Lenin V.I. O edinstve [On unity]. *Poln. sobr. soch. [Complete Collection of Works]*. Vol. 25. P. 79-80.
17. Mishko D.I., 1959. Ukrainsko-Rossiyskie zvyazki v XIV-XVI [Ukrainian-Russian languages in the XIV-XVI centuries]. Kyiv.
18. Okhotsky E.V., 2023. Ideologiya gosudarstva i gosudarstvennoy sluzhby. Nauchny doklad [Ideology of the state and public service. Scientific report]. Rostov-na-Dony.
19. Pashuto V.T., Florya B.N., Khoroshkevich A.N.. 1982. Drevnerusskoe nasledie i istoricheskie sudjby vostochnogo slovyanstva. V trekh chastyakh [Ancient Russian heritage and historical destinies of the Eastern Slavs. In three parts]. Moscow.
20. Perepiska getmanov levoberezhnoi Ukrainy s Moskvoy i Sankt-Peterburgom. 1654-1764 gg.: sbornik dokumentov [Correspondence of hetmans of the left-bank Ukraine with Moscow and St. Petersburg. 1654-1764: collection of documents]. *Ed. by E.E. Rychalovskii.* Moscow, 2017.
21. Sushiy S.Ya., 2015. Ukraina, Russia i mir. Krisis 2014 goda: predposilki, posledsvia, etnopoliticheskie perspektivy [Ukraine, Russia and the world. The crisis of 2014: prerequisites, consequences, ethno-political perspectives]. Moscow.
22. Tolochko P.P., 2018. Ukrain mezhdru Russiei i Zapadom: istoriko-publicistycheskie ocherki [Ukraine between Russia and the West: historical and journalistic essays]. *Ed. by A.S. Zapesockii.* Saint-Petersburg.
23. Trocki L.D., 1990. Stalinskaya shkola faljsiphikacii [Stalin's school of falsification]. Moscow.
24. Florya B.N. 1978. Iz istorii vzaimovidnosin ukrainskogo kosactva i russkogo uriadu (80-ti – 90-ti roki XVI stolettya [Iz istorii vzaimovidnosin ukrainski kozatva i rosiyskiy uradu (80th – 90th rocks of the XVI century)]. *Ukrainskiy istopicheskiy zhurnal [Ukrainian Historical Journal]*. № 8. P.124-129.
25. Khantington S., 2016. Stolknovenie civilizaciy [The Clash of civilizations]. Moscow.
26. Tsipko A.S., 2022. Vo vlasti mutnoi intuitsii. Samoderzhavnaya Rossiya utrachivaet instinkt samosokhraneniya [At the mercy of a muddy intuition. Autocratic Russia is losing the instinct of self-preservation]. *Nezavisimaya gazeta [Independent Paper]*. June 6.
27. Why Western Scholars of Russia Were Unable to Understand Russia's Invasion of Ukraine. URL: voxukraine.org.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ПО ПРОГРЕССИВНОМУ РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРУДОВОГО ПРАВА

Дамир Бекяшев*
Валентина Микрина**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-21-31

Введение. В статье представлен анализ актуальных направлений деятельности Международной организации труда (далее – МОТ) по вопросам унификации существующих и выработки новейших международных трудовых стандартов по двум категориям работников. В частности, обращено внимание на отсутствие международного-правовых стандартов труда профессиональных спортсменов и необходимых норм по защите их трудовых прав. В международном праве существует ряд универсальных и региональных международно-правовых актов, посвященных профессиональному спорту, например, Международная конвенция против апартеида в спорте 1985 г., Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте 2005 г., Конвенция Совета Европы против применения допинга 1989 г. Однако вопросы регулирования труда спортсменов и защиты их трудовых прав в международно-правовых актах отсутствуют.

Другим вопросом, требующим самого пристального внимания со стороны МОТ в части прогрессивного развития международного трудового права, является регламентация удаленной (дистанционной) работы. В статье изучены различные формы удаленной работы, а также представлен сравнительно-правовой анализ статуса надомника и удаленного (дистанционного) работника в соответствии с документами МОТ.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов: метод системно-структурного анализа; формально-логический метод.

* **Бекяшев Дамир Камильевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: dambek@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-4596-7739

** **Микрина Валентина Геннадьевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Одинцовского филиала МГИМО МИД России
e-mail: v.mikrina@odin.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-7124-9271

Результаты исследования. В результате проведенного исследования авторами установлено, что существует необходимость разработать Конвенцию МОТ, а также соответствующую Рекомендацию, которые бы закрепили минимальные трудовые права спортсменов с последующим расширением их в трудовых договорах частно-правового характера.

Касательно правового регулирования удаленного режима работы, то авторами также предлагается выделить дистанционных работников в отдельную категорию работников наравне с надомниками и домашними работниками.

Обсуждение и заключение. В современном профессиональном спорте представлены трудящиеся различных национальностей, следственно МОТ необходимо прогрессивно разрабатывать новые международные стандарты трудовых прав спортсменов на универсальном уровне, в частности, предлагается принять Конвенцию об особенностях труда в профессиональном спорте.

Поскольку надомник и дистанционный работник по существу являются не тождественными понятиями, поэтому Конвенция МОТ № 177 о надомном труде 1996 года не может быть распространена на регулирование труда дистанционных работников, поэтому представляется целесообразным разработать соответствующую Конвенцию.

Введение

В 2019 году Международная организация труда (МОТ) отпраздновала столетие своего существования, что подтверждает ее статус как авторитетной глобальной организации, занимающейся проблемами сферы труда [3].

Среди основных задач, которым МОТ планирует уделить приоритетное внимание в предстоящие годы, являются разработка новых международно-правовых норм, направленных на прогрессивное развитие международно-правового регулирования труда.

По справедливому мнению некоторых авторов, для того чтобы МОТ сохранила свою значимую роль в международном нормотворчестве в настоящее время, ей необходимо определить подходы к работе с международными нормами трудового права, обеспечить обновление нормативной базы [1. С. 26].

Исследование

В настоящее время возникли и существуют вопросы, которые требуют правового урегулирования со стороны МОТ. В частности, хотелось бы обратить внимание на отсутствие международно-правовых стандартов труда профессиональных спортсменов и необходимых норм по защите их трудовых прав.

В национальном законодательстве многих государств профессиональные спортсмены выделены в отдельную категорию, поскольку их труд специфичен и имеет ряд особенностей. Российское трудовое законодательство, например, дает определение спортсменов, понимая под ними работников, трудовая функция которых состоит в подготовке к спортивным соревнованиям и участии в спортивных соревнованиях по определенному виду или видам спорта. В свою очередь тренеры – это работники, трудовая функция которых состоит в проведении со спортсменами тренировочных мероприятий и осуществлении руководства состязательной деятельностью спортсменов для достижения спортивных результатов [2].

В международном праве существует ряд универсальных и региональных международно-правовых актов, посвященных профессиональному спорту, например, Международная конвенция против апартеида в спорте 1985 г., Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте 2005 г., Конвенция Совета Европы против применения допинга 1989 г. Цель двух последних договоров заключается в содействии предотвращению применения допинга в спорте и борьбе с ним в интересах его искоренения. Однако вопросы регулирования труда спортсменов и защиты их трудовых прав в международно-правовых актах отсутствуют.

В настоящее время в рамках МОТ создан и действует Центр спорта и прав человека

в Женеве, он предполагает сотрудничество со всеми сторонами в области спорта и защиту прав человека для наращивания потенциала, обмен опытом и помощи в укреплении и формировании путей улучшения прозрачности и обеспечения подотчетности. Перед Центром стоит задача стать движущей силой в преобразовании глобального ландшафта для всех видов спорта так, чтобы он соответствовал международным стандартам в области прав человека. Миссией Центра является продвижения мира спорта и прав человека, предотвращает нарушение прав человека в области спорта, а также предоставление правовой защиты для восстановления нарушенных прав спортсменов.

Также стоит упомянуть созданную в 1933 году Ассоциацию спорта и отдыха Международного бюро труда MOT (The Sports and Leisure Association (S&L)), которая объединяет и способствует общению между коллегами посредством занятий спортом и досуга, что, конечно, не имеет ничего общего с международными трудовыми нормами в области спорта.

Как и в любой другой профессии, трудовые договоры со спортсменами устанавливают стандарты трудоустройства между ними и их работодателем, чтобы обеспечить адекватную защиту, компенсацию и основания для прекращения трудовых отношений. Стороны трудовых правоотношений, участвующие в переговорах при заключении трудового договора в спорте, могут включать игрока, их агента или ассоциацию игроков, команды или спортивного клуба или спортивную федерацию [12]. В спорте встречаются срочные трудовые договоры, правовая природа которых нестабильна и которые являются источником риска для спортсменов, полагающиеся на свою спортивную карьеру ради получения дохода [7]. По данным Международной федерации ассоциаций профессиональных футболистов, футболисты из Восточной Европы, Африки и некоторых государств Латинской Америки часто сталкивались с проблемами контрактов и вышеперечисленных споров в трудовых отношениях, а также до 8% игроков не имели письменного контракта со своим клубом. В крикете, по данным Федерации международных ассоциаций игроков в крикет, большинство игроков-мужчин чувствуют себя неуверенными в своем контракте [8], в то время как четверть игроков-женщин даже не имеют контрактов [9].

В некоторых видах спорта, особенно в индивидуальных, спортсмены считаются

«независимыми» сторонами гражданско-правового договора, в результате чего они получают вознаграждение за участие в лигах и матчах, но не всегда имеют право вести коллективные переговоры или получать льготы или такие выплаты, как отпуск и социальные гарантии. Это касается спортсменов, участвующих в ряде гольф-туров, а также бойцов Ultimate Fighting Championship (UFC) [14] и World Wrestling Entertainment [17]. Однако спортсмены с гражданско-правовыми договорами в большой степени контролируются при осуществлении своей профессии, начиная от спортивных норм и правил, а также относительно времени проведения соревнований и эксклюзивности договоров, что заставило некоторых утверждать, что их ошибочно классифицировали как привлеченных по гражданско-правовому договору, хотя на самом деле их следовало бы считать работниками.

Как отмечалось выше, растет число случаев, когда спортсмены, которым удалось считаться «сотрудниками» становились таковыми для целей объединения в профсоюзы. Например, австрийская синхронистка Ванесса Шахинович была сбита автобусом на месте проведения соревнований, что позволило ей успешно претендовать на возмещение компенсации в силу того, что она являлась сотрудницей Национального олимпийского комитета и имела право на компенсацию [6].

Когда дело доходит до расторжения трудовых договоров, основания прекращения различаются в зависимости от вида спорта. Как и в большинстве договоров, стороны в спорте, желающие досрочно расторгнуть трудовой договор, обычно должны продемонстрировать нарушения условий трудового договора. Международная федерация футбола (ФИФА) утверждает, что футболисты, заявляющие, что занимаются «справедливым спортивным делом», могут расторгнуть свои трудовые договоры, доказав обоснованное увольнение со стороны клуба. Однако этот термин достаточно широк, поэтому его можно оставить открытым для толкования судами [5].

Ограничения на свободу передвижения между профессиональными клубами после истечения срока трудового договора является еще одной актуальной проблемой, в особенности, данное положение трудового договора очень распространено в США. В большинстве случаев спортсмены могут работать везде после завершения их трудовых договоров, исключением здесь высту-

пают некоторые виды спорта, как гандбол и регби.

Что касается заработной платы, то для спортсменов, которые получают доход от своей спортивной деятельности, она имеет разные формы, включая фиксированную зарплату, призовые доходы и личные доходы, а также спонсорские сделки. В США коллективные договоры могут гарантировать минимальную заработную плату игрокам или позволить игрокам заключать смешанные трудовые договоры с фиксированной суммой и с премией по результатам работы, например, как это предусмотрено в Национальной футбольной лиге (НФЛ) [15]. В регби, крикете и некоторых спортивных лигах США верхний предел заработной платы установлен для того, чтобы способствовать равенству между командами и поддерживать процветающую конкуренцию. В новозеландском регби верхний предел заработной платы дополняется расходами на дополнительную защиту, такую как здравоохранение.

Очевидно, что проблемы возникают у спортсменов касательно рабочего времени, поскольку помимо игрового времени и спортивных тренировок в рабочее время должны включаться рекламные туры и время в пути до соревнований. Нарушение трудовых прав в этой части заключается в том, что спортсмены с так называемой «двойной карьерой» во время ежегодного оплачиваемого отпуска посвящают свободное время для тренировок в другом виде спорта, ввиду нерационального использования времени для отдыха это приводило к перенагрузкам, а отсюда вытекало несоблюдение условий заключенного трудового договора. Исследования показали, что только 30% спортсменов мирового сообщества реализовывали право на ежегодный отдых.

Учитывая необходимый высокий уровень физического и психического внимания, безопасность труда вызывает особую озабоченность в профессиональном спорте. Физическая природа спорта означает, что спортсмены подвержены травматизму больше, чем остальные категории работников. Кроме того, спортсмены в большей степени подвержены насилию, действию коррупции, мошенничеству, допингом и организованной преступностью [10. Р. 92].

Еще одной актуальной проблемой для спортсменов является выход на пенсию, поскольку шансы трудоустройства минимальны, здесь большую роль играет деятельность Национальных олимпийских комитетов

и правительств в части обучения и повышения квалификации.

Хотелось бы напомнить, что взаимодействие МОТ с миром спорта началось в 1921 года, когда Пьер де Кубертен, основатель современных Олимпийских игр, встретился с Альбером Тома, первым Генеральным директором МОТ. В ходе встречи были обсуждены вопросы только лишь важности спорта как досуга работников, но не международно-правовое регулирование вопросов труда спортсменов как отдельных категорий работников.

За все время существования МОТ не было конвенции или рекомендации, которые бы закрепили и провозгласили международные трудовые стандарты в области профессионального спорта. Единственное точечное участие МОТ в части труда можно обнаружить лишь по вопросам использования детского труда при производстве спортивной одежды, но это не имеет никакого отношения к правовому регулированию труда спортсменов.

С учетом вышесказанного, очевидны актуальные проблемы в правовом регулировании труда этой категории работников при реализации ими профессиональной карьеры, а также нарушении закрепленных прав в трудовых договорах. Поскольку современный профессиональный спорт интернационален, то следует прогрессивно развивать именно международно-правовое регулирование вопросов труда этой категории трудящихся. При этом, прежде всего, требуется установить международные стандарты их трудовых прав.

В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно предложить разработать конвенцию МОТ, которая закрепила бы минимальные трудовые права спортсменов с последующим расширением их в трудовых договорах частно-правового характера под примерным названием Конвенция об особенностях труда в профессиональном спорте, а также соответствующую Рекомендацию с положениями, расширяющими нормы предлагаемой Конвенции.

Другим вопросом, требующим самого пристального внимания со стороны МОТ в части прогрессивного развития международного трудового права, является регламентация удаленной (дистанционной) работы. Особенно остро эта проблема обозначилась в период распространения коронавирусной инфекции (COVID-19).

Как представляется, несмотря на то, что в законодательстве ряда государств такая

форма труда получила правовое закрепление в нормативных правовых актах, МОТ следовало бы рассмотреть вопрос о возможности принятия соответствующего акта на международном уровне.

В 2020 году МОТ подготовила документ «Удаленный режим работы в условиях пандемии COVID-19: руководство для работодателей»¹. Он адресован тем работодателям, которые во время пандемии перевели сотрудников на дистанционный (удаленный) режим работы. Однако применение такой формы труда показало, что оно эффективно и после пандемии, ведь некоторые компании решили закрепить часть трудовых позиций в онлайн формате. Кроме того, как сообщает МОТ, многие организации столкнулись с трудностями: не налажен цифровой документооборот, не приспособлены правила внутреннего распорядка, не обеспечена защита конфиденциальных данных. Исследования показали, что работодателям сложно контролировать производительность труда, регулировать время отдыха и поддерживать моральный дух коллектива.

По мнению МОТ, удаленный режим работы – это способ организации труда, при котором работник выполняет важнейшие функции, связанные со своей работой, с помощью информационно-коммуникационных технологий, при этом находясь дома. В целях настоящего руководства и в условиях пандемии COVID-19 термин «удаленный режим работы» означает исключительно удаленную работу на дому как временный, альтернативный способ организации труда. Это предполагает, что работодатели и работники несут совместную ответственность и обязательства за обеспечение непрерывной деятельности и занятости.

МОТ перечислила несколько форм удаленной работы, при этом указав, что по своей сути они являются «синонимами»:

- удаленная работа/удаленный режим работы – временная работа на дому как альтернативный способ организации труда в условиях пандемии, которую работники выполняют с использованием информационно-коммуникационных технологий;
- дистанционная работа – выполнение работником трудовых функций вне места нахождения работодателя, допускающее мобильный (разъездной) характер работы;

- дистанционное присутствие – замена поездки в офис на взаимодействие по телекоммуникационным каналам связи.

Развитие информационно-коммуникативных технологий создало возможности для применения альтернативных способов организации труда, включая удаленный режим работы.

Эти термины, зачастую являющиеся синонимами, означают новые и развивающиеся способы организации труда вне производственных объектов или рабочих мест. Между ними могут быть небольшие различия. Так, одни термины могут подразумевать временный способ организации труда, а другие – постоянный. Удаленный режим работы означает дистанционную работу на дому с той разницей, что дистанционная работа может осуществляться в различных местах вне основного места работы или производственного объекта работодателя (например, предполагать мобильную работу) [13].

Дистанционное присутствие означает замену поездки на работу телекоммуникацией. Между терминами «дистанционная работа» и «дистанционное присутствие» есть некоторые различия, в основном в силу того, что первый обозначает более широкое понятие, не всегда заменяющее собой поездку на работу, но они относительно незначительны. В данном случае термины «дистанционная работа» и «дистанционное присутствие» являются синонимами.

Перевод на удаленный режим работы обычно происходит по договоренности с работником и часто сопровождается подписанием договора, определяющего условия удаленного режима работы, однако в текущей ситуации органы власти во многих странах требуют от предприятий переводить работников на него в качестве временной меры охраны здоровья.

В соответствии со статьей 19(a) Конвенции МОТ № 155 о безопасности и гигиене труда в производственной сфере 1981 г., работники обязаны сотрудничать с работодателем для обеспечения безопасной и здоровой производственной среды во исполнение положений закона, коллективного договора или правил внутреннего распорядка предприятия. Работники также отвечают за соблюдение правил техники безопасности и мер по охране собственного здоровья

¹ Удаленный режим работы в условиях пандемии COVID-19: руководство для работодателей. Женева. 2020.

и обеспечения безопасности других людей, используя для этого средства защиты и другое оборудование и выполняя соответствующие инструкции работодателя. Кроме того, они в соответствии с пунктом 16 Рекомендации № 164 о безопасности и гигиене труда в производственной сфере 1981 г. обязаны незамедлительно сообщать о любой опасности или проблеме в порядке, установленном работодателем. Из этого очевидно, что обязанности и ответственность работника остаются в силе даже в неформальных условиях, характерных для удаленного режима работы. Поэтому, если переход на такую форму труда обусловлен потребностью снизить распространение пандемии, работники обязаны сотрудничать с работодателем и полностью выполнять меры безопасности или соответствующие указания, проявлять разумную заботу о собственной безопасности и о безопасности других людей, соблюдая правила внутреннего распорядка предприятия.

При этом термин «здоровье» в отношении труда означает не только отсутствие болезни или недуга; он включает также влияющие на здоровье физические и психические элементы, которые имеют непосредственное отношение к безопасности и гигиене труда. В целях сведения к минимуму профессиональных рисков работодатели должны обеспечивать, насколько это обосновано и практически осуществимо, принятие всех профилактических и защитных мер, а также в случае необходимости бесплатно предоставлять соответствующие защитные одежду и средства, чтобы предотвратить, насколько это обосновано и практически осуществимо, возникновение несчастных случаев или вредных последствий для здоровья. Работодатели также обязаны предоставлять надлежащую информацию и организовывать надлежащую подготовку в вопросах охраны и гигиены труда; консультировать работников по аспектам охраны и гигиены труда, связанным с их работой; а также принимать меры при возникновении аварийных ситуаций.

Работодатели должны обеспечить работников соответствующим инструментом, материалами, оборудованием и техническими средствами, которые необходимы для выполнения заданий в условиях удаленно-

го режима работы, если иное не предусмотрено положениями трудовых договоров, коллективного договора или правилами внутреннего распорядка. При этом работодатели должны в случае необходимости также обеспечивать ремонт инструмента и оборудования. Тип требуемого для работы оборудования и оснастки зависит от профиля предприятия и характера работы. Это может быть переносной компьютер, монитор, программное обеспечение, телефон, интернет-соединение, наушники с микрофоном, доступ к удаленным прикладным программам или иное целесообразное оборудование. В других случаях для выполнения работы может требоваться поставка оборудования и установка технических устройств. Работодателям рекомендуется создать специальную службу технической поддержки (помощи) или адрес электронной почты, куда работники могут обращаться с вопросами, касающимися производственного инструмента, оборудования и технологии, для получения помощи в случае необходимости. При этом нужно ясно указать, что оборудование и инструмент, полученные от предприятия для работы в удаленном режиме, должны использоваться самим работником и только для выполнения порученной ему работы².

В соответствии с законодательством и практикой большинства стран затраты на удаленный режим работы обычно не возмещаются (хотя, например, в России они возмещаются). Однако на фоне текущей пандемии такой режим может быть обусловлен насущной необходимостью, что требует определенных затрат со стороны работников. Если законы или подзаконные нормативные правовые акты не требуют от работодателя возмещать работникам затраты на обустройство удаленных рабочих мест, работодателям рекомендуется возместить работникам обоснованные и необходимые расходы, понесенные при выполнении порученных им заданий на дому. Это может включать в себя часть затрат, связанных с оплатой услуг мобильной связи или проводного интернет-соединения; оплатой услуг интернет-провайдера; использованием личного настольного или планшетного компьютера; использованием программного обеспечения (технических средств) для телеконференций.

² ILO, Final report: Global Dialogue Forum on the Challenges and Opportunities of Teleworking for Workers and Employers in the ICTS and Financial Services Sectors, GDFTWEFS/2016/9, p. 28.

При этом можно исключить расходы, понесенные удаленным работником, в основном в целях собственного удобства, которые могут включать в себя услуги высокоскоростного интернет-соединения, дополнительные мониторы, эргономичные кресла или принтеры. В правилах внутреннего распорядка необходимо указать, какие расходы возмещаются работодателем в случае удаленного режима работы. Там можно также указать, что для получения возмещения затрат, понесенных при удаленном режиме работы, нужно получить от предприятия их предварительное одобрение.

В целом, в некоторых государствах любая травма, полученная удаленным работником вследствие (в ходе) выполнения трудовых функций в течение рабочего времени в предназначенной для работы части жилого помещения, может входить в его страховку. В свою очередь в других странах страхование от несчастных случаев на работе может не предусматривать покрытие случаев при удаленном режиме работы. Это будет зависеть от национальных законов и судебных прецедентов.

Однако в зависимости от положений национального законодательства и подзаконных актов рабочее пространство работника на дому в условиях удаленного режима работы может считаться продолжением его рабочего места на производстве. Таким образом, в некоторых странах работодатель может нести ответственность за несчастные случаи, возникающие в результате или в период трудоустройства, если травма была получена работником на рабочем месте по месту жительства в рабочее время. В этом случае важными факторами обычно являются время, место и обстоятельства происшествия. Если травма произошла в обычное рабочее время в том месте, где должна выполняться работа, и была получена в тот момент, когда работник находился в процессе ее выполнения, ответственность может лечь на работодателя. Если же в соответствии с национальными законами и правилами работодатели могут быть привлечены к ответственности за несчастные случаи дома в качестве рабочего места, работодателям рекомендуется проверить условия действующего полиса, страхующего ответственность работодателя, и убедиться, что он охватывает ситуации удаленного режима работы.

Работодателю следует убедиться, что внутренние правила предприятия, касающиеся удаленного режима работы, не предполагают ответственность за травмы, полу-

ченные работником на рабочем месте на дому вне установленного рабочего времени, а также за убытки, разрушения или ущерб, нанесенный жилищу. Это включает в себя членов семьи, гостей или других лиц, которые могут получить травму в пределах или вблизи жилища работника.

В соответствии со статьей 19 (а) Конвенции МОТ № 155 работники обязаны обеспечивать защиту себя и других людей и сотрудничать с работодателем в деле реализации мер профилактики и контроля. Это включает в себя выполнение любых указаний, инструкций, участие в подготовке, организованной работодателем, следование правилам техники безопасности, соблюдение инструкций, выполнение правил гигиены и применение устройств безопасности и защитного оборудования. Работник обязан извещать работодателя, если он обнаружил у себя признаки заболевания, физического или психического расстройства, влияющего на его способность выполнять работу, а также незамедлительно сообщать своему руководству о любом несчастном случае. Кроме того, работник обязан поддерживать регулярную связь со своим работодателем и извещать его о любых рисках здоровью и безопасности, возникающих у него дома, или о необходимости изменить условия работы на дому. Помимо вопросов охраны труда и здоровья, удаленный режим работы предполагает сохранение за работниками обязанностей и ответственности общего характера, включая закрепленные соответствующими актами национального законодательства о труде и занятости, условиями коллективного или трудового договора.

Очевидно, что при дистанционном труде проблему вызывает оценка эффективности проделанной работы. Так, производительность труда удаленных работников, как правило, вызывает два вопроса. Одних работодателей волнует, «работают ли работники вообще», а других – «насколько эффективно они работают». При этом измерить производительности труда удаленных работников обычно не сложнее, чем физически присутствующих работников, а процедура этого практически ничем не отличается. Удаленные группы работников при правильном управлении ими могут работать гораздо более эффективно, чем в условиях физического контроля, поскольку предприятия должны измерять производительность труда работника с помощью объективных показателей, а не по «времени физического присутствия в производственном помещении».

Важным критерием эффективной дистанционной работы со стороны работодателя является содействие оптимальному сочетанию трудовой и личной жизни. Несмотря на то что национальное законодательство может предусматривать меры, которые способствуют сочетанию трудовой и личной жизни, работодателям рекомендуется: установить четкие ожидания в отношении рабочего времени и предоставить работникам право и возможность самим устанавливать границы своего рабочего графика; содействовать здоровому образу жизни и оптимальному сочетанию трудовой и личной жизни, в том числе с помощью регулярных перерывов и отдыха, физических упражнений и пребывания на свежем воздухе; оказывать психологическую помощь работникам в случае конфликта между трудовой и личной жизнью; руководствоваться положениями действующего законодательства, подзаконных актов или соответствующих правил, способствующих оптимальному сочетанию трудовой и личной жизни, например издаваемых департаментом по вопросам охраны труда и здоровья или департаментом по вопросам психического здоровья.

Противодействие пандемии COVID-19 стало, среди прочего, экспериментом по масштабному переходу на удаленный режим работы. Хотя некоторые работы невозможно выполнять в условиях дома, вспышка COVID-19 ускорила тенденции перехода на дистанционную работу – возможно, на длительную перспективу. Работодатели и работники с большой долей вероятности приспособятся к удаленному режиму, освоятся с работой в этих условиях, научатся пользоваться информационно-коммуникативными технологиями для удаленного выполнения работы и осознают преимущества этого. Возможно, в период удаленного режима работы работникам даже удастся достигнуть прежнего или повышенного уровня производительности труда. По данным опроса, проведенного в США и охватывающего более 1200 кадровых работников, переведенных на удаленный режим работы в период пандемии, почти половина опрошенных выразили желание продолжать работать в удаленном режиме, причем более 45 % из них указали, что их работодатели активно занимаются этим вопросом или не против такой стратегии. При этом до пандемии 40 % респондентов регулярно работали дистанционно не менее одного дня в неделю [16].

Оценивая вышесказанное, в качестве совершенствования международных трудовых

норм, на наш взгляд, целесообразно разработать проект Конвенции МОТ, касающейся особенностей удаленного режима работы. В этом документе следует особое внимание уделить защите трудовых прав дистанционных работников, тем самым выделив их как одну из новых категорий работников, чего на данный момент не существует в рамках МОТ.

Рассмотренное руководство МОТ для работодателей об удаленном режиме работе 2000 г. содержит Приложение, которое является шаблоном правил удаленного режима работы, включающее цель, предмет и сферу применения, а также условия перевода на удаленный режим работы. В том числе в шаблоне конкретизируются вопросы оплаты труда и рабочего времени, а также охрана труда и здоровья удаленных работников. Ключевые положения данного Приложения могли бы быть взяты за основу для выработки нового международно-правового акта.

При этом хотелось бы напомнить, что в рамках МОТ действует Конвенция № 177 о надомном труде 1996 г., в соответствии с которой термин «надомный труд» означает работу, которую лицо, именуемое надомником, выполняет: по месту его жительства или в других помещениях по его выбору, но не в производственных помещениях работодателя; за вознаграждение; с целью производства товаров или услуг, согласно указаниям работодателя, независимо от того, кто предоставляет оборудование, материалы или другие используемые ресурсы.

Дистанционный труд и надомная работа выполняются вне места нахождения работодателя. Однако, несмотря на этот общий признак, дистанционный труд и надомная работа – это разные правовые явления, и каждое из них имеет свои особенности.

Поскольку надомник и дистанционный работник по существу являются не тождественными понятиями с точки зрения права, поэтому мы Конвенция № 177 не может быть распространена на регулирование труда дистанционных работников.

В частности, надомниками считаются лица, заключившие трудовой договор о выполнении работы на дому из материалов и с использованием инструментов и механизмов, выделяемых работодателем либо приобретаемых надомником за свой счет. Надомник может выполнять работу, обусловленную трудовым договором, с участием членов его семьи. При этом трудовые отношения между членами семьи надомника и работодателем не возникают.

В свою очередь дистанционными работниками считаются лица, заключившие трудовой договор о дистанционной работе, под которой понимается выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе Интернета.

Из определений ясно, что надомники, как правило, занимаются производством продукции на дому. Это чаще всего швеи, упаковщики, сборщики и пр. Дистанционные сотрудники же занимаются в основном интеллектуальным или творческим трудом, причем не обязательно дома – они могут выполнять трудовую функцию где им удобно.

Результаты исследования

1. Взаимодействие МОТ с миром спорта началось в 1921 года, когда Пьер де Кубертен, основатель современных Олимпийских игр, встретился с Альбером Тома, первым Генеральным директором МОТ. В ходе встречи были обсуждены вопросы только лишь важности спорта как досуга работников, но не международно-правовое регулирование вопросов труда спортсменов как отдельных категорий работников.

2. В национальном законодательстве многих государств профессиональные спортсмены выделены в отдельную категорию, поскольку их труд специфичен и имеет ряд особенностей. За все время существования МОТ не было конвенции или рекомендации, которые бы закрепили международные трудовые стандарты в области профессионального спорта.

3. Очевидны актуальные пробелы в правовом регулировании труда профессиональных спортсменов при реализации ими спортивной карьеры, а также нарушении закрепленных прав в трудовых договорах, в частности, касательно режима рабочего времени спортсменов, заработной платы, оснований прекращения трудовых отношений, свобода труда при выборе нового работодателя.

4. Авторами предложено разработать конвенцию МОТ, которая закрепила бы минимальные трудовые права спортсменов с последующим расширением их в трудовых договорах частного-правового характера под примерным названием Конвенция об особенностях труда в профессиональном спорте, а также соответствующую Рекомендацию с положениями, расширяющими нормы предлагаемой Конвенции.

5. В законодательстве ряда государств дистанционный труд получил правовое закрепление в нормативных правовых актах, в связи с этим МОТ следовало бы рассмотреть вопрос о возможности принятия соответствующего акта на международном уровне.

6. МОТ ввела понятие не только дистанционная работа, но и дистанционное присутствие, что означает замену поездки на работу телекоммуникацией. Между терминами «дистанционная работа» и «дистанционное присутствие» есть некоторые различия.

7. Дистанционный труд и надомная работа выполняются вне места нахождения работодателя. Однако несмотря на этот общий признак, дистанционный труд и надомная работа – это разные правовые явления, и каждое из них имеет свои особенности.

8. В качестве совершенствования международных трудовых норм, на наш взгляд, целесообразно разработать проект Конвенции МОТ, касающейся особенностей удаленного режима работы. В этом документе следует особое внимание уделить защите трудовых прав дистанционных работников, тем самым выделив их как одну из новых категорий работников, чего на данный момент не существует в рамках МОТ.

Заключение

Перспективы развития и совершенствования международных стандартов в сфере трудовых прав человека представляют будущее сферы труда на международном уровне. Анализ деятельности МОТ показывает, что в настоящее время четко обозначены намерения Организации по совершенствованию международно-правовых норм о труде. На наш взгляд, развитие международных стандартов в сфере трудовых прав человека должно быть направлено на выработку новых современных международно-правовых актов по вновь открывшимся и актуальным вопросам. Вне всякого сомнения, труд профессиональных спортсменов и удален-

ных работников является таковым и требует скорейшего разработки современных

универсальных стандартов.

международно-правовых

Литература:

1. Лушников М.В., Лушникова А.М. Международное и сравнительное трудовое право и право социального обеспечения. М., 2011.
2. Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров (кроме особенностей заключения и расторжения трудового договора). URL: <https://xn--80akibcicpdbez7e2g.xn--p1ai/reminder/115>.
3. Столетие МОТ: юбилейный год. URL: <https://www.ilo.org>.
4. Удаленный режим работы в условиях пандемии COVID-19: руководство для работодателей. Женева. 2020.
5. Anderson J. Arbitration, negotiation and contracts in sport. In M. Barry et al. (eds), op. cit., 2016.
6. Causa Sport News: Fall Vanessa Sahinovic: Verunglückt als Arbeitnehmerin, 24 May 2017.
7. European Commission: EU Guidelines on Dual Careers of Athletes: Recommended policy actions in support of dual careers in high-performance sport, 2012.
8. FICA: FICA men's professional cricket global employment report 2017.
9. FICA: FICA women's global employment market report and survey 2018.
10. Fischetti M. Leg and head injuries are frequent at the Olympics // Scientific American. August, 2012. Vol. 307. No. 2.
11. Keller B. The regulation of professional football at the European Union level: Towards supranational employment relations in the football industry? In M. Barry et al. (eds), op. cit., 2016.
12. Messenger J. C. (ed.), Telework in the 21st Century, an Evolutionary Perspective // ILO Future of Work series, (Edward Elgar and ILO, 2019).
13. Salminen V. UFC fighters are taking a beating because they are misclassified as independent contractors: an employee classification would change the fight game for the UFC, its fighters, and MMA // Pace Intellectual Property, Sports & Entertainment Law Forum. Vol. 7. 2017. Issue 1.
14. Solow J. and Von Allmen P. Performance expectations, contracts and job security. In M. Barry et al. (eds), op. cit., 2016.
15. The Society for Human Resource Management (SHRM). Will Employees Continue Working from Home After COVID-19? One Company Says Yes, 30 April 2020.
16. White B. The lasting impact of a professional wrestling career and the need to unionize // Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal. 10 Apr. 2019.

CURRENT AREAS OF INTERNATIONAL LABOR ORGANIZATION ACTIVITY FOR THE PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LABOR LAW

Introduction. The article presents an analysis of the current activities of the International Labor Organization (hereinafter referred to as the ILO) on the unification of existing and the development of the latest international labor standards for two categories of workers. In particular, we would like to draw attention to the lack of international legal labor standards for professional athletes and the necessary norms to protect their labor rights. In international law, there are a number of universal and regional international legal acts dedicated to professional sports, for example, the International Convention against Apartheid in Sports of 1985, the International Convention against Doping in Sports of 2005, the Council of Eu-

rope Convention against Doping of 1989. However, there are no issues of regulating the work of athletes and protecting their labor rights in international legal acts.

Another issue that requires the closest attention from the ILO in terms of the progressive development of international labor law is the regulation of remote (remote) work. The article examines various forms of remote work, and also presents a comparative legal analysis of the status of a homemaker and a remote (remote) worker in accordance with ILO documents.

Materials and methods. The methodological basis of the study was the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena

and processes: the method of system-structural analysis; formal-logical method.

Research results. As a result of the research, the authors found that there is a need to develop an ILO Convention, as well as an appropriate Recommendation that would consolidate the minimum labor rights of athletes with their subsequent extension in employment contracts of a private legal nature. Regarding the legal regulation of remote work, the authors also propose to allocate remote workers into a separate category of workers on a par with homeworkers and domestic workers.

Discussion and conclusion. In modern professional sports, workers of various nationalities are represented, consequently, the ILO needs to progressively develop new international standards for the labor rights of athletes at a universal level, in particular, it

is proposed to adopt a Convention on the peculiarities of work in professional sports. Since a homeworker and a remote worker are essentially not identical concepts, therefore, the ILO Convention No. 177 on Home Work of 1996 cannot be extended to regulate the work of remote workers, therefore it seems appropriate to develop an appropriate Convention.

Damir K. Bekyashev,
Doctor of Law, Professor, International Law
Chair, MGIMO University, Russia

Valentina G. Mikrina,
PhD in Law, Associate professor,
Public Law Chair, Odintsovo branch,
MGIMO University, Russia

Ключевые слова:

прогрессивное развитие международного
трудового права, труд спортсменов,
труд дистанционных работников,
Международная организация труда,
международные трудовые стандарты

Keywords:

progressive development of international labor
law, athletes' labor, remote workers' labor,
International Labor Organization, international
labor standards

References:

1. Lushnikov M.V., Lushnikova A.M., 2011. Mezhdunarodnoe i sravnitel'noe trudovoe pravo i pravo social'nogo obespecheniya. [International and comparative labour law and social security law]. Moscow.
2. Osobennosti regulirovaniya truda sportsmenov i trenerov (krome osobennostej zaklyucheniya i rastorzheniya trudovogo dogovora) [Peculiarities of labour regulation for athletes and coaches (except for the specifics of concluding and terminating an employment contract)]. URL: <https://xn--80akibcicpdbez7e2g.xn--p1ai/reminder/115>.
3. Stoletie MOT: yubilejnyj god [Centenary of ILO: anniversary year]. URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_644599/lang--ru/index.htm.
4. Udalennyj rezhim raboty v usloviyah pandemii COVID-19: rukovodstvo dlya rabotodatelej [Remote work during Covid-19 pandemic: guidance for employers]. Zheneva. 2020.
5. Anderson J., 2016. Arbitration, negotiation and contracts in sport. In M. Barry et al. (eds), op. cit.
6. Causa Sport News: Fall Vanessa Sahinovic: Verunglückt als Arbeitnehmerin, 24 May 2017.
7. European Commission: EU Guidelines on Dual Careers of Athletes: Recommended policy actions in support of dual careers in high-performance sport, 2012.
8. FICA: FICA men's professional cricket global employment report 2017.
9. FICA: FICA women's global employment market report and survey 2018.
10. Fischetti M., 2012. Leg and head injuries are frequent at the Olympics. *Scientific American*. Vol. 307. No. 2.
11. Keller B., 2016. The regulation of professional football at the European Union level: Towards supranational employment relations in the football industry? In M. Barry et al. (eds), op. cit.
12. Messenger J.C. (ed.), 2019. Telework in the 21st Century, an Evolutionary Perspective. *ILO Future of Work series*, (Edward Elgar and ILO).
13. Salminen V., 2017. UFC fighters are taking a beating because they are misclassified as independent contractors: an employee classification would change the fight game for the UFC, its fighters, and MMA. *Pace Intellectual Property, Sports & Entertainment Law Forum*. Vol. 7. Issue 1.
14. Solow J. and Von Allmen P., 2016. Performance expectations, contracts and job security. In M. Barry et al. (eds), op. cit.
15. The Society for Human Resource Management (SHRM). Will Employees Continue Working from Home After COVID-19? One Company Says Yes, 30 April 2020.
16. White B., 2019. The lasting impact of a professional wrestling career and the need to unionize. *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*. 10 April.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ООН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ольга Зинченко*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-32-40

Введение. Целью настоящего исследования является анализ текущей ситуации в Международном Суде, ряда стоящих перед ним актуальных задач, а также путей их решения. Из 18 споров, находящихся на рассмотрении Международного Суда ООН, 14 передано на основании юрисдикционных клаузул международных договоров, в том числе в сфере защиты и поощрения прав человека. На примере ряда дел, в том числе с участием России, автор анализирует некоторые проблемы, возникающие вследствие данной тенденции.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: формально-логический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, анализ и синтез.

Результаты исследования. Автором выделяется три ключевых проблемы, с которыми сталкивается Международный Суд ООН сегодня. Во-первых, в ряде дел автор отмечает искусственное ограничение предмета спора, порождающее вопросы применимого права и риски расширительного толкования конвенций. Во-вторых, обозначена проблема политизации деятельности Суда со стороны отдельных участников процесса, подчас вынуждающая его выбирать между справедливостью и политическим контекстом. В-третьих, отмечена неспособленность Суда рассматривать многочисленные фактологически насыщенные дела, поступающие на основании юрисдикционных клаузул, прежде всего, международных договоров в сфере защиты и поощрения прав человека.

Обсуждение и заключение. В качестве возможных путей решения обозначенных проблем автором видится обеспечение взвешенного подхода Суда к вопросам установления юрисдикции при должном учете принципа согласия государств, а также корректировка применяемых им методов установления фактов. Автор прогнозирует ряд негативных политико-правовых последствий излишнего судейского активизма, включая риск расширительного толкования положений соответствующих конвенций и злоупотребления ими, а также снижения доверия государств к системе разрешения споров в рамках Международного Суда. Сохранение сбалансированного подхода Суда к вопросам установления согласия государств на его юрисдикцию будет иметь большое значение для сохранения авторитета главного судебного органа ООН.

* **Зинченко Ольга Игоревна**, магистр юриспруденции, аспирантка кафедры международного права МГИМО МИД России,
e-mail: oizinchenko@mid.ru
ORCID ID: 0000-0003-0864-249X

Введение

В современной системе международных судебных инстанций видное место занимает Международный Суд ООН. В настоящий момент на его рассмотрение были переданы 18 межгосударственных споров, 10 из них – в последние 5 лет. Так, 4 июля 2023 г. Швеция, Украина и Великобритания подали совместное заявление в Суд против Ирана в связи с воздушным инцидентом 8 января 2020 г.¹, основываясь на юрисдикционной клаузуле Монреальской конвенции 1971 г. 8 июня 2023 г. Нидерланды и Канада, отказавшись продолжать консультации с Сирией по теме нарушений прав человека, направили заявление в Международный Суд на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.² 26 февраля 2022 г. Украиной было подано заявление против России, в этот раз – с опорой на Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. В современных геополитических реалиях можно прогнозировать регулярность поступления заявлений в Международный Суд ООН. Например, в связи с катастрофой рейса МН-17 Австралия и Нидерланды начали процедуры в отношении России в рамках Совета ИКАО (на основании Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г.), решение которого также может быть обжаловано в Международный Суд ООН [10. С. 36].

Из трех оснований для юрисдикции, перечисленных в ст. 36 Статута Международного Суда ООН [1. С. 12; 16. С. 707], в подавляющем большинстве случаев (14 дел) используются юрисдикционные клаузулы многосторонних договоров, поскольку многочисленность государств-участников и универсальный характер делают их неким «общим знаменателем» между потенциальными сторонами спора.

Исследование

Целью настоящей работы является анализ некоторых проблем, вызванных данной тенденцией, а также возможных путей их минимизации.

Во-первых, за счет общих формулировок юрисдикционных клаузул [15. С. 42] государства-заявители порой пытаются «подвести» под них ситуации, напрямую не связанные с предметом регулирования соответствующих международных договоров, что несет в себе риски искусственного ограничения предмета спора [18. С. 700]. Иллюстративными являются дела, основанные на Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (МКЛРД) по заявлениям Грузии против России (2008 г.), Украины против России (2017 г.), Катара против ОАЭ (2018 г.), Армении против Азербайджана и Азербайджана против Армении (2021 г.). В первом из них ряд судей отметил: «Любопытно, что Грузия, ссылаясь на акты расовой дискриминации, якобы совершенные Россией с начала 1990-х годов в нарушение МКЛРД, ждала вооруженного конфликта [...], чтобы немедленно обратиться в Суд»³. Аналогичные аргументы о том, что реальный предмет спора не подпадает под предмет регулирования МКЛРД и Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., выдвигались Россией в отношении заявления Украины 2017 г.⁴

Схожая ситуация обстоит с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., которая предоставляет немедленный и прямой доступ к Суду, а не «вторичный» (т.е. после исчерпания сторонами иных способов мирного разрешения спора). Например, на Конвенцию наряду с МКЛРД и другими международными договорами ссылалась Демократическая Республика Конго, пытаясь передать в Международный Суд вопрос вторжения войск Руанды, что, однако, не увенчалось

¹ *Aerial Incident of 8 January 2020 (Canada, Sweden, Ukraine and United Kingdom v. Islamic Republic of Iran)*, Joint Application instituting proceedings, 4 July 2023.

² *Application of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Canada and the Netherlands v. Syrian Arab Republic)*, Joint application instituting proceedings, 8 June 2023.

³ *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008, Joint Dissenting Opinion of Vice-President Al-Khasawneh and Judges Ranjeva, Shi, Koroma, Tomka, Bennouna and Skotnikov, P. 402.

⁴ *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Judgment of 8 November 2019, Preliminary Objections, P. 34.

успехом⁵ (по причине оговорок Руанды к юрисдикционным клаузулам упомянутых конвенций). В 2022 г. Украина также обратилась в Суд на основании Конвенции, хотя в действительности содержащиеся в заявлении претензии касаются применения силы, *jus in bello*, права на самооборону, признания государств, права на самоопределение⁶ – т.е. вопросов, на которые не распространяется согласие сторон спора на юрисдикцию Суда. При этом во избежание сложного доказывания нарушения ответчиком материальных положений Конвенции (как в других рассмотренных Судом делах о предполагаемом геноциде) для обоснования юрисдикции Украина использовала неоднозначную юридическую конструкцию: нарушение Россией Конвенции путем «необоснованных обвинений» в геноциде для «оправдания» начала специальной военной операции⁷ [2. С. 27].

В своей практике Суд никогда не отказывал в установлении юрисдикции на основании того, что предмет спора выходил за рамки предмета регулирования конвенции, содержащей юрисдикционную клаузулу⁸. Однако поскольку его юрисдикция в таких случаях «связана» с материально-правовыми положениями соответствующего договора (юрисдикция *ratione materiae*), в ряде дел возникал вопрос применимого права, а именно возможности использования в качестве источника международного обычая. Суд придерживался в целом взвешенного подхода, учитывая при толковании соответствующих соглашений нормы обычного международного права (например, по вопросам средств правовой защиты⁹ и вменения¹⁰), но констатируя именно нарушения соответствующего договора, а не норм обычая. Однако встречались и ситуации, когда

решение Суда затрагивало достаточно широкий круг аспектов, не предусмотренных напрямую в содержащих юрисдикционные клаузулы международных договорах¹¹ [8. С. 482], что может создавать риски их расширительного толкования.

Во-вторых, все очевидней становится проблема политизации деятельности Суда. Поскольку признанию им своей юрисдикции рассматривать дело придается большое политическое значение, высок риск оказания на него давления. Так, в ноябре 2022 г. на площадке Генеральной Ассамблеи ООН в ходе дискуссий по пункту повестки дня «Доклад Международного Суда» от ряда делегаций звучали прямые призывы к государствам-участникам ООН вступить в дело «Украина против России» (2022 г.). В итоге рекордным в истории Суда числом государств (33) были направлены ходатайства на основании ст. 63 Статута, в которых для обоснования юрисдикции Суда было представлено «расширительное» толкование Конвенции 1948 г. Налицо непоследовательность упомянутых государств НАТО, отстаивавших диаметрально противоположные взгляды по вопросу толкования упомянутой Конвенции в 2004 г., когда Югославия подала заявление в связи с проведенными ими в 1999 г. бомбардировками (Суд не признал наличие своей юрисдикции, что подверглось критике рядом ученых-международников). Однако Суд не придал значения данному несоответствию, не усмотрев злоупотребления правом и удовлетворив 32 ходатайства¹² (кроме США).

Подтверждением де-факто влияния политического контекста на Суд в отдельных делах, разумеется, могут служить лишь косвенные индикаторы. Например, в решении

⁵ *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 2006, P. 39-46.

⁶ *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary objections of the Russian Federation, 3 October 2022, P. 6.

⁷ *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation)*, Application instituting proceedings, 26 February 2022.

⁸ *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Judgment of 8 November 2019, Preliminary Objections, P. 21.

⁹ *La Grand (Germany v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 2001, P. 508-514.

¹⁰ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, P. 53-69; *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 199.

¹¹ Например, в «деле о нефтяных платформах», основанном на Договоре между США и Ираном о дружбе, экономических отношениях и консульских правах, Суд рассмотрел общие вопросы применения силы.

¹² *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening)*, Order of 5 June 2023.

о временных мерах по жалобе Грузии, принятом в разгар международной реакции на события августа 2008 г., Суд установил *prima facie* юрисдикцию¹³, поскольку «общепринятое значение» статьи 22 МКЛРД не предполагает обязательного проведения переговоров перед обращением в Суд. Спустя 2,5 года, Суд пришел к противоположному выводу, основываясь на общем правиле толкования международных договоров и принципе эффективности¹⁴. Хотя признание *prima facie* юрисдикции на стадии временных мер и не предпрещает вопроса о юрисдикции Суда при дальнейшем рассмотрении дела¹⁵, столь существенные разночтения в «общепринятом значении» текста договора вызывают озабоченность. Неосторожный подход к вопросам юрисдикции проявился и в деле «Украина против России» (2022 г.), в котором Суд назначил весьма обширные временные меры. О возможной политической подоплеке данного решения свидетельствует заявление марокканского судьи М. Беннуны, признавшего отсутствие в действительности оснований для юрисдикции и сославшегося на «личные мотивы» поддержки большинства по вопросу назначения временных мер¹⁶. Об отсутствии юрисдикции заявили также судьи от России и Китая.

Данные примеры служат индикатором неоднозначных дискуссий в Суде между сторонниками и противниками судейского активизма. Так, некоторые судьи настаивали на более «мягком» в плане критериев для установления согласия на юрисдикцию Международного Суда толковании договоров в сфере защиты и поощрения прав человека ввиду их особого объекта и целей, даже если это подразумевало бы применение

эволютивного толкования, не учитывающего намерения государств при заключении соответствующего международного договора¹⁷ [17. С. 362]. Данные подходы, однако, не были поддержаны Судом, который при толковании юрисдикционных клаузул применял общее правило толкования, закрепленное в Венской конвенции о праве международных договоров, не делая каких-либо исключений для договоров в области защиты и поощрения прав человека. От соблюдения Судом баланса при рассмотрении переданных ему в последнее время политически чувствительных дел, а также признания им ключевой роли принципа согласия государств, будет зависеть и авторитет данного судебного органа ООН.

В-третьих, результатом участвовавшего использования государствами юрисдикционных клаузул международных договоров (особенно в сфере прав человека) стала передача в Суд дел, требующих исследования множества фактов: как технических параметров¹⁸, так и обилия индивидуальных случаев предполагаемых нарушений¹⁹. При этом налицо «отдаленность» (географическая, временная, культурно-историческая и мировоззренческая) судей от рассматриваемых ими событий [11. С. 263]. Как показал опыт слушаний по существу дела «Украина против России» (2017 г.), многие из них пребывают в «информационном вакууме» с учетом замалчивания в зарубежных источниках некоторых сведений. Заслушивание показаний свидетелей и экспертов согласно статье 43 Статута в ходе устного судопроизводства [4. С. 1] может быть недостаточно для объективного установления обстоятельств спора и его предпосылок. Располагает ли Суд доста-

¹³ *Case Concerning Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008, P. 353, 388.

¹⁴ *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Judgment of 1 April 2011, I.C.J. Reports 2011, P. 125 – 126.

¹⁵ *Anglo-Iranian Oil Co. (United Kingdom v. Iran)*, Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 1952, P. 102 – 103.

¹⁶ *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation)*, Request for the Indication of Provisional Measures, Order of 16 March 2022, General List No. 182, Declaration of Judge Bennouna.

¹⁷ *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary objections, Judgment of 1 April 2011, I.C.J. Reports 2011, *Dissenting opinion of Judge Cançado Trindade*, P. 239, 300, 305, 307.

¹⁸ Например, соответствие промышленного объекта определенным экологическим стандартам, оценка его воздействия на окружающую среду, см. *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*, Judgment, I.C.J. Reports 2010, P. 14.

¹⁹ Предположительно свидетельствующих, например, об осуществлении геноцида, дискриминации, нарушений норм международного гуманитарного права и т.д.

точной «инфраструктурой» для всеобъемлющего процесса установления фактов «на месте»? Скорее нет [19. С. 752].

Судьи могут осуществлять «выезд на место» самостоятельно согласно статье 44 Статута и статье 66 Регламента²⁰, однако это случилось лишь единожды: в деле, касающемся проекта «Габчи́ково-Надьмарош»²¹ [5. С. 11; 7. С. 17]. В 1995 г. стороны спора согласовали модальности визита, подписав ряд протоколов, а в ходе визита каждой из них предоставлялись равные возможности по организации встреч судей с техническими экспертами и посещениям объектов²². В решении Суд указал, что «принял к сведению» полученные им «технические пояснения»²³ [13. С. 221]. Данный пример демонстрирует, что организация «выезда на место» судей требует значительных ресурсов (прежде всего финансовых) и сотрудничества сторон спора, что редко встречается на практике. При этом Суд никогда не назначал визит *proprio motu*, то есть в отсутствие согласия обеих сторон спора, хотя формально данного требования не закреплено. Так, в ряде споров (дело о Юго-Западной Африке²⁴, дело о делимитации морской границы в районе залива Мэн²⁵, дело о сухопутных и морских границах и границах между островами²⁶) ходатайства одной из сторон об организации визитов или экспертиз не поддерживались Судом ввиду отсутствия согласия второй стороны.

Согласно статье 50 Статута Суд может поручить комиссии экспертов осуществить визиты непосредственно в места и объекты,

относящиеся к предмету спора, что, однако, также редко используется на практике²⁷ [12. С. 435]. Так, в деле о проливе Корфу²⁸ Суд назначил Комитет экспертов для подготовки доклада по ряду существенных для дела фактов и поручил ему осуществить визит для сбора доказательств и устранения противоречий в отношении фактов [3. С. 87; 13. С. 226]. Из недавно рассмотренных дел Суд назначил экспертов в споре «Конго против Уганды», поручив им подготовить заключения в отношении трех видов ущерба: гибель людей, утрата природных ресурсов и материальный ущерб²⁹. Однако при таком «делегировании» на преподносимую Суду информацию неизбежно влияют взгляды и убеждения соответствующих экспертов, а также стоит проблема подбора экспертов, которые обладали бы требуемыми знаниями и признанным авторитетом в соответствующей области [11. С. 255].

В своей практике Суд не раз сталкивался с трудностями в расследовании обвинений различных сторон относительно конкретных фактов. В деле «Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории» Суд опирался на выводы Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ)³⁰, хотя и признал неубедительными некоторые подходы Трибунала к анализу доказательств [14. С. 3]. Это закономерно стало объектом справедливой критики [7. С. 114; 9. С. 106; 19. С. 752]. В деле «Гамбия против Мьянмы» государство-заявитель³¹ активно ссылается на

²⁰ International Court of Justice, Rules of the Court (adopted 14 April 1978), printed in Acts and Documents No. 6. – The Hague: ICJ, 2007.

²¹ *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1997, P. 7.

²² *Gabčíkovo-Nagymaros (Hungary/Slovakia)*, Order of 5 February 1997, I.C.J. Reports 1997, P.10.

²³ *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1997, P.14.

²⁴ *South West Africa*, Order of 29 November 1965, I.C.J. Reports 1965, P. 9.

²⁵ *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area case*, ICJ Pleadings 1984, Vol. VII, Correspondence, P. 329, 330, 331, 332, 341, 354. // URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/67/9607.pdf>

²⁶ *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening)*, Judgment of 11 September 1992, I.C.J. Reports 1992, P. 361.

²⁷ *Case Concerning the Factory at Chorzów (Germany v. Poland)*, Claim for Indemnity, Merits, 1928 PCIJ Series A, № 17 (Sept. 13), P. 99; *Corfu Channel (United Kingdom v Albania)*, Order of 17 December 1948, I.C.J. Reports 1947–1948, P. 124; *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area (Canada/United States of America)*, Appointment of Expert, Order of 30 March 1984, I.C.J. Reports 1984, P. 165; *Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali)*, Nomination of Experts, Order of 9 April 1987, I.C.J. Reports 1987, P. 7 (согласно ст. 48 Статута).

²⁸ *Corfu Channel case (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania)*, Judgment of April 9th 1949, I.C.J. Reports 1949, P. 4.

²⁹ *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*, Reparations, Judgment of 9 February 2022, General List No. 116, P. 14.

³⁰ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 134.

³¹ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Application instituting proceedings and Request for the indication of provisional measures, 11 November 2019.

публикации Спецдокладчика Совета ООН по правам человека по ситуации с правами человека в Мьянме Я. Ли, Специального советника Генерального секретаря ООН по предупреждению геноцида А. Диенг, неправительственных организаций и Миссии по установлению фактов в Мьянме. Поскольку в июле 2022 г. Суд признал наличие юрисдикции по данному делу³², перед ним вновь встанет проблема сбора и анализа доказательств. Так как на стадии обеспечительных мер Суд не раз опирался на выводы Миссии по установлению фактов в Мьянме³³, вероятно, что и при рассмотрении вопросов существования он вновь прибегнет к результатам сбора и анализа доказательств третьими лицами. Упомянутая проблема актуальна и в контексте дела «Украина против России» (2017 г.), в котором стороны уже представили тысячи страниц документальных доказательств. Остро встанет данный вопрос и в случае установления Судом своей юрисдикции по другим находящимся на его рассмотрении «фактоемким» делам: заявлениям Армении и Азербайджана, Украины против России 2022 г., Канады и Нидерландов против Сирии и др. То, как Суд будет справляться с рассмотрением таких дел в условиях отсутствия у него разработанной практики для организации полноценного процесса установления фактов, может оказать в будущем влияние на признание государствами его юрисдикции. Если эта функция все больше будет «отдаваться на откуп» третьих лиц, доверие государств к данному международному институту может снизиться.

Для того чтобы судьи Международного Суда обладали информацией «из первых рук», а также могли получить собственное представление о ситуации на определенной территории, ее исторических, культурных и иных особенностях, целесообразной видится организация визитов судей (при гарантированной безопасности) в наиболее сложных с фактологической точки зрения делах. Параллельно представляется необходимым расширять практику задействования назначаемых Судом экспертов. Можно согласиться с судьей А. Юсуфом, который в заявлении к решению Суда по делу о целлюлозных заво-

дах на реке Уругвай указал, что «Суду было бы полезно в будущем более эффективно использовать полномочия, предоставленные ему его Статутом, для рассмотрения фактоемких и сложных научных дел и разработки для этого четкой стратегии, которая позволила бы ему оценивать необходимость заключения эксперта на ранней стадии рассмотрения дела»³⁴. Хотя научная дискуссия о расширении участия экспертов посвящена преимущественно наукоемким делам, данный вопрос актуален и для споров в сфере прав человека. В науке озвучивается и предложение о создании отдельной камеры Суда по установлению фактов, которая бы осуществляла поиск и предварительный анализ имеющихся доказательств [14. С. 4].

Результаты исследования

Изложенные доводы приводят к выводу о том, что в последние годы участилась практика использования государствами юрисдикционных клаузул для передачи в Международный Суд ООН всеобъемлющих и многоаспектных споров, зачастую имеющих лишь косвенное отношение к задействуемому международному договору. Заметен рост числа споров, касающихся обвинений в нарушении международных договоров в сфере прав человека, которые по своей природе сопряжены с необходимостью оценки значительного количества фактов. Следовательно, Суду все чаще придется сталкиваться с необходимостью сбора доказательств, в том числе *in situ*, а также изучением большого их количества из разных источников и оценкой их доказательственной силы. Редкое обращение к механизму визитов на место (самими судьями или назначенными ими экспертами) приводит к использованию Судом информации из третьих источников без возможности контроля в отношении подбора лиц, осуществляющих сбор и анализ доказательств, и в отношении используемой ими методологии. Если пассивность Суда в данном вопросе сохранится, то в его практике возникнут сложности, связанные с оценкой доказательств, представляемых сторонами и третьими лицами и организациями.

³² *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Preliminary objections, Judgment of 22 July 2022, General List No. 178.

³³ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Order of 23 January 2020, Request for the indication of provisional measures, P. 17, 18, 21.

³⁴ *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*, Judgment, I.C.J. Reports 2010, P. 14, Declaration of Judge Yusuf, Para. 14.

Данных проблем в ряде случаев можно избежать в том числе путем обеспечения сбалансированного подхода Суда к вопросам установления своей юрисдикции с учетом важности принципа согласия государств. Это особенно востребовано в свете практики злоупотребления юрисдикционными клаузулами для передачи в Суд споров политического характера, лишь отдаленно связанных с задействованным для этой цели договором [6. С. 496], а также вызванного данной тенденцией искусственного ограничения предмета спора, что нередко ставит перед Судом сложные вопросы применимого права.

Отмечается неоднородность точек зрения на данную проблему среди членов Суда, представляющих «главные формы цивилизации и основные правовые системы мира». Озвучивались предложения о необходимости особого эволютивного толкования положений международных договоров в сфере прав человека (включая их юрисдикционные клаузулы) в целях снижения «порога» для установления наличия согласия государства на юрисдикцию Суда.

Несмотря на то, что до настоящего времени столь радикальная позиция напрямую Судом не поддерживалась, автором отмечаются некоторые изменения в его подходах, вызывающие беспокойство.

Заключение

Таким образом, к настоящему моменту на рассмотрении Международного Суда ООН находится множество сложных дел, в том числе касающихся ситуаций, занимающих значительную долю международной повестки дня. Вместе с тем, поскольку юрисдикция Суда неразрывно связана с принципом согласия, государство не может быть принуждено к ее признанию вне рамок тех условий, которыми ограничено согласие данного государства. То, каким образом Суд будет определять эти рамки в современных условиях беспрецедентного политического давления, подчас ставящего выбор между справедливостью и политическим контекстом, будет иметь большое значение для сохранения авторитета главного судебного органа ООН.

Литература:

1. Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И. Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы // Московский журнал международного права. 2018. № 4.
2. Зинченко О.И. Споры, касающиеся вооруженных конфликтов: подходы Международного Суда ООН к вопросам юрисдикции // Евразийский юридический журнал. 2022. № 6 (169).
3. Крылов С.Б. Международный Суд Организации Объединенных наций: Вопросы международного права и процесса в его практике за десять лет (1947-1957). М., 1958.
4. Шинкарецкая Г.Г. Практика международных судов в области сбора доказательств // Международное право и международные организации. 2021. № 1.
5. Шинкарецкая Г.Г. Доказательства в процессе Международного Суда: концептуальные аспекты // Международное право и международные организации. 2022. № 1.
6. Cannizzaro E., Bonafé B. Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case // European Journal of International Law. 2005. № 16.
7. Devaney J. Fact-Finding before the International Court of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
8. Giegerich T. A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference. Berlin: Duncker & Humblot, 2009.
9. Goldstone R., Hamilton R. Bosnia v. Serbia: Lessons from the Encounter of the International Court of Justice with the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia // Leiden Journal of International Law. Vol. 21. Iss. 1. 2008.
10. Ivanov D.V., Donakanian V.G. The ICAO Council as a Dispute Settlement Body: Theoretical and Practical Issues // Moscow Journal of International Law. 2022. № 3.
11. Keene A. (Ed.). Outcome Paper for the Seminar on the International Court of Justice at 70: In Retrospect and in Prospect // Journal of International Dispute Settlement. 2016. № 7.
12. Malintoppi L. Fact Finding and Evidence Before the International Court of Justice (Notably in Scientific-Related Disputes) // Journal of International Dispute Settlement. 2016. № 7.
13. Rosenne S. Essays on International Law and Practice. Leiden: Martinus Nijhoff publishing, 2007.
14. SáCouto S. Reflections on the Judgment of the International Court of Justice in Bosnia's Genocide Case against Serbia and Montenegro // Human Rights Brief. 2007. Vol. 15. № 1.
15. Thirlway H. The International Court of Justice. Oxford: Oxford University Press, 2016.

16. Thirlway H. The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence. Volume I. Oxford: Oxford University Press, 2013.
17. Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I. Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice // Kutafin Law Review. № 9(2). 2022.
18. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I. Cases relating to the law of the sea: Issues of jurisdiction of the International Court of Justice // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. № 14(3). 2023.
19. Zimmermann A. et al. (eds.). The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2019.

THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE TODAY: CURRENT CHALLENGES AND PROSPECTS

Introduction. The study strives to analyze the current situation in the International Court of Justice, a number of the challenges facing it, as well as their possible solutions. Of the 18 disputes currently in the Court's docket 14 were submitted on the basis of jurisdictional clauses of treaties, including in the field of the protection and promotion of human rights. Using the example of a number of cases, including those involving the Russian Federation, the author analyzes some of the problems resulting from this trend.

Materials and methods. The methodological basis of the study includes the following general scientific and special methods of cognition: formal-logical, formal-legal, historical-legal, comparative-legal, analysis and synthesis.

Results of the study. Firstly, the artificial limitation of the subject matter of the dispute in some instances is noted, which leads to questions of applicable law and causes risks of broad (or "evolutionary") interpretation of treaties. Secondly, the problem of politicization of the Court's activities by some of the Parties to the process is identified, forcing the Court to choose between justice and the political context in some of the "high-profile" cases. Thirdly, the Court's inability to consider numerous "fact-intensive" cases brought by way of jurisdictional clauses of treaties (especially in the field of protection and promotion of human rights) is noted.

Discussion and conclusions. The author sees possible solutions in ensuring the Court's balanced approach to issues of establishing jurisdiction with due regard to the principle of States' consent, as well as in adjusting its fact-finding methods. While in its practice the Court has not directly supported the proposals voiced by some of its members favoring evolutionary interpretation of the provisions of human rights treaties in order to lower the "threshold" for establishing the existence of a State's consent to its jurisdiction, the author notes some recent changes in the Court's approaches that cause concern. The author predicts a number of negative political and legal consequences of excessive judicial activism, including the risk of broad interpretation of the provisions of the relevant conventions and their abuse, as well as a decrease in the confidence of States in the dispute resolution system within the principal judicial organ of the United Nations. Maintaining the Court's cautious approach to issues of establishing States' consent to its jurisdiction will be of great importance to upholding its authority.

Olga I. Zinchenko,
Master of Law, Postgraduate Researcher
with the International Law Department,
MGIMO-University under the MFA
of Russia

Ключевые слова:

юрисдикция, компетенция,
Международный Суд ООН,
межгосударственные споры,
юрисдикционные клаузулы,
международные судебные инстанции,
доказательства, предварительные
возражения

Keywords:

jurisdiction, competence, International Court
of Justice, interstate disputes, jurisdictional
clauses, international tribunals, evidence,
preliminary objections

References:

1. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I., 2018. YUrisdikciya Mezhdunarodnogo Suda OON: nekotorye teoreticheskie voprosy [Jurisdiction of the International Court of Justice of the United Nations: some theoretical issues]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. № 4.
2. Zinchenko O.I., 2022. Spory, kasajushiesja vooruzhennyh konfliktov: podhody Mezhdunarodnogo Suda OON k voprosam yurisdikcii [Disputes concerning armed conflicts: approaches of the International Court of Justice to issues of jurisdiction]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal]. № 6 (169).
3. Krylov S.B., 1958. Mezhdunarodnyj Sud Organizacii Ob"edinennyh nacij: Voprosy mezhdunarodnogo prava i processa v ego praktike za desjat' let (1947-1957) [The International Court of Justice of the United Nations: Issues of International Law and Process in its Practice over ten years (1947-1957)]. Moscow.
4. Shinkaretskaya G.G., 2021. Praktika mezhdunarodnyh sudov v oblasti sbora dokazatel'stv [The practice of international courts in the field of evidence collection]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii* [International Law and International Organizations]. № 1.
5. Shinkaretskaya G.G., 2022. Dokazatel'stva v processe Mezhdunarodnogo Suda: konceptual'nye aspekty [Evidence in the process of the International Court of Justice: conceptual aspects]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii* [International Law and International Organizations]. № 1.
6. Cannizzaro E., Bonafé B., 2005. Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case. *European Journal of International Law*. № 16.
7. Devaney J., 2016. Fact-Finding before the International Court of Justice. Cambridge.
8. Giegerich T., 2009. A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference. Berlin.
9. Goldstone R., Hamilton R., 2008. Bosnia v. Serbia: Lessons from the Encounter of the International Court of Justice with the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. *Leiden Journal of International Law*. Vol. 21. № 1.
10. Ivanov D.V., Donakian V.G., 2022. The ICAO Council as a Dispute Settlement Body: Theoretical and Practical Issues. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. № 3.
11. Keene A. (Ed.), 2016. Outcome Paper for the Seminar on the International Court of Justice at 70: In Retrospect and in Prospect. *Journal of International Dispute Settlement*. № 7.
12. Malintoppi L., 2016. Fact Finding and Evidence Before the International Court of Justice (Notably in Scientific-Related Disputes). *Journal of International Dispute Settlement*. № 7.
13. Rosenne S., 2007. Essays on International Law and Practice. Leiden.
14. SáCouto S., 2007. Reflections on the Judgment of the International Court of Justice in Bosnia's Genocide Case against Serbia and Montenegro. *Human Rights Brief*. Vol. 15. № 1.
15. Thirlway H., 2016. The International Court of Justice. Oxford.
16. Thirlway H., 2013. The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence. Volume I. Oxford.
17. Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I., 2022. Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice. *Kutafin Law Review*. Vol. 9. № 2.
18. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I., 2023. Cases relating to the law of the sea: Issues of jurisdiction of the International Court of Justice. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. Vol. 14. № 3.
19. Zimmermann A. et al. (eds.), 2019. The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. Oxford.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЦЕЛЯМИ И СРЕДСТВАМИ: ОСНОВЫ ТЕОРИИ

Виталий Субочев*

Михаил Куликов**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-41-53

Введение. Несмотря на то, что манипулятивные технологии воздействия на общественные отношения в настоящее время получили чрезвычайно широкое распространение, изучение манипулирования юридическими целями и средствами как одной из основных форм манипулятивного воздействия на социальные процессы остается за рамками предмета исследования представителей как общей теории права, так и отраслевых юридических наук. По мнению авторов, данная ситуация свидетельствует о том, что современная юридическая наука в указанном отношении явно отстает от потребностей юридической практики и не способна предложить обоснованное решение весьма злободневных проблем, связанных с масштабным и повседневным манипулятивным использованием юридического инструментария.

Материалы и методы. Авторы представленной статьи активно использовали как общенаучные, так и частнонаучные методы научного познания, среди которых можно выделить диалектический, системный, формально-юридический, правового моделирования, структурно-функциональный, сравнительно-правовой и т.д.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования авторами статьи были разработаны основы концепции манипулирования юридическими целями и средствами. В частности, в работе было изложено авторское видение сущности и специфики манипулирования юридическими целями, изучены особенности манипулятивного использования как стимулирующих, так и ограничивающих юридических средств. Отдельное внимание было уделено анализу технологий манипулирования юридическими целями и средствами, проведенному на основе конкретных примеров.

* **Субочев Виталий Викторович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования
МГИМО МИД России
e-mail: vvsbochev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3536-4707

** **Куликов Михаил Алексеевич**, доктор юридических наук, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «КИБЕРПОЛ»
e-mail: mikhail.a.kulikov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0978-0141

Обсуждение и заключение. В работе обосновывается позиция, согласно которой под манипулированием юридическими целями и средствами понимается осуществляемая при помощи скрытой тактики или стратегии форма правомерного поведения, заключающаяся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или применении юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых). Отстаивается точка зрения, согласно которой вызовы и угрозы, с которыми в настоящее время сталкивается Россия, обуславливают необходимость создания государственной стратегии противодействия манипулированию целями и средствами в правовом регулировании.

Введение

Достаточно очевидным является тот факт, что в настоящее время манипулятивные технологии представляют собой весьма распространенный способ воздействия на общественные отношения и активно используются в различных сферах общественной жизни.

Существует значительное количество не только публицистических, но и глубоких научных работ, посвященных информационному, психологическому, политическому, экономическому, управленческому и другим разновидностям манипулятивного воздействия на общественные отношения. Более того, в последнее время начинают активно исследоваться информационные, политические и экономические манипулятивные технологии, используемые так называемым «коллективным Западом» как в отношении России, так и многих других государств мира.

Однако манипулирование в процессе правового регулирования, выступающего важнейшей разновидностью социального управления в целом, почему-то незаслуженно игнорируется как представителями общей теории права, так и отраслевых юридических наук. Вместе с тем, вполне очевидным является то, что претворение в жизнь масштабных политических, экономических, информационных и иных манипулятивных технологий не может не опираться на использование соответствующих юридических средств и, в свою очередь, не может не оказывать влияние на функционирование механизма правового регулирования в целом.

Данный пробел в правовых исследованиях становится все более и более очевидным. Вместо того, чтобы предлагать пути минимизации

негативных последствий манипулирования юридическими целями и средствами в процессе правового регулирования общественными отношениями, представители общей теории права практически не исследуют обозначенное явление, как будто его и не существует вовсе.

Складывается ситуация, когда юридическая наука явно отстает от потребностей юридической практики, когда *реалии*, складывающиеся в процессе, в том числе и правового, воздействия на общественные отношения, ушли далеко вперед от разработанных и обобщенных юридической догматикой традиционных форм и методов правового регулирования и традиционного использования правового инструментария.

Исследование

На масштабы манипулирования общественными процессами, в том числе и посредством использования юридических средств, прямо и неоднократно обращают внимание как Президент РФ В.В. Путин, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, так и другие представители высшего руководства нашего государства, однако юридическая наука «не спешит» разобраться в данной острой и весьма актуальной проблематике.

Так, выступая 21 декабря 2021 г. на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ, В.В. Путин подчеркнул, что западные страны «под разными предлогами, в том числе с целью обеспечить собственную безопасность», действуют «за тысячи километров» от своей территории, и «когда им мешает международное право и устав ООН, объявляют это все устаревшим, ненужным. А когда соответствует что-то их интересам, сразу ссылаются на нормы международного

права, на устав ООН, на гуманитарные права международные и т.д. Эти *манипуляции* (выделено нами: В.С., М.К.) надоели»¹.

Несколько позже, выступая 24 июня 2022 г. на заседании в формате БРИКС+ президент России В.В. Путин отметил, что «некоторые страны в интересах своего доминирования в мире (выделено нами: В.С., М.К.) стремятся подменить глобальную архитектуру, опирающуюся на роль ООН, неким «порядком, основанным на правилах», кто эти правила придумал — непонятно. Попытки сдерживать развитие государств, не готовых жить по таким придуманным кем-то правилам, безрассудное применение нелегитимных санкционных инструментов, помноженное на последствия пандемии коронавируса, — всё это лишь обострило кризисные явления мировой экономики»².

Анализируя данное заявление В.В. Путина становится очевидным, что речь идет ни о чем ином, как о *манипулировании* международным правом.

Непосредственно манипулированию международным правом в целом и нормами международного права, в частности, неоднократно уделял внимание министр иностранных дел РФ С.В. Лавров. В частности, он подчеркивает, что западные «демократии» даже отменили сам термин «международное право», который предполагает, прежде всего, уважение принципов устава ООН и в первую очередь принципа суверенного равенства государств, заменив его на расхожий термин «миропорядок, основанный на правилах»³.

Более того, как В.В. Путин, так и С.В. Лавров неоднократно обращали внимание общественности на манипулирование нормами международного права коллективным

Западом посредством конструирования неких «правил», «принципов поведения» и соответствующей концепции, известной как «rules-based world order» или «rules based international system» [18] - RBIS, суть которой заключается в постепенной подмене общепризнанных норм международного права, разработанными вне легитимных многосторонних процедур субъективными неконсенсусными форматами ведения переговоров и построения системы международных отношений⁴.

Вновь на проблему манипулирования нормами международного права В.В. Путин прямо обратил внимание 24 августа 2023 г., выступая на заседании в формате «БРИКС плюс / аутрич», отметив, что страны т.н. «золотого миллиарда» пытаются «подменить систему международного права собственным так называемым порядком, основанным на правилах, которых никто не видел, правилах, используемых, надо сказать, в корыстных целях и меняющихся в угоду текущей политической конъюнктуры когда угодно и как угодно (выделено нами: В.С., М.К.) в соответствии с интересами отдельных стран»⁵.

Помимо сказанного, выступая с приветственным словом участникам конференции по поводу 75-летней годовщины подписания Всеобщей декларации прав человека 21 ноября 2023 г. В.В. Путин прямо и обоснованно обвинил коллективный Запад в использовании доктрины прав человека для разрушения суверенитета других государств и обеспечения собственного доминирования в мире⁶.

По сути, речь идет ни о чем ином, как о *манипулятивном использовании* Всеобщей декларации прав человека, что также подтверждается и заявлениями С.В. Лаврова,

¹ Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ. 2021. 21 декабря. // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61c1b5039a794770ade78255> (дата обращения: 15.11.2023).

² Путин: некоторые страны пытаются подменить глобальную архитектуру на «придуманные правила». // URL: <https://russian.rt.com/world/news/1018406-pravila-briks-putin> (дата обращения: 20.11.2023).

³ Лавров заявил, что Запад «наплевать хотел» на суверенное равенство государств. // URL: https://tass.ru/politika/14201681?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 15.11.2023).

⁴ См.: В.В. Путин: некоторые страны пытаются подменить глобальную архитектуру на «придуманные правила». // URL: <https://russian.rt.com/world/news/1018406-pravila-briks-putin> (дата обращения: 25.11.2023); Лавров С.В. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-8-20.

⁵ Выступление В.В. Путина на заседании в формате «БРИКС плюс / аутрич». // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72096> (дата обращения: 25.11.2023)

⁶ См.: Путин обвинил Запад в использовании идеи прав человека для доминирования. // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/655c657f9a7947661d2e9ec9?ysclid=lpe1mmqh9693284027&from=copy> (дата обращения: 25.11.2023).

выступившим на той же конференции. Говоря о попытках коллективного Запада подменить нормы международного права «собственными надуманными правилами», о навязывании различным государствам и народам мира псевдолиберальных ценностей в качестве универсальных, С.В. Лавров делает важный и достаточно очевидный вывод о том, что «тематика прав человека сплошь и рядом используется западниками в качестве инструмента и предлога для вмешательства (выделено нами: В.С., М.К.) во внутренние дела суверенных государств»⁷, что также говорит ни о чем другом, как именно о *манипулировании* правами и свободами человека как важнейшими юридическими средствами.

Подобных примеров прямого указания на манипулятивное использование юридических целей и средств как со стороны высших должностных лиц государства, так и иных политиков – множество. Чего стоит, например, нашумевшее заявление А. Меркель о том, что истинная цель Минских соглашений, на самом деле, заключалась не в урегулировании конфликта на Украине, а в затягивании времени и предоставлении «передышки» Украине с целью подготовке к новой эскалации военного конфликта и накоплению вооружений⁸. Разве, в данном случае, не идет речь о *манипулировании юридической целью* (целью, прямо зафиксированной в Минском протоколе от 5 сентября 2014 г.)?

Подводя промежуточный итог сказанному, отметим, что обращение государственных деятелей, политиков, различного рода экспертов к той или иной форме манипулирования именно *юридическими* целями и средствами носит массовый характер и затрагивает не только сферу международных отношений и действия коллективного Запада, но также и правотворческие, правоприменительные и правоинтерпретационные процессы, протекающие в правовой жизни современной России.

Сама юридическая практика с убедительностью свидетельствует о том, что манипулирование юридическими целями и средствами стало, к сожалению, повседневной

реальностью, оставляя которую вне фокуса глубокого научного исследования не только опрометчиво, но и *опасно*.

Результаты исследования

Следует отметить, что нами уже привлекалось внимание к манипулированию как политическими, так и юридическими средствами, и обосновывался тезис о том, что манипулятивное воздействие на общественные отношения во многом обусловливается запросом самих участников общественных отношений, равно как и необходимостью повысить эффективность действия самого механизма правового регулирования [10; 9].

Однако считаем целесообразным кратко остановиться на сущности, специфике, технологиях и последствиях манипулирования юридическими целями и средствами в процессе правового регулирования общественных отношений, обращаясь, в том числе, и к отдельным тезисам ранее опубликованных нами работ [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Отметим, что под манипулированием традиционно понимают некую форму воздействия, скрытого господства и управления людьми, осуществляемого ненасильственным образом [1. С. 64]; скрытое принуждение и даже определенное программирование мыслей, намерений, поведения [15; 13. С. 34]; скрытое применение власти вразрез с предполагаемой волей другого [14. С. 14; 16. С. 110] и т.д.

Мы предлагаем исходить из того, что *манипулирование* – это осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии воздействие на поведение объекта управления, при котором он, исходя из имеющейся информации, *добровольно* принимает решение, запланированное субъектом управления вопреки своим истинным потребностям и интересам.

Исходя из того, что юридическая цель – это созданная государством или им санкционированная модель определенного социального состояния, процесса или явления, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся участники правоотношений, манипулирование юридиче-

⁷ См.: Лавров: Запад использует сферу прав человека для вмешательства во внутренние дела стран. // URL: <https://tass.ru/politika/19361155?ysclid=lp24ndej9209263398> (дата обращения: 25.11.2023).

⁸ См.: Меркель назвала истинную цель Минских соглашений. // URL: <https://ria.ru/20221207/merkel-1836973812.html?ysclid=lp24ndej9209263398> (дата обращения: 25.11.2023).

скими целями может осуществляться как самим государством в лице его компетентных органов, так и иными участниками правоотношений, данные цели устанавливающими.

Сущность манипулирования юридическими целями заключается в том, чтобы трансформировать, изменить поведение участников правоотношений в интересах субъекта, данное манипулирование осуществляющего, путем формулирования модели определенного состояния, процесса или явления, достижение которой предполагается посредством использования конкретного набора юридических средств.

Полагаем, что манипулирование юридическими целями может осуществляться в следующих основных формах:

1. *Посредством установления* (формулирования) таких юридических целей, которые не основаны на объективном анализе потребностей и интересов участников правоотношений, но полностью отвечают запросам субъекта управления (манипулятора) и к достижению которых объект манипуляционного воздействия будет мотивироваться при помощи различных средств, технологий и установок;

2. *Посредством использования* социально-обусловленных, адекватно установленных, грамотно сформулированных и отражающих потребности и интересы участников правоотношения целей в интересах субъекта управления (манипулятора), позволяя последнему оправдывать осуществляемые действия (используемые юридические средства) необходимостью достижения данной цели.

Считаем, что манипулирование юридическими целями обладает следующими наиболее существенными признаками.

1. Манипулирование юридическими целями – это форма правомерного поведения, несмотря на то, что достижение целей манипулятора осуществляется за счет и в ущерб интересам объекта манипулирования.

2. Манипулирование юридическими целями предполагает использование как собственно юридических, так и политических, экономических, психологических, информационных и других средств, ресурсов и технологий.

3. Как и манипулирование в целом, манипулирование юридическими целями носит скрытый характер, неявным образом рас-

ставляя стимулы и ограничения для требуемой координации объекта управления.

4. Субъекты манипулирования юридическими целями используют участников правоотношений лишь как средства достижения собственных целей. Объект манипулятивного воздействия, вступая в правоотношение, не имеет представления об истинных целях субъекта манипуляции, однако действует без открытого принуждения, в соответствии со своими интересами.

В отмеченной связи сформулированная манипулятором юридическая цель должна соответствовать интересам объекта манипулятивного воздействия, создавать для удовлетворения его правомерных стремлений режим наибольшего благоприятствования, мотивировать и стимулировать объект управления.

5. Манипулирование юридическими целями является полисубъектной деятельностью, реализуется в процессе правотворческой, правореализационной и правоинтерпретационной деятельности, а также ведет к юридическим последствиям.

Таким образом, *манипулирование юридическими целями* – это осуществляемая при помощи скрытой тактики или стратегии форма правомерного поведения, заключающаяся в постановке или использовании юридических целей в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

Существует множество примеров манипулирования юридическими целями. К примеру, еще в 2016 г. Европарламент принял резолюцию по противодействию пропаганде третьих стран (EU strategic communication to counteract anti-EU propaganda by third parties)⁹, в которой Россия обвинялась в проведении враждебной пропаганды, направленной на подрыв общеевропейских ценностей, разобщение членов европейского сообщества, подрыв стратегического партнерства между государствами – членами ЕС и их североамериканскими партнерами целом ряде иных «недопустимых» действий.

Провозглашенной целью данного правового акта, как это вытекает из его названия и анализа самого текста документа, является защита европейских ценностей и противодействие агрессивной пропаганде России,

⁹ См.: European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)). // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2016-0441_EN.pdf (дата обращения: 17.11.2023).

равно как и пропаганде, осуществляемой рядом террористических организаций, с которыми наша страна была поставлена в один ряд. Вместе с тем, данная резолюция под лозунгом защиты общеевропейских ценностей, существенно осложнила работу и взаимодействие с европейской аудиторией для Россотрудничества, фонда «Русский мир», «Russia Today», «Sputnik» и других организаций и новостных каналов, которые имеют хоть какое-то отношение к «российской пропаганде». «Благая» цель защитить европейскую солидарность на самом деле была провозглашена, сформулирована и использована для введения цензуры в отношении российских СМИ, давления на журналистов и ограничения гуманитарного сотрудничества с Россией.

Исходя из понимания юридических средств как правовых явлений, выражающихся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологиях), используемых для достижения юридических целей [8. С. 70], полагаем, что *сущность манипулирования юридическими средствами* заключается в том, чтобы регулировать поведение участников правоотношений в интересах субъекта, данное манипулирование осуществляющего, посредством создания соответствующих инструментов (установлений) или использования деяний (технологий), направленных на достижение юридических целей.

Природа юридических средств предопределяет тот факт, что манипулирование ими может осуществляться в *следующих основных формах*:

1. *Посредством создания* необходимых субъекту манипулятивного воздействия и полностью соответствующих лишь его интересам средств-инструментов (установлений), направленных на достижение юридических целей;

2. *Посредством использования* средств-деяний (технологий) в собственных целях в ущерб интересам остальных участников правоотношений.

Так, первая форма манипулирования юридическими средствами выражается в том, что субъект манипулятивного воздействия создает такие юридические средства-инструменты (установления), к которым можно отнести как нормативно-правовые акты в целом, так и отдельные правовые нормы, субъективные права, юридические обязанности, льготы, поощрения, запреты и т.д., которые предполагают достижение скрытых интересов субъекта управления за счет и вопреки интересам объекта управления.

Вторая форма манипулирования юридическими средствами связана с *координированием правовой активности* участников правоотношений и мотивированием их к использованию, применению на практике уже созданных юридических средств-инструментов (установлений), ведущих к удовлетворению интересов манипулятора.

Наиболее ярким примером использования как первой, так и второй форм манипулирования юридическими средствами в поистине глобальном масштабе является установление в нормативно-правовых документах коллективного Запада многочисленных антироссийских санкций¹⁰. Закрепление в нормативно-правовых актах различных ограничительных мер является примером создания манипулятивных средств-инструментов (установлений), которые предполагается использовать не ради гуманистических, общечеловеческих целей, как это провозглашается, а лишь ради противодействия укреплению России, препятствования реализации ее национальных интересов, подрыва ее статуса как влиятельного и надежного партнера в международных отношениях.

¹⁰ См.: Fourth package of sanctions in view of Russia's military aggression against Ukraine: 15 additional individuals and 9 entities subject to EU restrictive measures. March 15, 2022. // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/15/fourth-package-of-sanctions-in-view-of-russia-s-military-aggression-against-ukraine-15-additional-individuals-and-9-entities-subject-to-eu-restrictive-measures/> (дата обращения: 25.11.2023); Russia's military aggression against Ukraine: fourth EU package of sectoral and individual measures. March 15, 2022. // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/15/russia-s-military-aggression-against-ukraine-fourth-eu-package-of-sectoral-and-individual-measures/> (дата обращения: 25.11.2023); Foreign Secretary announces historic round of sanctions on Russia. March 15, 2022. // URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-announces-historic-round-of-sanctions-15-march-2022> (дата обращения: 25.11.2023); New measures to tackle corrupt elites and dirty money become law. March 15, 2022. // URL: <https://www.gov.uk/government/news/new-measures-to-tackle-corrupt-elites-and-dirty-money-become-law> (дата обращения: 25.11.2023); Executive Order 14068 "Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment with Respect to Continued Russian Federation Aggression." March 11, 2022. // URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/14068.pdf>. (дата обращения: 25.11.2023); и др.

Можно выделить следующие основные *признаки* манипулирования юридическими средствами: - как и в случае с манипулированием юридическими целями, это форма правомерного поведения; - оно направлено на достижение определенных юридических целей, которые, в свою очередь, либо прямо сформулированы, либо санкционированы государством; - манипулирование юридическими средствами носит скрытый, неявный характер; - манипулирование юридическими средствами влечет правовые последствия и может осуществляться в процессе правотворческой, правореализационной, правоинтерпретационной и иной деятельности, что подчеркивает многообразие методов и технологий его осуществления.

Исходя из сказанного, *манипулирование юридическими средствами* – это осуществляемая при помощи скрытой тактики или стратегии форма правомерного поведения, заключающаяся в создании или использовании юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемого).

Манипулирование как вид управленческой деятельности может представлять собой как законную, так и противоправную активность, однако манипулирование целями и средствами в правовом регулировании (т.е. манипулирование, осуществляемое посредством юридических целей и юридических средств) является правомерной формой поведения субъекта правоотношения.

Поясняя данную мысль, следует отметить, что, несмотря на все более активное обращение законодателя к термину «манипулирование», не всякое его использование в текстах нормативно-правовых актов следует трактовать именно как манипулирование юридическими целями и средствами. Ярким примером тому может служить ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком», в которой манипулирование рынком определяется как целый ряд незаконных действий субъекта, прямо запрещенных под угрозой наказания и не являющихся манипулированием *юридическими* целями и средствами. Другими словами, манипулирование рынком, указанное в УК РФ осуществляется *незаконными* средствами (которые не являются юридическими средствами), что, тем не менее не исключает того, что в принципе манипулирование рынком может осуществляться и при помощи манипулирования юридическими целями и средствами, т.е. являться правомерной

формой поведения, которая не предусматривается данной статьей УК РФ.

В настоящее время используются самые разнообразные технологии манипулирования юридическими целями и средствами. Так, под *технологиями манипулирования целями* в правовом регулировании предлагаем понимать совокупность приемов и способов постановки и использования юридических целей, посредством достижения которых объект управления (манипулируемый) добровольно осуществляет действия, направленные на удовлетворение интересов субъекта управления (манипулятора) вопреки своим истинным потребностям и интересам, полагая, что данная форма поведения является оптимальной или единственно возможной в сложившейся ситуации.

Как вытекает из сказанного выше, технологии манипулирования юридическими целями опираются на правомерные стремления всех участников правоотношений, приводя тем не менее к реализации интересов субъекта манипулятивного воздействия за счет и в ущерб определенным интересам объекта манипуляций.

Технологии манипулирования юридическими целями могут использоваться как в процессе правотворчества и реализации права, так и в правоинтерпретационной и иной формально правомерной деятельности субъекта манипулирования.

Первая группа приемов и способов манипулирования юридическими целями связана с использованием факторов и обстоятельств сложившейся социальной реальности в интересах субъекта управления (манипулятора). Речь идет о том, что существующие или складывающиеся определенным образом обстоятельства произвольно трактуются, интерпретируются субъектом манипулятивного воздействия, что позволяет ему данное, заведомо искаженное или субъективное их видение положить в основу процесса целеполагания в правовом регулировании.

Интересующий нас аспект заключается в том, что оценка происходящих событий, *интерпретация* складывающихся политических, экономических, социокультурных и иных факторов и обстоятельств зачастую ложится в основу постановки манипулятивных целей, которые якобы обусловлены сложившейся ситуацией, но на самом деле служат удовлетворению интересов субъекта манипулятивного воздействия в ущерб интересам его объектов.

Наиболее ярким примером сказанному может служить манипулирование юридическими целями в многочисленных нормативных документах коллективного Запада, предусматривающих введение очередных «пакетов» санкций против России.

Данная стратегия тесно связана и предполагает *вторую группу* приемов и способов манипулирования юридическими целями, заключающуюся в заведомо искаженном формулировании актуальной для субъекта управления повестки. Суть данной технологии манипулирования заключается в искусственном создании актуальных для участников правоотношения угроз, которые оправдывают цели субъекта манипулятивного воздействия, в формулировании его «особой миссии» и иных действиях, направленных на создание той реальности, в которую будет верить объект манипуляций и которая легитимизирует поставленные цели, сделает их не только объяснимыми, но и желанными.

К примеру, Стратегия кибербезопасности США прямо закрепляет такие цели, как «расширение американского влияния в мире», «борьбу со стратегическими противниками», «сдерживание агрессии недружественных стран», «сохранение мира посредством силы», «сохранения американского образа жизни»¹¹, намеренно гипертрофируя те угрозы национальной безопасности и интересам государства, которые оправдывают и объясняют нормативное закрепление обозначенных выше и многих других целей.

Нагнетание ситуации, создание социальных мифов, конструирование заведомо искаженной реальности – это те инструменты, которые позволяют манипулировать юридическими целями при проведении миротворческих операций, создании международных организаций, введении «общепризнанных» глобальных стандартов и осуществлении иных действий, которые зачастую достигают таких масштабов, что позволяют говорить о конструировании «марионеточных государств» и внедрении в повседневный оборот таких терминов, как «state-making devices» или «state-making activities» (инструменты по созданию государств) [17].

В отмеченной связи получает широкое распространение *третья группа* способов и приемов манипулирования юридическими

целями, заключающаяся в создании соответствующего информационного фона вокруг предпринимаемой правовой активности.

Так, определенные способы подачи информации способствуют тому, чтобы адресат воспринял содержание сообщения так, как это нужно манипулятору. К примеру, обилие несистематизированной информации затрудняет для адресата поиск истинного смысла правовых предписаний; подача информации небольшими частями не позволяет эффективно ее использовать; особое сочетание тем помогает форсировать «нужные», заранее запланированные выводы; момент подачи информации повышает вероятность ее соответствия тому эмоционально-психологическому настрою, который присущ в конкретный период времени участникам правоотношения и т.д. [12. С. 18].

Помимо сказанного, можно выделить и *четвертую группу* способов и приемов манипулирования юридическими целями, связанную с ситуативным, субъективным правотворчеством, правоприменением и правоинтерпретацией (т.н. правотворчеством, правоприменением и правоинтерпретацией *ad hoc*), которые являются своего рода общим знаменателем для всех вышеуказанных технологий.

Так, манипулирование юридическими целями в процессе *правоприменения* может осуществляться самыми разнообразными способами. К примеру, приказ о возложении дополнительных обязанностей на работника с целью оптимизации производственного процесса может маскировать такую цель, как вынуждение данного сотрудника уволиться; указание о дополнительных этапах согласования условий договора с целью проверки адекватности всех его условий может выступать предлогом затягивания переговорного процесса и избежания его подписания и т.д.

Анализ технологий манипулирования *юридическими средствами* мы предлагаем осуществлять, исходя из их классификации на стимулирующие и ограничивающие юридические средства.

Под технологиями манипулирования *стимулирующими* юридическими средствами предлагаем понимать совокупность приемов и способов создания или использования юридических (правовых) стимулов, по-

¹¹ National Cyber Strategy of the USA. September 2018. // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).

средством которых объект управления (манипулируемый) побуждается к добровольному осуществлению действий, направленных на удовлетворение интересов субъекта управления (манипулятора) вопреки своим истинным потребностям и интересам, полагая, что данная форма поведения является оптимальной или единственно возможной в сложившейся ситуации.

Целесообразно выделять две ключевые разновидности технологий манипулирования стимулирующими юридическими средствами: создание правовых стимулов и их использование, что соответствует классификации юридических средств на средства-инструменты (установления) и средства-действия (технологии).

В качестве примера манипулятивного использования стимулирующих юридических средств могут выступить предоставляемые отдельными коммерческими банками «льготные» программы по ипотечному кредитованию.

Так, в настоящее время в России реализуется комплекс мероприятий, направленный на максимальное стимулирование жилищного строительства, что нашло свое закрепление как в ФЗ от 24.07.2008 № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства»¹², в паспорте национального проекта «Жилье и городская среда»¹³, так и целом ряде иных официальных документов. Данная цель является действительно важной и социально обусловленной, т.к. обеспечение доступным жильем семей со средним достатком, равно как и само увеличение объема жилищного строительства являются ключевыми составляющими социально-экономической политики государства и его устойчивого развития в целом.

Вместе с тем, вводимые объемы жилищного строительства не предполагается раздавать бесплатно (за исключением предус-

мотренных законодательством случаев), что, в свою очередь, вызывает необходимость *стимулирования покупки* данного жилья, в том числе посредством такого основного инструмента, как ипотечное кредитование. В связи со сказанным, как государство, так и коммерческие структуры проводят активную деятельность по максимально возможному стимулированию граждан к получению ипотечных кредитов на различных «льготных» условиях. Этой тенденцией активно пользуются участники рынка ипотечного кредитования для привлечения максимально возможного числа клиентов, «прикрываясь» якобы чрезвычайно выгодными ипотечными «продуктами» и «программами». Наряду с действительно социально-ориентированными программами с государственной поддержкой¹⁴, коммерческие структуры используют и целый ряд менее выгодных для граждан «льготных» продуктов, «прикрываясь» якобы выгодными банковскими предложениями. В итоге заемщики берут ипотечные кредиты, соглашаясь на льготные условия, и либо переоценивают свои силы и не могут выплатить сформировавшуюся задолженность перед банком, либо приобретают банковский продукт, который на самом деле не является для них «необходимым» и привлекательным.

Помимо сказанного, одним из способов манипулирования правовым стимулом в рассматриваемом контексте является то, что льготные и весьма привлекательные условия ипотечного кредитования распространяются лишь на определенную сумму кредита (к примеру, до 6 млн. руб. по России, до 12 млн. руб. для Москвы и Санкт-Петербурга¹⁵), которая не всегда достаточна для приобретения того жилья, которое является приемлемым для заемщика с учетом количества членов его семьи и месторасположения недвижимости, что вынуждает по-

¹² См.: Федеральный закон от 24.07.2008 № 161-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) «О содействии развитию жилищного строительства» // Собрание законодательства РФ. 28.07.2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3617.

¹³ «Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). // URL: <http://government.ru/info/35560/> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁴ См.: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 30.04.2022) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19; Федеральный закон от 03.07.2019 № 157-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам) и о внесении изменений в статью 13.2 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. 08.07.2019. № 27. Ст. 3522.

¹⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1711 (ред. от 18.08.2022) «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу «ДОМ.РФ» в виде вкладов в имущество акционерного общества «ДОМ.РФ», не увеличивающих его уставный капитал, для возмещения

следнего брать сумму кредита, значительно превышающую ту, на которую распространяются льготные условия.

Под технологиями манипулирования *ограничивающими* юридическими средствами предлагаем понимать совокупность приемов и способов создания или использования юридических (правовых) ограничений, посредством которых происходит сдерживание участника правоотношений от совершения определенных действий в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемого), значимость и последствия которых он до конца не осознает, полагая, что данные меры являются оптимальными или единственно возможными в сложившейся ситуации.

Манипулирование *ограничивающими* юридическими средствами тесно связано с использованием стимулирующего правового инструментария, что объясняется диалектикой сосуществования стимулов и ограничений в праве, заключающейся в том, что всякое правовое ограничение имеет потенциал негативного стимулирования, равно как и любой правовой стимул может позитивно ограничивать.

Заключение

Подводя итог изложенному, следует подчеркнуть, что, безусловно, манипулирование юридическими целями и средствами обладает своими «мнимыми» плюсами, что и делает данную форму правового поведения весьма востребованной.

Так, данная форма манипулирования:

1. Является своеобразным ответом на «запрос» общества, т.к. в определенных случаях позволяет осуществлять преобразования «мягким», адекватным ожиданиям субъектов права способом, не вызывая отторжения или негативной реакции у большинства населения;

2. Опирается на сложившиеся в обществе настроения, ожидания, являясь социально-обусловленным способом воздействия на потребности и интересы участников правоотношений;

3. Соответствует действующему законодательству;

4. Позволяет эффективно реализовать непопулярные решения, минимизировать репутационные потери субъекта управления;

5. Повышает эффективность управления и позволяет добиться поставленных целей с наименьшими трудностями, рисками и затратами.

Вместе с тем, нужно понимать, что данные плюсы – действительно «мнимые», а негативные последствия манипулирования юридическими целями и средствами не заставят себя ждать.

Так, результатами манипулирования юридическими целями и средствами в правотворческом процессе являются следующие: - субъективное, неверное отражение и закрепление сосуществования интересов личности, общества и государства в принимаемом нормативно-правовом акте [11. С. 8]; - игнорирование и деформация ключевых принципов правотворчества; - нивелирование естественно-исторических оснований процесса правообразования; - снижение уровня легитимности правотворчества несмотря на эпизодическое повышение рейтингов его субъектов; - снижение потенциала регулятивно-динамической функции права; - увеличение количества коррупциогенных факторов в нормативно-правовых актах.

К ключевым результатам манипулирования юридическими целями и средствами в процессе реализации права можно отнести следующие: - реализация права из необходимого и социально-обусловленного процесса трансформации заложенных в юридических нормах предписаний в поведение участников правоотношений становится лишь средством осуществления интересов определенной группы лиц; - реализация права становится искусственно сконструированным, механическим процессом координации поведения участников правоотношений, существенно ограничивающим их свободу выбора, вводящим субъектов права в заблуждение относительно их истинных интересов и потребностей, равно как и тех

российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей, и Правил возмещения российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ. 15.01.2018. № 3. Ст. 547.

возможностей, которыми они могут располагать в целях реализации своих прав, свобод и законных интересов; - сформировавшийся правопорядок перестает выступать объективным отражением упорядоченности общественных отношений на основе действия права.

Наиболее значимыми результатами манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе являются: - снижение эффективности правотворческого процесса и нивелирование потенциала всех форм правореализационного процесса; - искажение сущности правовых предписаний, трансформация воли субъектов правотворческого

и правоприменительного процессов в угоду интересов субъектов манипулирования; - искажение правовой реальности, создание «псевдоправа», «псевдоправового регулирования»; - снижение качества правовой жизни общества.

В отмеченной связи следует подчеркнуть, что вызовы и угрозы, с которыми в настоящее время сталкивается Россия, обуславливают необходимость создания государственной стратегии противодействия манипулированию целями и средствами в правовом регулировании, что вряд ли представляется возможным осуществить без концентрации усилий представителей юридической науки.

Литература:

1. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. М., 1971.
2. Куликов М.А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: сущность, технологии, результаты. Монография / Под ред. В.В. Субочева. М., 2023.
3. Куликов М.А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании и злоупотребление правом: соотношение категорий // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 15-30.
4. Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями: понятие и признаки // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 213-239.
5. Куликов М.А. Технологии манипулирования правовыми ограничениями: российские реалии и международный опыт // Российский юридический журнал. 2022. № 4 (145). С. 7-19.
6. Куликов М.А. Технологии манипулирования стимулирующими юридическими средствами: вопросы теории и практики // Юрист-Правоведъ. 2022. № 3 (102). С. 149-155.
7. Куликов М.А. Технологии манипулирования целями в правовом регулировании: актуальные вопросы теории и практики // Lex russica. 2022. Т. 75. № 9. С. 94-107.
8. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66-77.
9. Малько А.В., Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 163-180.
10. Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29-43.
11. Субочев В.В. Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов // Право и политика. 2003. № 12. С. 4-11.
12. Шейнов В.П. Манипулирование и защита от манипуляций. СПб., 2022.
13. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.
14. Goodin R.E. Manipulatory Politics. New York, 1982.
15. Massa L. Fake news and Media manipulation: Italian and European remedies (January 1, 2022). URL: <https://ssrn.com>.
16. Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self. Cogito. 2021. 13 (4). P. 103-123. URL: <https://ssrn.com>.
17. Subochev V.V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of the Globalizing World // MGIMO Review of International Relations. 2019. Т. 12. № 4. С. 266-275.
18. Vylegzhanin A.N. [et al.]. The Term «Rules-based International Order» in International Legal Discourses // Moscow Journal of International Law. 2021. № 2. P. 35-60.

LEGAL GOALS AND MEANS MANIPULATION: FOUNDATIONS OF THE THEORY

Introduction. Despite the fact that manipulative technologies for influencing social relations have now become extremely widespread, the study of legal goals and means manipulation as one of the main forms of manipulative influence on social processes remains outside the scope of research by representatives of both the general theory of state and law and branch legal sciences. According to the authors, this situation indicates that modern legal science in this regard clearly lags behind the needs of legal practice and is not able to offer a reasonable solution to very pressing problems associated with the large-scale and everyday manipulative use of legal instruments.

Materials and methods. The authors of the presented article actively used both general scientific and specific scientific methods, among which we can highlight dialectical, systemic, formal legal, legal modeling, structural-functional, comparative legal, etc.

The results of the study. As a result of the research, the authors of the article developed the basics of the concept of legal goals and means manipulation. In particular, the work outlined the author's vision of the essence and specifics of legal goals manipulating, and studied the features of the manipulative use of both stimulating and restrictive legal means. Special attention was paid to the analysis of

the technologies of legal goals and means manipulating, carried out on the basis of specific examples.

Discussion and conclusion. The work substantiates the position according to which legal goals and means manipulation is understood as a form of lawful behavior carried out with the help of implicit tactics or strategy, which consists of setting or using legal goals, as well as of creating or using legal means in the interests of the subject of management (manipulator) contrary to the true needs and interests of the object controlled (manipulated). The point of view is defended according to which the challenges and threats that Russia is currently facing necessitate the creation of a state strategy to counter goals and means manipulation.

Vitaly V. Subochev,
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Head of the Department of Governmental
Regulation, MGIMO-University,
Moscow, Russia

Mikhail A. Kulikov,
Doctor of Juridical Sciences,
Deputy Head of the International Bureau
for cybersecurity "CYBERPOL"

Ключевые слова:

манипулирование, юридическая цель, юридическое средство, правовое регулирование, юридическая наука, технологии манипулирования, юридический стимул, юридическое ограничение

Keywords:

manipulation, legal goal, legal means, legal regulation, legal science, manipulative technologies, legal incentive, legal restriction

References:

1. Bessonov B.N., 1971. Ideologiya duhovnogo podavleniya [The ideology of spiritual suppression]. Moscow.
2. Kulikov M.A., 2023. Manipulirovanie celyami i sredstvami v pravovom regulirovanii: sushchnost', tekhnologii, rezul'taty [Manipulation of goal s and means in legal regulation: essence, technologies, results.]. Monografiya [Monograph]. Ed. by V.V. Subochev. Moscow.
3. Kulikov M.A., 2022. Manipulirovanie celyami i sredstvami v pravovom regulirovanii i zloupotreblenie pravom: sootnoshenie kategorij [Goals and means Manipulation in legal regulation and abuse of law: correlation of categories]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]. Vol. 26. № 11. P. 15-30.
4. Kulikov M.A., 2023. Manipulirovanie yuridicheskimi celyami: ponyatie i priznaki [Legal goals manipulation: concept and signs]. Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 16. № 2. P. 213-239.
5. Kulikov M.A., 2022. Tekhnologii manipulirovaniya pravovymi ogranicheniyami: rossijskie realii i mezhdunarodnyj opyt [Technologies for manipulating legal restrictions: Russian realities and international experience]. Rossijskij yuridicheskij zhurnal [Russian Legal Journal]. № 4 (145). P. 7-19.

6. Kulikov M.A., 2022. Tekhnologii manipulirovaniya stimuliruyushchimi yuridicheskimi sredstvami: voprosy teorii i praktiki [Technologies for manipulating by stimulating legal means: issues of theory and practice]. *Yurist-Pravoved*. № 3 (102). P. 149-155.
7. Kulikov M.A., 2022. Tekhnologii manipulirovaniya celyami v pravovom regulirovanii: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [Technologies for manipulating goals in legal regulation: current issues of theory and practice]. *Lex russica*. Vol. 75. № 9. P. 94-107.
8. Mal'ko A.V., 1998. Pravovye sredstva: voprosy teorii i praktiki [Legal means: questions of theory and practice]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. № 8. P. 66-77.
9. Mal'ko A.V., Subochev V.V., 2021. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak psihologicheskij fenomen i nauchnaya kategoriya [Political and legal manipulation as a psychological phenomenon and scientific category]. *Psihologiya i pravo [Psychology and Law]*. Vol. 11. № 1. P. 163–180.
10. Subochev V.V., 2019. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak osnova upravleniya obshchestvom v epohu postpravdy [Political and legal manipulation as the basis for managing society in the post-truth era]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Bulletin of Tomsk State University. Law.]* № 34. P. 29-43.
11. Subochev V.V., 2003. Pravo i ego rol' v obespechenii dialekticheskogo edinstva lichnyh, obshchestvennyh i gosudarstvennyh interesov [Law and its role in ensuring the dialectical unity of personal, public and state interests]. *Pravo i politika [Law and Politics]*. № 12. P. 4-11.
12. Shejnov V.P., 2022. Manipulirovanie i zashchita ot manipulyacij [Manipulation and protection from manipulation]. Saint-Peterburg.
13. Shiller G., 1980. Manipulyatory soznaniem [Manipulators of consciousness]. Moscow.
14. Goodin R.E. Manipulatory Politics. New York, 1982.
15. Massa L. Fake news and Media manipulation: Italian and European remedies (January 1, 2022). URL: <https://ssrn.com>.
16. Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self. Cogito. 2021. 13 (4). P. 103-123. URL: <https://ssrn.com>.
17. Subochev V.V., 2019. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of the Globalizing World. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 12. № 4. P. 266-275.
18. Vylegzhanin A.N. [et al.], 2021. The Term «Rules-based International Order» in International Legal Discourses. *Moscow Journal of International Law*. № 2. P. 35-60.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРЫ

Алла Ястребова*

Игорь Анисимов**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-54-62

Введение. На протяжении тысячелетий памятники истории и культуры повреждались или уничтожались в результате вооруженных конфликтов и актов вандализма. Учитывая ту роль, которую играют эти объекты в развитии человечества, международное гуманитарное право (МГП) устанавливает основы международно-правовой защиты религиозных, культурных и научных объектов. В начале XX в. ситуация осложнялась не только отсутствием универсального международного договора, который был бы посвящен исключительно международно-правовой защите указанных объектов, но и международной межправительственной организации, которая разработала бы соответствующие нормы и стандарты. Данные проблемы обусловили создание в 1945 г. Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Благодаря деятельности этого специализированного учреждения ООН, а также деятельности ряда неправительственных международных организаций, удалось сформировать международно-правовой режим защиты культурных ценностей как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов.

В результате изменения стратегии ведения вооруженных конфликтов, а также совершенствования методов и средств их ведения в XXI в., объекты культуры находятся в большой опасности. В этой связи анализ действующих международно-правовых норм и принципов защиты культурных ценностей в контексте международного гуманитарного права представляет собой особую актуальность.

Материалы и методы. В качестве материалов были использованы нормативно-правовые акты, российские и зарубежные исследования по защите культурных объектов в международном праве. Методологическая база состоит из применения методов научного анализа и синтеза, сравнительно-правового метода, научно-правового моделирования.

* **Ястребова Алла Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России
e-mail: allayastrebova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3324-9956

** **Анисимов Игорь Олегович**, кандидат юридических наук, декан юридического факультета Дипломатической академии МИД России
e-mail: i-anisimov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6575-6381

***Результаты исследования.** Эволюция системы международно-правовой защиты культурных ценностей и всемирного культурного наследия позволяет сделать вывод о комплексном уровне такой защиты, применяемой и в мирное время, и в условиях вооруженных конфликтов. Международно-правовые обязанности государств в указанной сфере связаны, прежде всего, с оценкой значимости культурных объектов и придания им соответствующего правового статуса посредством национального законодательства или включением в реестры международных организаций.*

***Обсуждение и заключение.** При этом особое значение приобретает деятельность государств и международных организаций, связанная со специальным обозначением культурных объектов в условиях вооруженных конфликтов, обучением гражданского и военного персонала, учетом особенностей размещения и обслуживания таких объектов. Общий объем знаний и навыков по охране и защите культурных объектов формируется ЮНЕСКО в качестве специализированного учреждения ООН, которое стремится к сохранению общечеловеческого наследия как наивысших достижений искусства и науки.*

Введение

Вооруженные конфликты и террористические акты являются самой большой угрозой как для культурных ценностей, так и для всемирного культурного наследия. Некоторые объекты повреждаются и уничтожаются воюющими сторонами случайно в ходе атаки (сопутствующий ущерб), но за последние десятилетия культурные ценности все чаще становятся прямым объектом нападения.

Как отмечается в Военном справочнике ЮНЕСКО, объекты культуры¹ становятся мишенью для воюющих сторон, уничтожающих их с целью отомстить противнику или спровоцировать ненависть и насилие. В долгосрочной перспективе такие разрушения наносят ущерб обществу, подрывают мир и препятствуют примирению сторон по окончании военных действий [11. Р. X]. Недавние конфликты в Афганистане, Армении, Азербайджане, Израиле, Ираке, Ливии, Палестине Сирии и ряде других государств показали, что защита культурного наследия неотделима от защиты человеческих жизней. Его преднамеренное уничтожение стало

неотъемлемой частью глобальной стратегии «культурной чистки», призванной уничтожить любые проявления разнообразия. Проблема защиты культурных ценностей осложняется разработкой и применением новых, более эффективных военных технологий.

В таких условиях вооруженным силам государств необходимо скорректировать свои методы, действия и навыки с тем, чтобы защита наследия стала неотъемлемой частью устойчивой стратегии укрепления мира и безопасности.

Как отмечает В.А. Батырь, важнейшее значение имеет то обстоятельство, что, являясь субинститутом общего правового института культурных ценностей, международно-правовая охрана культурных ценностей в условиях фактической ситуации вооруженного конфликта представляет собой совокупность специальных принципов и норм с четко установленной международно-правовой регламентацией сфер применения (*ratione materiae* и *ratione temporis*), конвенционными режимами охраны, обозначения, институциональными механизмами сотрудничества и контроля, установления ответственности [2. С. 98].

¹ Термин «объекты культуры» используется в данной статье как обобщающий для понятий «культурные ценности» и «культурное наследие». В данной статье под культурными ценностями понимаются движимые материальные предметы, имеющие художественную и имущественную ценность, универсальную значимость, а также оказывающие эстетическое, научное и историческое воздействие на человека. Под культурным наследием понимаются недвижимые материальные объекты, обладающие уникальной и выдающейся ценностью с точки зрения истории, искусства и науки.

Исследование

Согласно ст. 27 IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.², воюющие стороны обязаны принимать все необходимые меры для того, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, исторические памятники. Общим условием ставилось исключение таких объектов из-под использования в военных целях и обозначение их особыми видимыми знаками.

Как указывает М.А. Михайлец, разрушение культурных ценностей во время войны часто влекло за собой призывы к их защите на том основании, что они представляют собой общее наследие человечества, значимость которого должна быть выше конфликтов между отдельными государствами. Такие события, как обстрелы прусской стороной аббатства Сен-Дени и других важных объектов культурного наследия в Страсбурге и Париже во время Франко-прусской войны 1870-1871 гг., разрушение кафедрального собора в Реймсе и Лувенской университетской библиотеки во время Первой мировой войны, вызвали осуждение международным сообществом уничтожения «общего наследия культурных наций». Данная позиция выражена и в Пакте Рериха, который был поддержан Международным бюро музеев при Лиге Наций [5. С. 58-59].

Вашингтонский договор о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, и исторических памятников (Пакт Рериха)³, принятый в 1935 г. в рамках Панамериканского союза, стал первым многосторонним международным договором, направленным на защиту культурных ценностей. Идеи известного художника и философа Н.К. Рериха о защите культурного наследия и достоинства человечества от опасностей военных действий легли в основу инициативы принятия Пакта. Изначально в нем приняло участие 21 государство Северной и Южной Америки, в 1948 г. к Пакту присоединилась Индия.

Рерихом было предложено также введение защитной эмблемы культурных ценностей, которую он называл Знаменем Мира (ст. III Пакта), с целью определить значимость понимания и сохранения общечеловеческого наследия государствами-участниками.

Изучив особенности принятия и содержание Пакта Рериха, К.Е. Рыбак формулирует собственное понятие нейтралитета культурных ценностей. По его мнению, как объекты гражданских правоотношений, культурные ценности не должны быть вовлечены физическими и юридическими лицами и государствами в действия, девальвирующие «их значимость для общностей, которыми они признаются в качестве таковых, а также в действия, которые могут привести к повреждению и утрате культурных ценностей» [6. С. 10]. Согласно ст. I Пакта, исторические памятники, музеи, научные, художественные, образовательные и культурные учреждения считаются нейтральными и в качестве таковых пользуются уважением и покровительством воюющих сторон, как и их сотрудники. Данное покровительство распространяется на культурные ценности и в военное, и в мирное время [1. С. 144]. Нейтралитет, покровительство и уважение, предоставляемые этим объектам, действуют вне зависимости от их государственной принадлежности; стороны договора принимают необходимые меры внутреннего законодательства для обеспечения такого покровительства и уважения (ст. II).

Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.⁴ содержит ст. 18, которой воспроизводится ст. 2, общая для всех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. Конвенция применяется в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, полной или частичной оккупации. Согласно ч. 3 указанной статьи, если воюющая держава не участвовала в Гаагской конвенции 1954 г., она может заявить о принятии ее положений и начать их применять.

² Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (Гаагская конвенция IV). URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm?ysclid=lopuqr854b146388855> (дата обращения: 28.11.2023).

³ Договор о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, и исторических памятников 1935 г. (Пакт Рериха). URL: <https://base.garant.ru/2556200/> (дата обращения: 28.11.2023).

⁴ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm?ysclid=lopsefztdf273325283> (дата обращения: 28.11.2023) Гаагская конвенция 1954 г. вступила в силу в 1956 г., СССР присоединился к ней в 1957 г., Российская Федерация свое участие подтвердила.

Отличительным свойством Конвенции выступает подробный перечень гражданских объектов, которые подлежат особой защите в военный период. К ним, в соответствии со ст. 1, относятся имеющие большое значение для культурного наследия каждого народа: 1) ценности, движимые или недвижимые, такие как памятники архитектуры, искусства, или истории; религиозные или светские, 2) археологические месторасположения и ансамбли; 3) произведения искусства, рукописи, книги и другие предметы художественного, исторического или археологического значения; 4) научные коллекции и коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей. Помимо этого, в число культурных ценностей включаются здания, предназначенные для сохранения или экспонирования движимых культурных ценностей (музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, оборудованные укрытия для ценностей), и центры их сосредоточения. Данный перечень обладает большой значимостью, так как позволяет государствам-участникам в мирное время определить для себя входящие в него культурные ценности, регламентировать их особый правовой статус на международно-правовом или национально-правовом уровне и обеспечить им иммунитет от любого враждебного акта и использования в военных целях, с условием надления ценностей, имеющих очень большое значение, специальной защитой, с момента включения в Международный реестр ЮНЕСКО (ст. 8 и 9 Конвенции 1954 г.). Ограничение культурных ценностей от всех других объектов здесь является принципиальным моментом, так как зачастую культурные центры городов совпадают с индустриально-транспортными сооружениями.

Ст. 3, в свою очередь, обязывает стороны подготовить еще в мирное время охрану культурных ценностей, расположенных на собственной территории, от возможных последствий вооруженного конфликта и принять необходимые для этого меры. Государства, взявшие на себя обязательства по Гаагской конвенции 1954 г., должны имплементировать нормы по защите таких ценностей в национальное законодательство (военные уставы, инструкции), предназначенное для вооруженных сил.

Применение норм международного гуманитарного права предполагает сочетание

общей и специальной защиты культурных ценностей при вооруженном конфликте. Общая защита обеспечивается ст. 53 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.⁵, где закреплены отдельные запреты для воюющих сторон по отношению к культурным ценностям. К ним относится воспреещение враждебных актов, направленных против исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, составляющих культурное или духовное наследие народов; использование таких объектов для поддержки военных усилий или как объектов репрессалий. Ст. 4 Конвенции 1954 г. уточняет общую защиту обязанностью государств-участников пресекать любые акты кражи, грабежа, незаконного присвоения, вандализма и реквизиции культурных ценностей (ч.3). Вышеуказанная система специальной защиты (ч.1 и 3 ст. 8 Конвенции 1954 г.) обеспечивается ограниченному числу укрытий и центров сосредоточения культурных ценностей при условии их нахождения на достаточном расстоянии от крупного индустриального центра или важного военного объекта (аэродром, радиостанция, оборонное предприятие, порт, железнодорожная станция) и неиспользования в военных целях (прямое или косвенное отношение к военным действиям считается таковым).

Существенным недостатком Гаагской конвенции 1954 г. стала возможность применения оговорки о военной необходимости к защите культурных ценностей. Ст. 4 устанавливает обязанность государств-участников уважать культурные ценности на своей и иностранной территории и запрещает их использование в целях, которые могут привести к разрушению или повреждению при вооруженном конфликте. Стороны должны воздерживаться от враждебных актов, направленных против этих ценностей (ч. 1). Одновременно указанные обязательства «могут быть нарушены только в случае, если военная необходимость потребует такого нарушения» (ч. 2). Подобно данной норме, ч. 2 ст. 11 Конвенции закрепляет, что иммунитет культурной ценности может быть снят «только в исключительных случаях неизбежной военной необходимости» и лишь до тех пор, пока она существует. Второй протокол 1999 г. к Гаагской конвенции 1954 г.⁶ дополняет эти оговорки тем, что защита

⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 1977 г. (Протокол I). URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf?ysclid=lopskqwar6933965724 (дата обращения: 28.11.2023).

культурных ценностей не применяется, когда они по своему назначению превращены в военный объект и отсутствует альтернатива для получения равноценного военного преимущества, помимо враждебного акта против него (ст. 6).

Определенным переосмыслением списка культурных ценностей выступает содержание Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.⁷, в которой к предмету регулирования, в том числе, относятся памятники, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки, и достопримечательные места, представляющие такую ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии (ст. 1).

Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия 2003 г.⁸, была принята в ответ на уничтожение в 2001 г. боевиками террористической организации «Талибан» объектов культурного наследия в Афганистане [3 С. 1]. В Декларации используется определение «преднамеренного разрушения» культурного наследия. Под ним понимается акт, совершаемый с целью разрушить культурное наследие полностью или частично, тем самым подорвав его целостность таким способом, который представляет собой нарушение международного права или неоправданное покушение на принципы человечности и требования общественного сознания, в последнем случае — в той мере, в которой такие акты еще не регулируются основополагающими принципами международного права». В Декларации также содержатся отсылки к универсальным международно-правовым актам, которые составляют международно-правовой режим охраны культурного наследия в мирное время (ст. IV). В нее включены и прямые отсылки к действующим нормам международного гуманитарного права по защите культурных ценностей (ст. 4 ст. III). Кроме того, Декларация призывает государства, вовлеченные в международный или немеждународный вооруженный конфликт, принимать все со-

ответствующие меры для обеспечения охраны культурного наследия, в соответствии с обычным международным правом, межгосударственными договорами и рекомендациями ЮНЕСКО об охране такого наследия в ходе военных действий (ст. V).

Комиссия международного права ООН уже представила, как известно, свою позицию по поводу формулирования перечня основных норм международного гуманитарного права в качестве императивных принципов [8. С. 11], среди которых имеет место обеспечение защиты гражданских объектов и культурных ценностей.

Деятельность ООН, ЮНЕСКО и ряда других международных организаций оказала важное влияние не только на разработку и принятие соответствующих международно-правовых актов, но и на практику защиты культурных ценностей в условиях международных и немеждународных вооруженных конфликтов. Эта деятельность выразилась в подготовке различных справочников и руководств для вооруженных сил, разработке системы обозначения культурных ценностей, оказании помощи в защите культурных ценностей, а также организации специализированных военных служб и персонала. Так, например, в марте 2013 г. в составе полицейской службы Косово было учреждено специальное подразделение, сотрудники которого были обучены навыкам охраны наиболее уязвимых объектов и на которое были возложены все основные функции защиты культурных объектов, которые ранее выполнялись ОБСЕ [9. Р. 22].

Кроме того, приобретённый в вооруженных конфликтах опыт помог государствам разработать передовые военные методы защиты культурных ценностей.

Ряд исследователей предлагает конкретные меры для защиты культурных ценностей. К ним, в частности, относится создание и обновление перечней культурных ценностей, сопровождаемых микрофильмами документов, цифровыми фотографиями, оцифрованными документами и строительными планами; издание карты расположения культурных объектов в районе опе-

⁶ Второй протокол 1999 г. к Гагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hague_conv_2nd_prot.shtml (дата обращения: 28.11.2023).

⁷ Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 28.11.2023).

⁸ Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия, 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml (дата обращения: 28.11.2023).

рации; документирование мер, принятых уполномоченными лицами; чрезвычайное планирование в случае возобновления военных действий, массовых беспорядков и волнений, зачистки культурных ценностей, стихийных бедствий; составление планов эвакуации; обеспечение возможности осмотра культурных ценностей международными представителями [4. С. 136].

Тем не менее одним из эффективных методов защиты культурного наследия на международно-правовом уровне стало их обозначение.

В соответствии с IX Гаагской конвенцией 1899 г., памятники, здания или сборные места должны быть обозначены видимыми знаками, которые будут состоять из больших твердых щитов прямоугольной формы, разделенных по одной из диагоналей на два треугольника, из коих верхний черного цвета, а нижний белого (ст. 5).

Как уже упоминалось ранее, Пакт Рериха предлагает использовать отличительный флаг для идентификации памятников и художественных учреждений, пользующихся защитой (ст. 3). Этот флаг, известный как «Знамя Мира», представляет собой красную окружность с тремя красными кружками в середине на белом фоне, которые символизируют вечность и единство. Как отмечается в издании ЮНЕСКО, Пакт продолжает действовать в Северной Америке и во многих странах Центральной и Южной Америки [10. Р. 5]. Вместе с тем, для государств, которые одновременно являются участниками Пакта и Гаагской конвенции 1954 г., флаг Пакта Рериха заменяется знаком голубого щита. Указанный знак, установленный Гаагской конвенцией 1954 г., представляет собой заостренный снизу щит, разделенный диагональным крестом на четыре треугольника – два синего и два белого цвета.

Стоит отметить, что на данный момент все десять государств, ратифицировавших Пакт Рериха, также являются участниками Гаагской конвенции 1954 г., поэтому Знамя Мира не должно использоваться. Однако, в случае применения такого знака государствами, оно все равно служит для обозначения объекта, пользующегося особой защитой [10. Р. 6-7].

Порядок выдачи разрешения на использование отличительного знака, его размещение и степень его видимости не определены в международном гуманитарном праве. В связи с этим, каждое государство принимает свои собственные правила и процедуры для выдачи разрешений на использова-

ние такого обозначения. Тем не менее такой знак должен быть четко отображен без изменений и сопровождаться соответствующим разрешением.

Для идентификации культурных ценностей, находящихся под общей защитой, или для обозначения персонала, предназначенного для их защиты или осуществляющего контроль над выполнением Конвенции, может использоваться изображение одного знака голубого щита. Такое обозначение указывает на общий уровень защиты, предоставляемой в соответствии с международным правом всем культурным объектам.

Знак голубого щита также используется для обозначения лиц, на которых возложены обязанности по контролю за выполнением Гаагской конвенции 1954 г., или военного либо гражданского персонала, предназначенного для защиты культурных ценностей. Они могут носить нарукавную повязку с изображением знака голубого щита, выданную компетентными национальными органами [10. Р. 8-9].

Для обозначения находящихся под специальной защитой недвижимых культурных ценностей, укрытий, предназначенных для сохранения движимых культурных ценностей, или определенных транспортов для культурных ценностей используется изображение трех знаков голубого щита, расположенных в виде треугольника (два знака вверх, один внизу).

Как уже было указано выше, в соответствии с Гаагской конвенцией 1954 г. под специальную защиту может быть взято ограниченное число укрытий, предназначенных для сохранения движимых культурных ценностей, центров сосредоточения культурных ценностей и недвижимых культурных ценностей, имеющих «очень большое значение». Вместе с тем, отдельные исследователи обращают внимание на неконкретность термина «культурная ценность, имеющая очень большое значение» и предлагают закрепить критерии для идентификации таких объектов [7. С. 23].

Специальная защита предоставляется культурным ценностям путем их внесения в Международный Реестр культурных ценностей. Стороны Конвенции обязуются обеспечить иммунитет культурных ценностей, находящихся под специальной защитой, воздерживаясь от любого враждебного акта, направленного против них, а также от использования таких ценностей и прилегающих к ним участков в военных целях. Этот иммунитет может быть снят только в исклю-

чительных случаях неизбежной военной необходимости воинскими начальниками, начиная от командира дивизии или части, соответствующей дивизии, и выше. Нужно отметить, что термин «военная необходимость» является оценочным, т.к. его конвенционное определение отсутствует. Это, в свою очередь, может приводить к тому, что ограничивающее воюющие стороны воздействие этого принципа варьируется в зависимости от их толкования.

После принятия Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Комитет всемирного наследия утвердил отличительную эмблему для объектов, которые находятся под защитой указанной Конвенции и включены в Список всемирного наследия. Данная эмблема представляет собой квадрат, вписанный в окружность. При этом нижняя часть квадрата двумя прямыми линиями соединена с окружностью. Вокруг окружности должен располагаться текст с надписью: «Всемирное наследие» на английском и французском языках, а также на языке государства, на территории которого находится соответствующий объект.

Использование эмблемы определяется Комитетом всемирного наследия, и рекомендации по ее использованию содержатся в Руководстве по выполнению Конвенции о всемирном наследии, которое периодически обновляется⁹. Государства-участники несут ответственность за принятие мер по предотвращению использования эмблемы в целях, не получивших одобрения Комитета. Кроме того, запрещено ненадлежащее использование знака в любых иных целях, кроме тех, которые указаны в Конвенции 1972 г.

Результаты исследования

Анализ эволюции системы международно-правовой защиты культурных ценностей и всемирного культурного наследия позволяет сделать вывод о ее комплексном характере. Были учтены акты повреждения и уничтожения объектов культурного наследия боевиками террористических организаций, в связи с чем международно-правовой режим защиты объектов культуры применяется как в мирное время, так и в условиях вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера.

Исследование деятельности ООН, ЮНЕСКО и ряда других международных организаций позволило проследить их влияние не только на разработку и принятие соответствующих международно-правовых актов, но и на практику защиты культурных ценностей в условиях международных и немеждународных вооруженных конфликтов. Эта деятельность выразилась в подготовке различных справочников и руководств для вооруженных сил, оказании помощи в защите культурных ценностей, а также обучении и организации специализированных военных служб и персонала на территории соответствующих государств. Кроме того, было установлено, что одной из эффективных мер является маркировка (обозначение) культурных ценностей, хранилищ, персонала и транспорта специальными отличительными знаками. Общий порядок использования знаков предусмотрен рядом международно-правовых актов. Тем не менее решение о размещении отличительного знака на культурных ценностях, находящихся под защитой, и о степени его видимости определяется национальным законодательством государства нахождения объекта культурного наследия.

Таким образом, международно-правовые обязанности государств в указанной сфере связаны, прежде всего, с оценкой значимости культурных объектов и придания им соответствующего правового статуса посредством национального законодательства или включения в реестры международных организаций.

Заключение

Таким образом, международно-правовой режим защиты культурных ценностей и всемирного культурного наследия в условиях вооруженных конфликтов определяется как нормами международного гуманитарного права, так и общей международно-правовой регламентацией охраны таких объектов. Разработанные ЮНЕСКО правовые основы связаны также с принятием конкретных мер по защите культурных объектов в мирное и военное время. Среди таких мер можно отметить: подготовку различных справочников и руководств для вооруженных сил, подготовку специализированных военных

⁹ Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия [Электронное сетевое издание] / Перевод с английского. — М.: Институт Наследия, 2023.

служб и персонала, разработку системы обозначения специальными знаками, оказание консультативной и экспертной поддержки государств в защите культурных объектов. Исторические предпосылки защиты культурных ценностей и всемирного культурного наследия позволяют сохранять их особый правовой статус, который связан с особым

уважением к накопленным человечеством произведениям искусства и науки. Значимость культурных объектов должна быть оценена и признана государствами на национальном или международном уровне посредством применения вышеприведенных правовых средств такой защиты.

Литература:

1. Анисимов И.О., Гуляева Е.Е., Дадашов М.Н.О. Становление и развитие международно-правовой защиты культурных ценностей // Вестник ученых-международников. 2022. № 1 (19). С. 142-158.
2. Батырь В.А. Международно-правовые режимы охраны культурных ценностей в условиях фактической ситуации вооруженного конфликта // Lex Russica. 2023. №7 (200). URL: <https://cyberleninka.ru>.
3. Егоров С.А., Анисимов И.О. «Культурная чистка» и защита культурных объектов в период вооруженных конфликтов // Международно-правовой курьер. 2019. № 6. С. 1-7.
4. Мария Тереза Дутли. Правовые нормы в области защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // 75 лет Пакту Рериха. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru>.
5. Михайлец М.А. Охрана культурного наследия на международном уровне: учебное пособие. Минск, 2017.
6. Рыбак К.Е. Нейтралитет культурных ценностей и учреждений культуры (пакт Рериха: история и судьбы) // Журнал института наследия. 2017. № 2. URL: <http://manage.nasledie-journal.ru>.
7. Чернядьева А.С. Защита культурных ценностей во время вооруженных конфликтов. Некоторые аспекты / Науч. рук. к.ю.н., Пастухова Л.В.; Крымский филиал ФГБОУ ВО РГУП // Океанский менеджмент. 2021. № 4(13). С. 21-24.
8. Ястребова А.Ю. Отдельные подходы к системе специальных принципов международного гуманитарного права: содержание и эволюция // Московский журнал международного права. 2022. № 3. С. 6-12.
9. Challenges in the Protection of Immovable Tangible Cultural Heritage in Kosovo // OSCE. 2014.
10. Distinctive Marking of Cultural Property Rules and Practices // UNESCO / Blue Shield International. 2021.
11. Protection of Cultural Property Military Manual // UNESCO. 2016.

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR THE PROTECTION OF CULTURAL OBJECTS

Introduction. For thousands of years, historical and cultural monuments have been damaged or destroyed as a result of armed conflicts and acts of vandalism. Given the role that these sites play in the development of humanity, international humanitarian law (IHL) establishes the basis for the international legal protection of religious, cultural and scientific sites. At the beginning of the 20th century, the situation was complicated not only by the absence of a universal international treaty that would be devoted exclusively to the international legal protection of these objects, but also by an international intergovernmental organization that would develop appropriate norms and standards. These problems led to the creation in 1945 of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

(UNESCO). Thanks to the activities of this specialized UN agency, as well as the activities of a number of non-governmental international organizations, it was possible to form an international legal regime for the protection of cultural property both in peacetime and during armed conflicts.

As a result of changes in the strategy of conducting armed conflicts, as well as improving the methods and means of conducting them in the 21st century, cultural objects are in great danger. In this regard, the analysis of current international legal norms and principles for the protection of cultural property in the context of international humanitarian law is of particular relevance.

Materials and methods. As for the materials, we were talking about legal acts, Russian and cul-

tural information based on the cultural traditions of international law. methodological basis based on scientific methods of lysis and synthesis, comparative legal method, scientific method of delivery.

Research results. The evolution of the system of international legal protection of cultural property and world cultural heritage allows us to draw a conclusion about the comprehensive level of such protection, applied both in peacetime and in armed conflicts. The international legal responsibilities of states in this area are associated, first of all, with assessing the significance of cultural objects and giving them the appropriate legal status through national legislation or inclusion in the registers of international organizations.

Discussion and conclusion. At the same time, the activities of states and international organizations related to the special designation of cultural objects in armed conflicts, the training of civilian

and military personnel, and taking into account the specifics of the placement and maintenance of such objects are of particular importance. The general body of knowledge and skills for the protection and protection of cultural objects is formed by UNESCO as a specialized agency of the United Nations, which strives to preserve the universal heritage as the highest achievements of art and science.

Alla Yu. Yastrebova,
Doctor of Law, professor of the Department
of international law, The Diplomatic Academy
of the Russian Foreign Ministry

Igor O. Anisimov,
Candidates of Legal Sciences,
Dean of the Faculty of Law, The Diplomatic
Academy of the Russian Foreign Ministry

Ключевые слова:

международное гуманитарное право, право
вооруженных конфликтов, культурное
наследие, культурные ценности, ЮНЕСКО,
сопутствующий ущерб, преднамеренное
уничтожение, гражданские объекты,
культурная чистка

Keywords:

international humanitarian law, law of armed
conflict, cultural heritage, cultural property,
UNESCO, collateral damage, intentional
destruction, civilian objects, cultural cleansing

References:

1. Anisimov I.O., Guljaeva E.E., Dadashov M.N.O., 2022. Stanovlenie i razvitie mezhdunarodno-pravovoj zashhity kul'turnyh cennostej [Formation and development of international legal protection of cultural property]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov* [Bulletin of International Relations Scholars]. № 1 (19). S. 142-158.
2. Batyr' V.A., 2023. Mezhdunarodno-pravovye rezhimy ohrany kul'turnyh cennostej v uslovijah fakticheskoj situacii vooruzhennogo konflikta [International legal regimes for the protection of cultural property in the actual situation of armed conflict]. *Lex Russica*. № 7 (200). URL: <https://cyberleninka.ru>.
3. Egorov S.A., Anisimov I.O., 2019. «Kul'turnaja chistka» i zashhita kul'turnyh ob#ektov v period vooruzhennykh konfliktov [“Cultural cleansing” and the protection of cultural sites during armed conflicts]. *Mezhdunarodno-pravovoj kur'er* [International legal courier]. № 6. S. 1-7.
4. Marija Tereza Dutli, 2010. Pravovye normy v oblasti zashhity kul'turnyh cennostej v sluchae vooruzhennogo konflikta [Legal norms in the field of protection of cultural property in the event of armed conflict]. *75 let Paktu Reriha* [75 years of the Roerich Pact]. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru>.
5. Mihajlec M.A., 2017. Ohrana kul'turnogo nasledija na mezhdunarodnom urovne: uchebnoe posobie [Protection of cultural heritage at the international level: a training manual]. Minsk.
6. Rybak K.E., 2017. Nejtralitet kul'turnyh cennostej i uchrezhdenij kul'tury (pakt Reriha: istorija i sud'by) [Neutrality of cultural values and cultural institutions (Roerich Pact: history and destinies)]. *Zhurnal instituta nasledija* [Heritage Institute Journal]. № 2. URL: <http://manage.nasledie-journal.ru>.
7. Chernjad'eva A.S., 2021. Zashhita kul'turnyh cennostej vo vremja vooruzhennykh konfliktov. Nekotorye aspekty [Protection of cultural property during armed conflicts. Some aspects]. Nauch. ruk. k.ju.n., Pastuhova L.V.; Krymskij filial FGBOU VO RGUP. *Okeanskij menedzhment* [Ocean management]. № 4 (13). S.21-24.
8. Jastrebova A.Ju., 2022. Otdel'nye podhody k sisteme special'nykh principov mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava: sodержanie i jevoljucija [Selected approaches to the system of special principles of international humanitarian law: content and evolution]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. № 3. S. 6-12.
9. Challenges in the Protection of Immovable Tangible Cultural Heritage in Kosovo. *OSCE*. 2014.
10. Distinctive Marking of Cultural Property Rules and Practices. *UNESCO. Blue Shield International*. 2021.
11. Protection of Cultural Property Military Manual. *UNESCO*. 2016.

МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРАВО: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

Антон Васильев*
Александр Ужанов**
Юлия Печатнова***

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-63-84

***Введение.** В настоящей статье проводится междисциплинарное исследование в области пересечения интересов политики памяти и мемориального права, которое включает в себя терминологическую экспликацию и юридический анализ близких по значению понятий, оценку актуальности и необходимости легализации терминов, связанных с политикой памяти и мемориальным правом, определение эффективности официальной политики памяти и становления*

мемориального права, предсказание социальных и политических последствий их взаимодействия в краткосрочной и долгосрочной перспективе, изучение нормативных пределов национального мемориального законодательства и возможностей международного права в сфере охраны мемориального наследия. В качестве цели исследования выдвинута концептуализация мемориального права. В качестве объекта исследования избрано военно-мемориальное наследие, сформированное по итогам Второй мировой войны.

***Материалы и методы.** Основным исследовательским методом является включенное наблюдение за процессами реализации в российском обществе и за рубежом концепций национальной, исторической и социальной памяти, а также конструирование норм-регуляторов для установления правоотношений*

* **Васильев Антон Александрович**, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, Алтайский край, Россия
e-mail: anton_vasiliev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3122-531X

** **Ужанов Александр Евгеньевич**, кандидат социологических наук, доцент МИЭП МГИМО МИД России
e-mail: uzhanov@mail.ru
ORCID ID: 0009-0009-6060-3341

*** **Печатнова Юлия Вадимовна**, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, Алтайский край, Россия
e-mail: jp_0707@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3091-990X

в области сбережения объектов военно-мемориального наследия. Используются методы экспресс-диагностики проблемных ситуаций, правовой оценки инцидентов, социологического и экспертного опроса (в том числе анкетирования и тестирования), моделирования.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования обоснована необходимость разработки специального федерального закона об охране военно-мемориального наследия Российской Федерации, а также разработки международной (универсальной) Хартии (Конвенции) об охране объектов военно-мемориального наследия, образовавшихся по итогам Второй мировой войны.

Обсуждение и заключение. Установлено, что по поводу необходимости мемориального законодательства в научной и экспертной среде нет единой позиции. Во многом это обусловлено наличием политических притязаний на видение прошлого и действием тенденции к пересмотру итогов Второй мировой войны, а также отставанием международного права от новой реальности в области политики памяти, сопряженной с применением ненаучных и алогичных решений в области военно-мемориального наследия. Рассмотрены различные политические и идеологические предпочтения в отношении мемориального законодательства. Сделан вывод, что в юридической науке слабо изучены концептуальные основы формирования мемориального права как особого юридического комплекса для сохранения, трансляции и защиты исторической памяти и мемориального (военно-мемориального) наследия. Кроме того, как на уровне юридической доктрины, так и согласно правоприменительной практике вопрос о статусе и правовых средствах сохранения военно-мемориального наследия практически не изучен. В связи с чем, авторами предлагается разработка Хартии ООН по охране военно-мемориального наследия с целью целостного и всестороннего правового регулирования исследуемой сферы.

Введение

На современном этапе во всём мире прослеживается тенденция юридического закрепления государствами субъективно-оценочного отношения к прошлому, стремление находящихся у власти политических элит правовыми инструментами, используя мемориальное законодательство по своему усмотрению, вводить в социальный контекст и в политические отношения новые интерпретации событий прошлого. Особенно это характерно для стран, потерпевших, как Германия и Япония, системное поражение во Второй мировой войне, пытающихся обрести правовую опору и общественную поддержку для реализации своих политических целей через подъем национального самосознания, освобождение от приобретенного вследствие совершенных агрессий против других народов чувства вины и обеспечения роста немецкого и японского патриотизма. Грешат этим и молодые государства на постсоветском пространстве, вставшие в своем самоопределении на путь полного отрицания

прошлого и отмежевания от тех ценностей и культурно-исторического кода, которые унаследованы от СССР. Наиболее ярким примером в этом отношении является Украина, которая в поиске своей национальной идентичности приняла ряд мемориальных законов, противоречащих официально принятым трактовкам итогов Второй мировой войны. Во многом юридическая практика поставлена на службу государственной политики, в том числе или особенно исторической политики – политики памяти. По оценке А. Миллера и М. Липмана, проявляемая на законодательном уровне политика выглядит так, что парламенты принимают законы, закрепляющие ту или иную трактовку исторических событий как единственно верную, а иногда в утвержденных парламентами актах предусматриваются уголовные наказания для тех, кто оспаривает такую трактовку. Эта практика характерна не только для Восточной Европы. Схожие законы имеют место во Франции и Турции [16. С. 17].

Исследование политики памяти носит и, безусловно, должно носить междисципли-

нарный характер, осуществляться в ракурсе широкого диалога власти, исторической науки и гражданского общества. Однако давно назрела необходимость целостного и всестороннего правового анализа политики памяти, который бы включал в себя терминологическую экспликацию и юридический анализ близких по значению понятий - «политика прошлого», «символическая политика», «политическое использование прошлого», «политизация истории», «историческая политика», «политика коммемораций», «мемориальная политика», «культура памяти», «мемориальная культура», «войны памяти», «право войны», военно-мемориальное наследие, фальсификация истории и т.д.. Сюда же следует отнести оценку актуальности и необходимости легализации терминов «социальная память», «политика памяти», «историческая правда», «защита (сбережение) военно-мемориального наследия», «военно-мемориальное право» и др., определение эффективности официальной политики памяти и предсказание её политических и социальных последствий в долгосрочной перспективе.

Чрезвычайно важными представляются установление нормативных пределов национального мемориального законодательства и формирование на международном (наднациональном) уровне этических принципов в отношении проводимой с позиций сегодняшнего дня исторической реконструкции и реставрации событий прошлого, а также социально-политической реабилитации личностей в отдаленной ретроспективе. Приобрела исключительную актуальность проблема самой постановки вопроса о концептуализации мемориального права. Так как прошлое воспринимается как ценность и сформирован запрос на удовлетворение потребности в защите памяти, авторы настоящего исследования предприняли попытку рассмотреть многоаспектность и проблематику права в сфере трансляции знаний о прошлом, поставить вопрос об институализации мемориального права и дипломатии памяти.

Исследование

Основным исследовательским методом является включенное наблюдение за процессами реализации в российском обществе и за рубежом концепций национальной, исторической и социальной памяти, а также конструирование норм-регуляторов для установления правоотношений в области

сбережения объектов военно-мемориального наследия (ВМН) – военных памятников, мест памяти Великой Отечественной войны, захоронений комбатантов и мирного населения, подвергнувшегося геноциду. Используются методы экспресс-диагностики проблемных ситуаций, правовой оценки инцидентов по вандальному воздействию на объекты ВМН, социологического и экспертного опроса (в том числе анкетирования и тестирования), фокус-группы в рамках многочисленных уроков памяти и благодарности, российских и международных форсайт-игр по моделированию народно-дипломатическими инструментами межмуниципальных отношений (на основе матриц пересекающихся интересов и возможностей территорий, в том числе с помощью SWAT-анализа). Тем самым, осуществлено комплексное изучение правовых коллизий в отношении объектов ВМН и генерирование механизмов, стандартов, регламентов с их последующей интеграцией в проект Международной хартии. Отдельный методологический аспект связан с разработкой и подписанием межмуниципальных договоров о побратимстве, в которых предусмотрены системно-образующие обязательства глав муниципальных образований по обеспечению сохранности действующих воинских захоронений и памятников, а также созданию новых объектов с их регистрацией и постановкой на учет.

Обоснована необходимость разработки специального федерального закона об охране военно-мемориального наследия Российской Федерации, а также разработки международной (универсальной) Хартии (Конвенции) об охране объектов военно-мемориального наследия, образовавшихся по итогам Второй мировой войны. Сформировано более 200 фокус-групп по исследованию правоотношений в области сбережения объектов ВМН с вовлечением более 500 сельских территорий и муниципальных городских образований 16 государств мира. Разработано и подписано 17 юридических договоров с участием 40 муниципалитетов и сельских территорий с общей численностью населения более 2 млн. человек из 6 государств мира (Россия, Беларусь, Украина, Казахстан, Молдова, Сербия). 17 июня 2023 года в Брестском государственном университете с участием преподавателей и студентов исторического и юридического факультетов проведено первое экспертное слушание проекта Международной хартии «О защите объектов ВМН» с участием экспертов из 10 стран. Обозначена необходимость создания

Международного исторического арбитража и Международного центра правовой оценки неокOLONIALИСТИЧЕСКИХ действий в условиях противоборства концепций глобализма и многополярности мирового устройства.

Очевидно, что при росте значения проблемы исторической и социальной памяти в современном публичном пространстве, в сфере внешней дипломатии, а также народной дипломатии Российской Федерации и других стран мира остаются слабо проработанными правовые формы реализации политики и дипломатии памяти и охраны мемориального наследия в целом и военно-мемориального наследия, в частности. При этом в юридической науке не получили должного освещения такие аспекты, как «политика памяти в контексте предметности правового регулирования»; «модели правового регулирования исторической политики»; «обоснование мемориального права как особого института национального и международного права»; «военно-мемориальное наследие и его международно-правовая защита», «обособление отдельных личных и коллективных прав на историческую память», «народная дипломатия, как охранная функция прошлого» и другие важные аспекты.

Из вышесказанного проистекает актуальность проблемы охраны исторической памяти и той значимой ее части, связанной с Второй мировой войной, обусловленная целым рядом предпосылок:

- формирование в ряде восточно-европейских государств в начале XX в. политики, направленной на пересмотр истории Второй мировой войны, искажение вклада СССР в борьбу с нацизмом и освобождение народов Европы от фашистской оккупации и германской колонизации («европейская историческая политика»), создание государственных центров её осуществления (т.н. институты национальной памяти), что влечет за собой рост напряженности в межгосударственных отношениях и создает питательную среду для межнациональных конфликтов, информационно-психологического противоборства и вооруженного противостояния;

- систематические случаи посягательств на военно-мемориальное наследие СССР и России, как правопреемницы, в ряде зарубежных стран («войны памяти») в условиях отсутствия адекватных форм правового реагирования (ситуация бессилия международного права) наносят существенный урон национальной памяти России, исторической

памяти народов, победивших германский нацизм, фашизм и японский милитаризм, дискредитируют Освободительную миссию СССР и стран-союзниц по антигитлеровской коалиции 1943-1945 гг., что приводит к фальсификации истории Второй мировой войны и, как следствие, формированию искаженной картины мира;

- развитие российского мемориального законодательства и содействие зарубежным государственным юрисдикциям в разработке национального мемориального законодательства на принципах исторической правды и социальной справедливости, формирование концепции и системы правового регулирования в части традиционных ценностей, укрепления духовных основ российской государственности, защиты исторической правды, системы коллективной и глобальной безопасности.

Как следствие, деструктивная политика памяти ряда государств мира, вандальные проявления по отношению к советским воинским захоронениям и памятникам воинов-освободителей, порча и уничтожение (демонтаж) объектов мемориального наследия, дискредитация мест памяти о Великой Отечественной войне в общественном и публичном пространстве обуславливают критически важную необходимость разработки и реализации системы исчерпывающих мер по гарантированной охране артефактов исторической памяти, объектов военно-мемориального наследия, включая научно осмысленные меры социального, дипломатического и правового характера.

Новизна проведенного исследования заключается в следующем:

- 1) Впервые на теоретико-методологическом уровне предлагается обосновать особый межотраслевой институт национального права и международного права – мемориальное право, призванное с помощью правовых средств защитить историческую память, нейтрализовать манипуляции в рамках политики памяти. Соответственно, предполагается выдвинуть и обосновать тезис о предмете правового регулирования в сфере исторической политики, его пределах, наиболее эффективных методах и способах правового регулирования;

- 2) Впервые в правовой науке предполагается обосновать коллективные и индивидуальные права на историческую память, историческую правду, охрану военно-мемориального наследия, право погибших при исполнении конституционного долга по защите Отечества лиц и выполнении их

союзнических обязательств при отражении вооруженной агрессии (в первую очередь – участников Великой Отечественной войны) на уважение и память о них (обоснование терминов «увековечение памяти комбатанта», «священная память», «Освободительная миссия» и др. в правовых и международно-правовых категориях);

3) По итогам исследования будут обоснованы предложения по совершенствованию российского и международного мемориального законодательства и реализации институциональных рекомендаций в сфере дипломатии памяти и защиты военно-мемориального наследия (в первую очередь, сформированного по итогам Второй мировой войны, Великой Отечественной войны);

4) Так как исследование проводится на общественных началах и в границах стратегической народно-дипломатической инициативы «Родина подвига – Родине героя» на условиях партнерства Института социальной памяти Академии военных наук России и Юридического института Алтайского государственного университета, по его завершению предполагается предложить экспертно поддержанный механизм правовой охраны военно-мемориального наследия СССР, России и союзников Красной Армии по Освободительной миссии СССР во Второй мировой войне для адаптации на международном (наднациональном) уровне и пилотной апробации в Союзном государстве России и Беларуси.

Проблема коллективной (социальной, исторической, социально-исторической) памяти (до сих пор существуют трудности терминологического порядка с объемом этих понятий) является достаточно изученной в современной социогуманитарной науке (М. Хальбвакс, М. Блок, Л. Вирт, А. Моль, Я. Ассман, А. Ассман, Д. Лоуэнталь, Й.Х. Йерушалми, Д. Коллинз, Э. Хобсбаум, П. Рикёр, П. Нора, Ф. Йейтс, П. Хаттон, Ф. Артог, Х. Вельцер, А. Эткнд, Я.К. Ребане, В.Г. Афанасьев, Л.П. Репина, Ю.А. Сафронова, О.Б. Мамаева, С.В. Кодан и др.). Сложилось целое междисциплинарное направление – *memory studies*, изучающее различные, в том числе юридический, аспекты коллективной памяти. Ряд авторов используют понятие «правовой памяти» (К. Кэмпбелл, К.У. Свонсон, Л.И. Честнов, О.Ю. Рыбаков и др.). А.Ужанов обосновывает и транслирует парадигму социальной памяти, как системно-феноменологическую сущность, представляющую собой комплекс видов памяти, включая этнопсихологическую, ге-

нетическую, историческую, национальную, солитонную, голографическую память.

Исследованием концепции политики памяти (исторической политики, мемориальной политики) в юридическом ракурсе плодотворно занимаются как зарубежные, так и отечественные исследователи – историки, антропологи, политологи, социологи, социальные психологи и правоведы (Е. Лёзина, Копосов Н.Е., В.А. Шнирельман, Г.А. Бордюгов, И.И. Курилла, В.С. Клопихина, А.В. Грозин, Н.А. Медушевский, В.М. Бухарев, Е.С. Соколова, А.В. Сидоров, А.И. Миллер, Д. В. Ефременко, Е.А. Бикетова, М. Бустаманте, А.В. Астров, О.Н. Борох, М. Миноу, Дж. Вейнтгартнер, Дж. Мейерхенрих, А. Гриценко, Г. Касьянов, А. Браточкин, Ю. Шеррер, Д. Блоксхэм, М. Русу и др.). Они изучают особенности политики памяти как отдельных стран (Россия, Казахстан, Украина, Эстония, Германия, Венгрия, Румыния, Франция, Польша, Куба, ЮАР, США и др.), так и целых регионов (например, Восточная и Западная Европа). Также ведется работа по уточнению термина «политика памяти» и его соотношению с близкими и смежными по значению терминами: «политика прошлого», «символическая политика», «политическое использование прошлого», «политизация истории», «историческая политика», «политика коммемораций», «мемориальная политика», «культура памяти», «мемориальная культура», «войны памяти» и т.п. (А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Н.И. Алексеева, Д.Н. Нечаев, О.В. Леонова, О.Ч. Реут, Н.У. Ярычев и др.).

Так, например, под объектом мемориального наследия предлагается понимать культурные ценности, которыми, как правило, являются здания и иные объекты культурно-исторического значения [1].

Однако недостаточно исследованными остаются такие вопросы, как эффективность официальной политики памяти и ее социальные последствия в долгосрочной перспективе. Кроме того, практически совершенно из поля зрения исследователей выпали мемориальные и иные нормативные правовые акты, в которых фиксируется официальная позиция публичной власти по тем или иным историческим событиям и выражается историческая политика. Так, известны акты Франции, которые осудили геноцид армян в Турции. Известны попытки Украины по героизации преступлений С. Бандеры и Р. Шухевича, в том числе путем издания соответствующих мемориальных законов. В Российской Федерации при-

нят комплекс правовых актов, которые увековечивают память защитников Отечества в Великую отечественную войну, легитимируют Знамя 150-й отдельной Идрицко-Берлинской стрелковой дивизии, водруженное 30 апреля 1945 года над Рейхстагом в Берлине в качестве символа Великой Победы в национальной памяти России, исторической памяти Республики Беларусь и ряда других государств СНГ. По целому ряду внешних признаков можно с уверенностью констатировать, что право де-факто становится средством осуществления исторической памяти, её интерпретации и охраны.

Имеется также большое количество исследований, посвященных различным судебным аспектам интерпретации, восстановления и защиты памяти (Л. Дуглас, Э.Христодулидис, С. Вейч, К. Белл, Б. де Брито, П. Лобба, Д. Сирри, Дж. Флакс, Э. Фронца, Ш. Фельман, и др.). В рамках правосудия переходного периода существует несколько подходов к взаимосвязи между правом и коллективной памятью: либеральное формирование памяти с помощью трансформационных судебных процессов (М. Осиель), восстановление коллективной памяти с помощью переходных режимов правды (Р. Тейтель), производство общих нарративов и ценностей правовыми институтами, которые разрывают циклы ненависти (М. Миноу) и др. Особый пул источников посвящен непосредственно документам Нюрнбергского и Токийского трибуналов по квалификации военных преступлений и преступлений против мира и безопасности человечества нацистскими и японскими военными преступниками. Сами по себе приговоры трибуналов по итогам Второй мировой войны представляют собой акты фиксации и интерпретации исторических событий и их оценки, а теперь и они вошли в содержание исторической (национальной) памяти. Среди работ, посвященных Нюрнбергскому процессу, особо следует упомянуть цикл произведений А.Г. Звягинцева и А.Н. Савенкова, которые разработали целостную картину и правовую концепцию Нюрнбергского процесса. Однако на данный момент отсутствуют исследования, целостно и напрямую осмысливающие механизмы и процессы правосудия в политике памяти.

Ряд исследователей уделяют определенное внимание субъективной стороне политики памяти: коллективная память о правах человека (Л.И. Глухарева), соотношение правосознания и историческая память

(Е.М. Крупеня), правовой аспект взаимодействия государства и общества в процессе формирования и реализации официальной политики памяти (А.Ю. Дорский). После поправок в Конституцию РФ в 2020 г. в ней появилось понятие «историческая правда», что способствовало активизации исследовательского интереса к праву человека на историческую память, историческую правду и её охрану (П.А. Астафичев, М. А. Кожевина, С.А. Куликова, Г.Л. Москалев, И.Н. Фалалеева, С.Р. Чеджемови др.). Остаётся дискуссионной и до конца неразработанной проблема соотношения и конфликта права человека на историческую память и историческую правду со свободой слова и правом на свободу научного (и социального) творчества.

Ряд исследователей-международников акцентирует внимание на анализ международно-правовых документов, касающихся международного гуманитарного права [13. С. 31-48], изучение конституционно-правовых смыслов отдельных прав человека [27], определение компетенции уполномоченных органов государственной власти по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, а также сохранению объектов и имущества, в том числе культурного назначения [19. С. 37-57]. Тем самым, видится, что не напрямую, но опосредованно в подобных научных исследованиях проявляются отдельные аспекты решения проблем мемориального права.

Следует особо подчеркнуть, что в рамках изучения мемориального законодательства России определенное внимание группой исследователей уделяется оценке правовой охраны военно-мемориального наследия СССР и России (Д.В. Аронов, А.А. Васильев, А.В. Дудченко, Н.В. Дмитриева, С.А. Мозговой, В.А. Рубин, Е.В. Спиридонова, А.Е. Ужанов и др.). Однако вызывает беспокойство, что в ситуации пятилетней эскалации обстановки в Европейском союзе и ряде стран СНГ и Восточной Европы вокруг памятников советских воинов, приведшей к огромному разрушительному результату (тысячи памятников Великой Отечественной войны демонтированы, устранены из общественного пространства), не существует целостной и непротиворечивой концепции правовой охраны военно-мемориального наследия, что связано в том числе с отсутствием концептуального обоснования базовой категории – мемориального права. К настоящему времени, несмотря на довольно развитую во многих странах законодательную базу, мемориальное право

обычно не рассматривается как комплексная отрасль (самостоятельный институт) законодательства или отрасль (институт) права. Хотя есть и редкие исключения. Так, У. Белавусау (U. Belavusau) после рассмотрения мемориального законодательства в качестве нового предмета сравнительного правоведения предложил специальный онтологический термин «мнемонический конституционализм» («mnemonic constitutionalism»).

По поводу необходимости мемориального законодательства и доктрины международного права [5. С. 28] в научной среде нет единой позиции. Во многом это зависит от политических и идеологических предпочтений того или иного автора. Одни авторы отрицательно относятся к любому мемориальному законодательству, считая, что оно ограничивает свободу слова и посягает на свободу научного творчества (И.И. Курилла, О.А. Матусевич, Р. Голсан, Э. Флейг и др.). Другие исследователи в той или иной степени признают необходимость мемориального законодательства (А.А. Дорская, К. Кэмпбелл, Н.И. Алексеева, Е.П. Цыплакова и др.). Некоторые авторы делят мемориальное законодательство по направленности на политическое примирение с последующим обеспечением защиты прав меньшинств или на политическую конфронтацию с последующим отрицанием легитимности несогласных (У. Белавусау (U. Belavusau), А. Глищинска-Грабиас и др.). Соответственно, первую разновидность мемориального законодательства они одобряют, а ко второй относятся отрицательно. Своеобразную позицию занимает философ А.Ю. Дорский, считающий, что проблемы оценки того или иного исторического события и процесса должны решаться не на законодательном уровне, а на референдуме путем электронного голосования.

В границах настоящего исследования будет полезно прибегнуть к результатам доктринально-юридической и правоприменительной практики в отношении сохранности культурного наследия. В этой проекции динамику можно проследить по развитию конституционного права в нескольких видимых направлениях. Основной научный интерес исследователей здесь находится преимущественно в двух плоскостях. Так, преобладающее количество исследований касается общего вопроса правового регулирования государственной политики в отношении культурных ценностей.

Ю.А. Чулисова обозначила сложность определения объектов нематериального

наследия и установления организационно-правовых механизмов их защиты, провела теоретические и эмпирические анализы доктрины и законодательства, сделав в итоге вывод о том, что в настоящее время необходима выработка единой концепции охраны нематериального культурного наследия. Данный автор предпочла бы сочетание единых и универсальных подходов к охране нематериального культурного наследия народов России, разработку правовых специфических аспектов их охраны, учитывающих уникальность и самобытность объектов. По мнению исследователя, это поспособствует повышению заинтересованности носителей культуры в её сбережении и популяризации [29. С. 114-122].

И.А. Балдин рассматривает и анализирует законодательство РФ по сохранению объектов культурного наследия на всех уровнях. Рассматриваются меры по защите объектов культурного наследия, которые установлены законодательством, ответственность за нарушение поставленных норм и порчу объектов культурного наследия, а также проблемы, которые возникают из-за небезупречности законодательства [4. С. 7-13].

Как показал анализ, значительная часть исследований посвящена сравнительно-правовому аспекту, сопоставлению подхода Российской Федерации к реализации правоохранительной деятельности в сфере культуры и подхода иностранного государства (выбранного автором по определенным критериям).

Ж.Б. Иванова на примере Беларуси и России рассматривает правовую охрану нематериального культурного наследия, как продолжение культурно-исторической традиции страны, разнообразно проявляющейся в реальной жизни [10. С. 149-155]. Этим же автором рассматривался вопрос охраны объектов нематериального культурного наследия России и Китая [11. С. 25-32].

Второе обстоятельство, использованное для аналитики, касается введения режима взыскательности государства, наряду с общей политикой в сфере правового регулирования вопросов культурного наследования, к недобросовестной сохранности, приводящей в конечном итоге к уничтожению объектов культурного наследия. В этой связи нас интересовали вопросы вступления в силу мер наказания виновных юридических и физических лиц. Например, И.И. Шарипов под руководством С.Р. Шафигулиной рассматривает некоторые

вопросы наступления ответственности, предусмотренной за нарушение обязанности по сохранению исторического и культурного наследия, речь идет о памятниках истории и культуры. В данном случае не может быть двойного трактования: закрепив обязанности охранного значения, государство предусматривает наступление ответственности за их неисполнение [30. С. 19-23].

М.Н. Тагиев, анализируя законодательство Азербайджанской республики в аспекте правового регулирования содержания памятников истории и культуры, раскрывает общепредупредительное воздействие уголовного наказания и аргументирует подключение уголовно-правовых средств только в том случае, когда формы воздействия (организационно-управленческие, социально-экономические, культурно-воспитательные) оказываются не способными в полной мере предупредить и предотвратить преступления против культурного наследия [23. С. 180-187].

Обращают на себя внимание методологические истоки надежной и эффективной правовой защиты объектов культурного наследия, связанные с Пактом Рериха, которые могут быть использованы в практике сбережения военно-мемориального наследия. Учитывая правовой нигилизм в отношении памятников воинов-освободителей XX века в ряде европейских стран, представляется важным сформировать подобно Пакту Рериха (Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников 1934 года) основополагающий международный акт, который бы стал отправной точкой в деле сбережения объектов памяти, военно-мемориального наследия, образовавшихся в ходе Освободительной миссии СССР и стран-союзниц по антигитлеровской коалиции в 1943-1945 гг. [14. С. 70-94].

Вопрос сохранения культурного наследия как элемента прав и обязанностей человека и гражданина, по нашей оценке, поднимается крайне редко, при этом имеющиеся в научном обороте исследования посвящены преимущественно частным вопросам, сопоставимым с интересами авторов, затрагивающими более масштабную и глобальную тематику, чем конкретно права, свободы и обязанности человека, либо вопросы сбережения традиционных ценностей и будущего человеческой цивилизации.

Так, Л.Н. Васильева поднимает вопрос о том, что в законодательстве Российской Федерации язык, в том числе и диалекты

языка, напрямую отнесены к нематериальному культурному наследию, при этом подчеркнута связь языка, как культурной ценности, с задачами проводимой государством культурной политики. Как отмечает автор, такая позиция характерна для федерального уровня законодательного регулирования и она по-разному преломляется в региональном законодательстве, что ставит вопрос о том, можно ли с определенностью отнести любой национальный (родной) язык к нематериальному культурному наследию и в каких случаях? [7. С. 82-93].

М.В. Янович, подтверждая действие принципа единства и взаимодействия прав и обязанностей в конституционном праве, раскрыл такие формы реализации права, как соблюдение, исполнение, и применение. В качестве иллюстрации работы данного принципа автор взял право и обязанность в отношении объектов культурного наследия [33. С. 77-82]. Этот же автор раскрыл содержание конституционной обязанности в отношении объектов культурного наследия с использованием классического подхода содержанию обязанности, выработанному в теории права. Согласно указанному подходу, автором статьи выделено четыре компонента такой обязанности: необходимость проводить работы по сохранению объектов культурного наследия (воздержаться от совершения действий, могущих причинить вред таким объектам), необходимость предоставлять информацию об объекте культурного наследия, необходимость обеспечивать доступ к таким объектам и необходимость претерпеть неблагоприятные последствия в случае нарушения законодательства об объектах культурного наследия. Автором сделан вывод о том, что четкое представление о содержании конституционной обязанности в отношении объектов культурного наследия позволяет правильно понимать содержание норм отраслевого законодательства, регулирующего обязанности в отношении таких объектов [34. С. 220-223].

М.В. Янович также рассматривал вопросы конституционного права на доступ к объектам культурного наследия, однако в контексте правового регулирования, осуществляемого в отдельно взятой стране (Финляндии). Конституция Финляндии закрепляет права и обязанности в отношении культурного наследия, вместе с тем не раскрывает комплекс правомочий и ограничений, которые направлены на реализацию этих прав. В статье автор предпринял попытку раскрыть содержание конституционного права

на доступ к объектам культурного наследия и корреспондирующей такому праву конституционной обязанности, показать их взаимосвязь и взаимовлияние, место в системе прав и обязанностей [32. С. 536-539].

Как и в указанном выше примере, К.В. Ковалишина исследовала вопрос, связанный именно с правом на нематериальное наследие, однако за основу взято законодательство Республики Индии. Автор провела анализ существующих на сегодняшний день проблем и способов их преодоления в сфере сохранения нематериального культурного наследия в Индии. Сделан вывод о несовершенстве механизмов охраны и защиты нематериального культурного наследия в международно-правовой сфере, в целом [9]. Выдвинуты предложения по усовершенствованию нормативно-правового регулирования решения обозначенных проблем [12. С. 41-46].

В.А. Синицына исследовала вопросы самостоятельности субъективного права на охрану объектов культурного наследия, обосновывая данный тезис раскрытием нормативного регулирования данного права с позиции Конституции РФ, Градостроительного кодекса РФ и Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ». Также автором рассматривались гарантии реализации данного права и приводились сведения о правах и обязанностях участников отношений в указанной области. Отдельно автором исследовался вопрос о юридической защите права на охрану объектов культурного наследия. Автор пришел к выводу о том, что судебная практика по исследуемой теме не отличается единообразием [22. С. 370-385].

И.В. Ширкова рассматривала права человека как составную часть культурного наследия современного общества [31. С. 217-223].

М.Н. Малеина рассматривала частный вопрос, а именно, музей-квартиру как объект культурного наследия, некоммерческое учреждение культуры, объект недвижимости, нежилое помещение. Под музеем-квартирой при этом понимается не только мемориальная квартира, созданная по месту жительства выдающихся деятелей культуры, науки и в других областях и где сохранилась оригинальная обстановка, но и квартира, где реконструирована обстановка и используются типологические предметы соответствующего периода и (или) экспонаты, созданные специально для музея. М.Н. Малеина изучила развитие права гражданина на

доступ к культурным ценностям на примере такого объекта, как музей-квартира, определив структуру данного права и гарантии [15. С. 76-85].

Эвристический поиск правовых основ и моделирование подходов к построению международно-правовой защиты объектов военно-мемориального наследия может опираться на пройденный человечеством путь в области культурного наследия с определенными ограничениями. Поскольку война, как патологическое состояние международных отношений, в большинстве случаев носит двойственный характер - есть сторона-агрессор (оккупант) и сторона-жертва. Есть войны справедливые и несправедливые. Существуют защищенные в правовом отношении жертвы комбатантов и жертвы среди мирного населения, участвующего в Движении сопротивления (по опыту Великой Отечественной войны - в подпольных организациях, партизанских отрядах и т.д.). Соответственно, приходится иметь дело с несимметричностью действия правовых инструментов в отношении разных сторон вооруженного противостояния. И в этом заключается основная проблема, поскольку основополагающий международный акт в области защиты объектов памяти Великой Отечественной войны должен выступать регулятором правовых отношений не только при сбережении советских воинских захоронений, памятников и мест памяти, но и иметь правовые механизмы для осуществления защитной функции применительно к захоронениям военнослужащих Вермахта в границах стран, выступивших, как СССР, объектами агрессии.

При разработке международно-правовой защиты объектов военно-мемориального наследия мы также имеем дело с вопросами национальной идентичности, поскольку с ними сопряжены такие сложнейшие патологические явления, как опирающийся на расовые лжетеории геноцид народов, наций, подвергшихся оккупации и физическому уничтожению. В случае со Второй мировой войной это славянские народы, евреи, цыгане. Поэтому здесь приходится иметь дело с тенденциями в области национальной идентичности, утверждения исторической правды и справедливости.

Международно-правовой опыт содержит прецедент юридического осуждения и привлечения к ответственности лиц, чьи действия, хотя и не противоречили актуальному для этих лиц праву, но так же, как и практики современного неокOLONIALИЗМА,

были направлены на массовое нарушение прав людей во всем мире, включая самое основополагающее из всех прав – право на жизнь. Созданный в соответствии с Московской декларацией от 30 октября 1943 года «Об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», под которой поставили свои подписи руководители СССР, США и Великобритании (опубликована 03.11.1943г.), и на основании Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. между правительствами ведущих государств-союзников – СССР, США, Великобритании и Франции, к которому присоединились 19 других стран – членов Антигитлеровской коалиции, Международный военный трибунал (МВТ) при осуществлении Нюрнбергского судебного процесса 1945 года пришел к выводу, что никакое внешне оформленное законодательство не может считаться источником права тогда, когда его расхождение с моралью и базовыми нравственными нормами очевидно для любого человека. При этом следует учесть, что для США и Британии решение Нюрнберга имеет базовое правовое значение – признав Трибунал и его решение, страны Общего права включили этот прецедент в свое внутреннее законодательство.

Опираясь на экспертное мнение, реализуемое в международном сообществе «Родина подвига – Родине героя» (в том числе кандидата юридических наук М.В. Чупова и кандидата исторических наук М.Д. Чуповой), авторы придерживаются вывода, что сегодня существует возможность вновь обратиться к практике Нюрнбергского трибунала, как Суда Народов – поскольку действия современных неоколониалистов уже привели и грозят привести в ближайшем будущем к огромным бедам, запущенные угрозы таковы, что способны разрушить человеческую цивилизацию как таковую. В этих условиях мы стоим перед необходимостью объединения усилий государств, которым удалось сохранить свою правовую субъектность, и международной общественной инициативы для создания справедливой международно-правовой практики привлечения к ответственности организаторов и виновников неоколониалистической агрессии против человечества. Часть этой агрессии – вне сомнения, развязанная война с памятниками воинам-освободителям XX века (1941 – 1945 гг.).

Д.С. Артамонов и С.В. Тихонова рассматривали проблему встраивания понятия «историческая справедливость» в систему целей государственно-правовой политики

памяти РФ. Авторы дали социально-философский анализ категории «историческая справедливость». По их мнению, она выступает частным случаем социальной справедливости, тесно связана с представлением об общем благе и выступает регулятором общественных отношений. В восприятии общества и государственной власти историческая справедливость определяется обеспечением прав человека и народов, а любые попытки покушения на них вызывают апелляцию к прошлому. В условиях, когда историческая память стала главным инструментом конструирования идентичности нации и государственного строительства, значение понятия исторической справедливости возрастает. Стремление включить ее в формате исторической правды в Конституцию Российской Федерации вызвано не только реакцией на развернувшуюся мемориальную войну вокруг трактовок событий и жертв Второй мировой войны, но и желанием власти и общества защитить таким образом основные национальные ценности и традиции, защитить национальную идентичность, самосознание граждан России, защитить Русский мир. Мемориальные юридические законы не только обеспечивают историческую справедливость, но и в большей степени вызваны представлением о том, что она находится в опасности, а значит, под действием системной угрозы находится все российское общество и соотечественники за рубежом. Проявляя солидарность с Д.С. Артамоновым и С.В. Тихоновой, авторы данной статьи считают принципиальным тот факт, что государство в своей политике памяти вынуждено использовать силу и неотвратимость действия нормативно-правовых актов, что встречает одобрение в обществе, в котором утрачена вера в мемориальные законы и в гарантирующий безопасность механизм исторической памяти. Представление об исторической справедливости и ее юридическое воплощение вызывают общественное доверие и обеспечивают консенсус с властью [2. С. 62-77]. И в этой связи считаем необходимым подчеркнуть, что историческая память в силу своей природы (создается преимущественно политическими режимами и может изменяться под воздействием решений власть предержащих) имеет ограничения, поэтому защитить объекты военно-мемориального наследия, опираясь исключительно на инструменты исторической памяти и защитные нормы культурного наследия не представляется возможным. Следует разрабатывать и применять социальную память,

в которой в большей степени задействованы аспекты народного фольклора, родовой памяти, этнической и наследственной. Собственно, что на практике и осуществляется в содружестве общественного Института социальной памяти (г. Москва), действующего с 2005 года, с международным добровольческим обществом «Родина подвига – Родине героя», разрабатывающим нормативно-регуляторную базу для будущего международного акта в лице Хартии «О защите военно-мемориального наследия СССР и стран-союзниц по антигитлеровской коалиции» [6. С. 42-48]. 17 июня 2023 года в городе Бресте прошло первое экспертное слушание концепции Хартии, в котором приняли участие эксперты из 10 стран мира, в том числе – Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Польша, Россия, Сербия, Таджикистан, Франция [24].

И.А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова поднимали вопрос осмысления, раскрытия и описания принципа национальной идентичности российского государства в правовой теории и практике, выявления его основных содержательных характеристик и особенностей реализации в правоприменительной практике. Приводя различные точки зрения по этому вопросу, авторы приходят к выводу о целесообразности использования принципа национальной идентичности российского государства в конституционно-правовой практике, а также отмечают его значимость при реализации правовой политики в современной России [25. С. 9-15].

Т.Я. Хабриева рассматривала аксиологические основы современного конституционализма. На основании исследования мирового опыта конституционного развития автором сделан вывод о наличии общей тенденции пополнения ценностного каталога конституций, учитывающего накопленный государствами исторический опыт и национальные приоритеты. Автор проследила восприятие национальных ценностей в конституционной эволюции России, подчеркнула роль Конституционного Суда РФ, который даёт импульс формированию и осмыслению концепции национальной конституционной идентичности. Автор отмечала, что российский Основной Закон приобрёл в 2020 году свойства программного документа, воспитательно-мотивирующие установки и ярко выраженное социально-ценностное наполнение. Поправки закрепили сложившееся взаимопонимание государства и его граждан по отношению к базовым ценностям, в результате чего Конституция становится

нравственным ориентиром для российского общества, отражая его идеалы и традиционные черты коллективного сознания. При этом в процессе конституционного совершенствования механизмов публичной власти Россия вырабатывает собственную национальную модель Конституции, соответствующую отечественному менталитету и новым требованиям государственной безопасности. Отмечено, что в целом это должно способствовать утверждению многоцивилизационной модели мирового устройства, предполагающего равноправие различных культур, цивилизаций и многообразие национальных социокультурных ценностей [28. С. 403-414].

Л.Б. Гапоненко исследовала феномен национальной идентичности и факторов, влияющих на конструирование национальной идентичности. Данная проблематика при наличии кризисных явлений в обществе, таких как социальное расслоение, правовой нигилизм, отчуждение власти от общества, утрата ценности духовно-нравственной культуры, проявление этнического сепаратизма, обретает все большую актуальность. В решении проблем консолидации общества важным фактором является конструкт национальной идентичности. Формирование национально-культурной идентичности становится приоритетным направлением деятельности современного государства и гражданского общества. Автор предлагает идею взаимообогащения достижений культуры западных обществ культурно-историческими ценностями «незападных» социумов для дальнейшей интеграции мирового сообщества. Цивилизационный принцип определения идентичности дополняется идеей национально-гражданской идентичности [8. С. 40-53].

А.Ю. Рузина отмечает, что необходимость защиты государственного суверенитета, отстаивание традиционной модели взаимоотношений личности, общество и государства – актуальные задачи, стоящие перед Российской Федерацией в фокусе конституционной реформы 2020 г. В данном векторе целью исследования стало правовое осмысление конституционной идентичности российского государства как рубежа компромиссов между европейской и национальной системами защиты прав и свобод личности. Проведенный анализ внутригосударственных правовых актов позволил автору сделать вывод о том, что принцип конституционной идентичности является незыблемым фундаментом конституционного государства и его

модели обеспечения прав и свобод личности в традиционной системе ценностей [20. С. 30-38].

Отдельно вопросу права уделяла внимание М.Б. Напсо. Еще в 2007 году автор отмечала, что в современных условиях особое звучание приобретают коллективные права этнических общностей. Именно они позволяют этническим сообществам сохранять себя как специфические этнокультурные общности, а государству – эффективнее регулировать этносоциальные отношения. Российское законодательство наделяет правом на самобытность коренные народы и меньшинства, а не все этнические общности, и вовсе не содержит права на национальную идентичность. Исследовав природу этого явления и используя существующие в международном праве положения, автор предлагает свою формулировку права на национальную идентичность [18. С. 96-102]. В более поздней работе автор исследовала проблемы прав народов в контексте их соотношения с индивидуальными правами и правами меньшинств как механизм защиты этноиндивидуальности человека. Автор выявила сложный характер взаимозависимости индивидуальных и коллективных этнических прав, сформулировала вывод о том, что непризнание прав народов международным правом не позволяет обеспечить эффективную защиту национальной идентичности. Вместе с этим автор обозначает, что сохранение самобытности требует от государства целенаправленной деятельности по реализации всей совокупности индивидуальных и коллективных этнических прав [17. С. 115-121]. Интерес данного исследования к указанной теме связан с диссертационным исследованием на соискание ученой степени доктора юридических наук по тематике «Правовые основы защиты этнонациональных интересов в условиях глобализации» (12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. 2010).

Несмотря на актуальность, особенно в контексте поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года, вопроса соотношения исторической памяти и военномемориального наследия, нельзя сказать, что данное явление стало объектом множества исследований. Одновременно с этим необходимо констатировать, что указанный вопрос не обошли аналогичные тенденции развития исследований, касающихся национальной идентичности и культурного наследия: правовые исследования затрагивают базовые вопросы, уделяя внимание смысло-

вому пониманию этой категории и выстраиваемой вокруг нее политике.

Е.В. Сазонникова рассматривала поправки 2020 г. к Конституции Российской Федерации и дополнение Конституции Российской Федерации ст. 67.1. и сделала вывод о том, что что память о защитниках Отечества и защита исторической правды – это конституционные ценности Российской Федерации. Потомки, в отличие от современников событий, смогут узнать о далеком прошлом только на основе тех материалов, которые сохраняют для них предшественники. Осознавая это, Российская Федерация взяла на себя обязательство сохранить для потомков историческую информацию в неискаженном виде [21. С. 29-32].

П.А. Астафичев исследовал содержание конституционной поправки от 2020 г. о необходимости обеспечения защиты исторической правды. Автор доказывал, что «историческая правда» в конституционно-правовом значении – это цель объективно и добросовестно настроенного исследователя, гарантируемая в свободном демократическом обществе конституционным правом на свободу мысли, научного творчества и выражения мнения. Автор отмечает, что целеполагание в познании – вопрос мыслительной деятельности, с трудом поддающийся демократическому контролю государства и права; с нормативной точки зрения здесь, в лучшем случае, просматривается нравственный аспект (поиск исторической правды есть добродетель, ее искажение – порок). Государственно-правовое воздействие в этой сфере затруднительно и влечет за собой риски появления юридически обязательной идеологии, что запрещено главой первой «Основы конституционного строя» Конституции РФ (ч. 2 ст. 13) и действующими актами Конституционного Суда РФ [3. С. 5-11].

И.Н. Фалалеева и В.Д. Гаврилова провели анализ одной из поправок в Конституцию РФ 2020 года о защите исторической правды со стороны Российской Федерации. Авторы отмечали, что каждое уважающее себя государство заботится о защите национальной идентичности, сохранении героического прошлого, мужества и отваги защитников своего Отечества, исторической памяти и исторической правды. Несмотря на высокий социальный запрос российского общества на историческую правду в нынешних условиях, не ясным остается почти весь спектр связанных с ней вопросов: понятие и содержание исторической правды, пути её поиска, пределы, применимость правовых

критериев, роль государства и общества в её сохранении и т.п. Авторы статьи приходят к выводу, что защита исторической правды – это особое и необходимое направление государственной политики, обеспечивающее социальную солидарность российского общества [26. С. 65-71].

Таким образом, становится очевидным, что в российской юридической науке слабо изучены концептуальные основы формирования мемориального права как особого юридического комплекса для сохранения, трансляции и защиты исторической памяти и мемориального (военно-мемориального) наследия. Кроме того, юридическая наука до сих пор не обосновала особую разновидность прав личности и различного рода общностей в сфере исторической памяти и дипломатии памяти (в том числе народной дипломатии). Недостаточный научный фундамент приводит к дефектам в правовом регулировании в сфере исторической памяти и правовой защиты объектов военно-мемориального наследия 1941 – 1945 гг.:

- неопределенность объектов мемориального наследия с точки зрения их природы и правового режима, смешение их с неоднородными объектами (памятники истории, архитектуры и скульптуры);

- отсутствие надлежащих национальных и международных институтов правовой охраны объектов военно-мемориального наследия;

- слабые организационные механизмы в деле охраны мемориального наследия (дублирование органов управления, избегание ответственности, параллелизм профильных ведомств и пр.);

- отсутствие легальных оснований для реализации и защиты прав человека и коллективных общностей на историческую память и мемориальное (военно-мемориальное) наследие.

В последние два десятилетия на фоне практических действий по пересмотру итогов Второй мировой войны, попыток и результатов фальсификации решающего вклада советского народа в Победу над фашизмом и нацизмом, в ряде государств мира стали предприниматься попытки демонтажа, сноса и ликвидации различных объектов военно-мемориального наследия. Разрушение военно-мемориальных объектов стало частью целенаправленной европейской исторической политики, задачей которой по факту является искажение хода и результатов Второй мировой войны, пересмотр роли СССР в Победе на фашистской Германией и

ее союзниками. Военно-мемориальные объекты Второй мировой войны стали объектом борьбы двух традиций в исторической памяти:

- традиции уважения и сохранения памяти о решающем вкладе СССР в Победу во Второй мировой войне;

- агрессивной политики стирания и уничтожения памяти о советском подвиге в Победе над нацизмом и фашизмом.

При этом статус и режим таких объектов подчинен законодательству страны их нахождения и зависит от суверенной воли национального правительства. Ограничивает национальные правительства лишь два фактора: общественное мнение и международные договоры с Российской Федерацией относительно взаимных обязательств по содержанию и охране воинских кладбищ. Приходится констатировать, что на международном уровне отсутствуют единые международно-правовые акты, которые бы возложили на национальные правительства обязательства по сохранению военно-мемориального наследия и предложили механизм контроля за соблюдением принятых обязательств.

К сожалению, на уровне юридической доктрины вопрос о статусе и правовых средствах сохранения военно-мемориального наследия практически не изучен. В юридической практике складываются стихийные подходы к определению правовой природы и способов защиты мемориального наследия. Преимущественно объекты военно-мемориального значения интерпретируются в качестве объектов культурного наследия с соответствующим правовым режимом.

Однако авторы полагают, что трактовка военно-мемориального наследия в качестве синонима или какой-то имманентной части культурного наследия противоречит природе самих этих объектов и даже оскорбляет память о таком наследии и его носителях (лиц, организаций, референтных групп). С одной стороны, военно-мемориальные объекты имеют совершенно специфическое значение в рамках исторической памяти. Весьма сомнительно кладбища квалифицировать как объекты культуры. Кладбища упокоения (погребения) лиц, ставших жертвами войн, причем как со стороны страны-агрессора, так и со стороны страны, подвергшейся вооруженному вторжению, тем более. Военно-мемориальные объекты по определению не являются частью культурного процесса, они несут совершенно иное политическое и социальное значение.

Ведь культура — это всё, что создается (а не разрушается) человеческим трудом: технические средства и духовные ценности, научные открытия, памятники литературы и письменности, политические теории, правовые и этические формы, произведения искусства и т. д. В широком смысле культура есть исторически обусловленный динамический комплекс постоянно обновляющихся во всех сферах общественной жизни форм, принципов, способов и результатов активной творческой деятельности людей. В узком смысле под культурой понимают процесс активной творческой деятельности, в ходе которой создаются, распределяются и потребляются духовные ценности. Перед нами же феномен обратный – сознательное уничтожение материальных и духовных ценностей и физическое уничтожение людей. Следовательно, выявлять тенденции и ставить вопросы о социальном и правовом регулировании в области сбережения объектов военно-мемориального наследия в парадигме «культурного наследия», совершенно бесперспективно и более того, противоестественно и вредно.

Как свидетельствует практика, во многих странах, где размещены воинские захоронения и военные памятники Второй мировой войны, статус и режим содержания объектов военно-мемориального характера в качестве культурных объектов не позволяет обеспечить надлежащую защиту таких объектов. Культурная идентификация усложняет процессы сбережения памятников и захоронений, существенно суживает возможности применения правовых инструментов для регулирования субъектно-объектных отношений в этой сфере. Более того, многие из объектов военно-мемориального наследия не являются объектами культурного наследия по национальному законодательству и совершенно не защищены от волюнтаризма властей.

Господствующая в Российской Федерации идея о растворении военно-мемориального наследия в культуре и отождествление памятников и захоронений с объектами культурного наследия имеет ряд существенных недостатков с точки зрения достижения задач по сохранению и увековечиванию военных подвигов и самопожертвования советского народа при защите Родины:

1) дублирование и неопределенность компетенции органов управления в сфере военно-мемориального наследия (Министерство обороны Российской Федерации и Министерство культуры Российской Феде-

рации), что не позволяет проводить единую политику в сфере охраны объектов такого наследия;

2) отсутствие специального законодательства и международных актов в сфере охраны военно-мемориального наследия с имеющейся попыткой отдать эти вопросы на откуп законодательству о культуре, что приводит к тому, что большая часть объектов военно-мемориального наследия в России и зарубежных странах лишены какого-либо статуса вообще;

3) отсутствие четко определенной обязанности федеральной власти по организации работы и финансированию в сфере военно-мемориального наследия приводит к возложению этих полномочий на субъекты РФ и муниципальные образования, которые не имеют необходимых финансовых и организационных условий для ведения такой работы (в границах РФ имеют место бесхозные объекты военно-мемориального наследия, требующие паспортизации, аттестации, постановки на муниципальный и федеральный учет);

4) наконец, сами объекты военно-мемориального наследия обладают серьезной спецификой по сравнению с объектами культурного наследия:

- военно-мемориальное наследие связано с памятью о войнах и их участниках;

- объекты военно-мемориального наследия, как правило, связаны с почтением и уважением к памяти погибших военнослужащих, что влечет за собой соблюдение определенных ритуальных и траурных правил;

- военно-мемориальное наследие носит глубоко деликатный и острый характер для исторической и социальной памяти, что выражается в серьезных последствиях для национального самосознания при попытке пересмотра исторической памяти и воздействии на памятники такого наследия;

- в России военно-мемориальное наследие является центральным компонентом исторической памяти народа (память о Великой Победе), что требует более серьезного и внимательного отношения с правовой точки зрения.

Указанные обстоятельства, на наш взгляд, позволяют выдвинуть предложение о необходимости отдельного и самостоятельного правового регулирования вопросов, связанных с военно-мемориальным наследием. При этом вполне полезным и ценным выглядит накопленный опыт правового регулирования в отношении объектов куль-

турного наследия. Вполне применимым может быть использование тех же подходов к правовой охране военно-мемориального наследия, что и в случае объектов культурного наследия: единый реестр объектов, определение специального охранного режима, ответственность органов публичной власти. Но ключевыми должны быть главная роль Минобороны как специального органа по охране военно-мемориального наследия и условие финансирования из федерального бюджета всех возникающих вопросов с содержанием объектов. В ряде случаев для более эффективной защиты может быть допустим для применения режим объекта культурного наследия в отношении военно-мемориального наследия, но лишь как дополнительный защитный механизм.

Наиболее ближайшими для решения задачами считаем следующие:

- разработка специального федерального закона об охране военно-мемориального наследия Российской Федерации;
- разработка международной (универсальной) Хартии (Конвенции) об охране объектов военно-мемориального наследия, образовавшихся по итогам Второй мировой войны;
- создание Международного исторического арбитража, в который сомневающиеся в «истинности общепризнанных исторических фактов» должны в исковой форме, «не оставляя лазеек для множественности толкований», изложить «аргументы и доказательства своей правоты».
- формирование общественной и профессионально-юридической инициатив с целью создания Международного центра правовой оценки неокOLONIALИСТИЧЕСКИХ действий, который впоследствии мог бы стать базой формирования нового Международного трибунала.

Как показал анализ, в российском законодательстве реализовано понимание правовой охраны военно-мемориального наследия в качестве особого, отличного от охраны объектов культурного наследия режима. В Уголовный Кодекс Российской Федерации 7 апреля 2020 г. была включена ст. 243.4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел,obelisks, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России», которая установила уголовную ответственность за посягательства на объекты военно-мемориального наследия

наряду с аналогичными составами преступлений, посягающих на объекты культурного наследия. Причем для квалификации деяния в соответствии со ст. 243.3 УК РФ объекты военно-мемориального наследия могут и не быть объектами культурного наследия. Важно отметить, что данная норма УК РФ носит экстерриториальный характер и применяется в случае уничтожения или повреждения объектов военно-мемориального наследия России, находящихся в зарубежных странах. Фактически в УК РФ впервые вводится в юридический оборот термин «мемориальные сооружения, увековечивающие память защитников Отечества и участников Великой Отечественной войны».

Положительным следует признать путь, избранный Молдовой, по пути самостоятельной правовой защиты объектов военно-мемориального наследия. В 2017 г. Республика Молдова приняла закон «О режиме воинских захоронений и военно-мемориальных объектов», установив задачи, компетенцию и ответственность органов публичной власти в сфере сохранения военно-мемориального наследия. Все объекты военно-мемориального наследия признаны в Молдове публичной собственностью.

Поскольку правовой режим объекта культурного наследия применяется, скорее, как юридическая фикция и не обеспечивает надлежащей правовой защиты, необходима нормативная фиксация особого режима военно-мемориального наследия, определение содержания и составных частей военно-мемориального наследия. Так как национальное законодательство произвольно решает проблему статуса и охраны объектов военно-мемориального наследия, очевидно, назрела необходимость выработки наднационального механизма защиты военно-мемориального наследия.

Первые международные правила об уважении к памяти погибших воинов и жертв войн относятся к первой половине XX века. Советский Союз 19.03.1931 г. принял Постановление ЦИК и СНК СССР № 46 об утверждении проекта постановления ЦИК и СНК СССР «Положение о военнопленных»: воспрещение жестокого обращения с военнопленными, оскорблений и угроз, воспрещение применять меры понуждения для получения от них сведений военного характера, предоставление им гражданской правоспособности и распространение на них общих законов страны, воспрещение использовать их в зоне военных действий и т.д.». 26.09.1931 г. Советский Союз присоединился

к Женевской конвенции 1929 г. «Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded in Armies in the Field» (Конвенция по улучшению участи раненых и больных в армиях в поле). Соответственно, СССР взял на себя обязательства по опознанию и содержанию воинских захоронений.

Вместе с тем Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. практически не затрагивают правовой режим военно-мемориального наследия. В ст. 130 4-й Женевской Конвенции 1949 г. и Протоколе I к Конвенции 1977 г. предусмотрены правила относительно уважения памяти и содержания мест погребения двух категорий лиц: интернированных и лиц, умерших в условиях оккупации на территории иностранного государства. Международные акты о культуре и объектах культурного наследия не содержат специальных норм о защите военно-мемориального наследия и оказываются бесильными в отношении волюнтаризма национальных правительств. Существующих норм международных конвенций оказывается совершенно недостаточно для эффективной охраны военно-мемориального наследия, а главное, отсутствует действенный институт по выявлению и охране объектов военно-мемориального наследия.

В связи с вышесказанным совершенно оправданным является сформированная в партнерстве Института социальной памяти Академии военных наук России и Юридического института Алтайского государственного университета при юридической поддержке на межмуниципальном уровне не менее 40 сел и городов Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова, Республики Сербия и Украины инициатива о разработке универсальных международных актов об охране военно-мемориального наследия с учреждением специального международного органа по инспектированию объектов военно-мемориального характера, мониторингу исполнения международных обязательств и понуждению, при необходимости, к таковому.

Институт социальной памяти Академии военных наук России совместно с Юридическим институтом Алтайского государственного университета при вовлечении в эту деятельность более 210 сформированных и действующих с использованием электронных платформ и мессенджеров в рамках Международной эстафеты памяти и благодарности «Родина подвига – Родине героя» социальных групп ведут работу по разработ-

ке Хартии (ООН) «Об охране военно-мемориального наследия» (название – рабочее), которая призвана заложить общие принципы и обязательства государств мира по выявлению, содержанию и охране объектов военно-мемориального наследия (воинских захоронений, останков воинов, памятных объектов, музеев, мест памяти и т.п.). Работа ведется на общественных началах и в форматах народной дипломатии и волонтерства. В основу разрабатываемой Хартии положены принципы, правила и нормы, которые вырабатываются в практике и законодательстве различных государств в рамках межмуниципальных партнерств по охране памяти Героев Великой Отечественной войны (в т.ч. Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы).

Структура Хартии ООН по охране военно-мемориального наследия может включить в себя следующие разделы:

I. Общие положения.

Глава определяет общие принципы охраны объектов военно-мемориального наследия, основные термины.

II. Объекты военно-мемориального наследия.

В главе устанавливается круг объектов военно-мемориального наследия, обязательства по их охране.

III. Правовой режим защиты воинских захоронений.

В данной главе регламентируются обязательства стран-участниц Хартии в отношении воинских захоронений, порядок учета погибших воинов, выявленных в ходе поисковой работы.

IV. Обязательства стран-участниц Хартии по увековечению памяти, восстановлению и охране объектов военно-мемориального наследия.

В главе приводятся обязательства стран-участниц Хартии в отношении объектов военно-мемориального наследия.

V. Ответственность стран-участниц Хартии за исполнение обязательств.

VI. Меры ответственности за посягательства на объекты военно-мемориального наследия.

VII. Международные институты ООН по инспектированию соблюдения обязательств стран-участниц Хартии.

VIII. Заключительные положения.

В Хартии предлагается учесть такие отработанные нормы и подходы, как:

- введение в законодательство и международные акты самой категории военно-мемориального наследия с соответствующим

правовым режимом, исключаящим его трактовку в качестве объекта культуры и культурного наследия;

- установление уголовной ответственности за акты порчи или уничтожения объектов военно-мемориального наследия как специального состава преступления (на основе правовой оценки факта разрушения 28.01.2021г. памятника Герою Советского Союза В.И. Маргелову в Дубоссарах, когда УК Приднестровской Молдавской Республики не предусматривает отдельного состава преступления по таким случаям);

- реализация необходимости установления особого правового режима в отношении земельных участков, связанных с военно-мемориальным наследием, в том числе с правом государства на изъятие данных земельных участков для государственных нужд или возложение на частных лиц обязанностей по сохранению мемориального статуса данных земельных участков (дело по Высоте 60.0 в Макензиевых горах Севастополя – известна, как Форт «Сталин»);

- реализация необходимости обособления статуса различного рода парков и аллей Памяти (крупных природно-архитектурных комплексов, увековечивающих память о погибших воинах) на основе практики воссоздания Аллеи Героев в Барнауле, разбивки и оборудования мемориальными объектами Парка «Патриот» имени Героя Советского Союза Н.В. Мамонова в поселке Коноша Архангельской области;

- закрепление социальной ответственности субъектов малого, среднего и крупного предпринимательства, осуществляющего хозяйственно-экономическую деятельность в границах территорий, где имеются в наличии и/или создаются новые объекты военно-мемориального наследия, с возможностью взимания целевого подоходного налога на финансовую поддержку благоустроительных и реставрационных мероприятий в отношении таких объектов (на опыте возведения в 2021 – 2022 годах Парка «Патриот» имени Героя Советского Союза Н.В. Мамонова в поселке Коноша Архангельской области и обращения по линии общественности к корпорации «Титан» за поддержкой);

- закрепление муниципальной ответственности в проведении общественных референдумов и других форм диалога с местным населением при выработке решения о демонтаже и переносе памятника, символизирующего участие в Великой Отечественной войне (с учетом инцидента с памятником юному герою-партизану Анато-

лию Пайкову в Боровске Калужской области в 2023 году);

- последовательное проведение принципа увековечения и героизации подвига советских воинов и союзников по антигитлеровской коалиции и недопустимость героизации военнослужащих государств-агрессоров во Второй мировой войне (отстаивание в 2022 – 2023 гг. права общественного запроса на устранение из городского пространства Житомира на Украине присвоенных улицам имен коллаборационистов С. Бандеры и Р. Шухевича);

- поощрение различных форм самоорганизации граждан и муниципалитетов, народной дипломатии, дипломатии памяти в сбережении военно-мемориального наследия с недопущением возложения на муниципальные образования обязанности по содержанию объектов ВМН без передачи сопутствующих финансовых ресурсов (обязанность по охране наследия в первую очередь лежит на центральной власти).

Заключение

Таким образом, мемориальное право рассматривается авторами как часть международного права. Специфика и значение военно-мемориального наследия требуют адекватного правового регулирования на уровне национального законодательства и международных актов, действенных правовых и организационных инструментов по сохранению и защите такого наследия. Одним из инновационных способов формирования международно-правового режима сбережения артефактов Великой Отечественной войны в виде памятников и захоронений советских воинов-освободителей, как показали в данной статье авторы, является разработка и легитимация норм-регуляторов по направлению от частного к общему, от моделирования правовых отношений, способствующих выполнению защитных функций на муниципальном и национальном уровнях, до экстраполяции сгенерированных в многовариантных ситуациях норм в систему правовых принципов, механизмов и инструментов в рамках Хартии «О защите военно-мемориального наследия».

Авторы, представляющие партнерские структуры, находящиеся в соглашении о сотрудничестве по разработке Хартии с 30 апреля 2021 года, продолжают деятельность в обозначенном направлении в формате народной дипломатии и дипломатии памяти вплоть до осуществления обще-

ственной экспертизы разработанного международного правового документа в различных странах, формирования и продвижения международной законодательной инициативы. Отладка концепции и разработанных

норм военно-мемориального права будет происходить при поддержке Ассамблеи Народов Евразии и центральных органов СНГ (переговоры закреплены протоколом намерений от 01.09.2023г).

Литература:

1. Roger O'Keefe The protection of cultural property in armed conflict // *Amicus Curiae*. Issue 71. 2007.
2. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Историческая справедливость в системе целей государственно-правовой политики памяти РФ // *Справедливость в постсоветском правопорядке: понятие, принцип, цель: Сборник статей научной конференции*. М., 2021.
3. Астафичев П.А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // *Правоприменение*. Т. 4 № 4. 2020.
4. Балдин И.А. Система законодательства РФ по сохранению объектов культурного наследия на всех уровнях (федеральный, региональный и муниципальный) // *Антропология права и правовой плюрализм*. 2020.
5. Богуславский М.М. *Международное частное право*. М., 1994.
6. Васильев А.А., Ужанов А.Е. Военно-мемориальное наследие, как социальный феномен и международно-правовая проблема: на пути решения // *Надежность и безопасность энергетики*. Т. 16. №1. 2023.
7. Васильева Л.Н. Национальный язык как часть нематериального культурного наследия // *Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит*. № 2. 2019.
8. Гапоненко Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // *Дискурс-Пи*. Т. 17. № 3(40). 2020.
9. Гликман О.В. Механизм контроля за соблюдением обязательств государств-членов Международной Организации Труда (МОТ) // *Юрист-международник*. № 4. 2003.
10. Иванова Ж.Б. Особенности правового регулирования нематериального культурного наследия в Республике Беларусь и Российской Федерации // *Четвертые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной: сборник материалов*. 2022.
11. Иванова Ж.Б. Правовые основы охраны нематериального культурного наследия в России и Китае // *Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сборник статей по результатам международной научно-практической конференции*. Т. 1. 2022.
12. Ковалишина К.В. Проблема обеспечения прав на нематериальное культурное наследие в Республике Индия // *Океанский менеджмент*. № 1 (19). 2023.
13. Котляров И.И. Международное гуманитарное право о запрещенных средствах ведения войны // *Московский журнал международного права*. Т. 1. № 8. 2011.
14. Куцарова М. Пакт Рериха – основа международной правовой системы защиты ценностей культуры и ее будущее // *Сборник материалов «Культурное наследие: философские, исторические и юридические аспекты»*. 2012.
15. Малеина М.Н. Право на доступ к объекту культурного наследия (на примере музея-квартиры) // *Охрана объектов культурного наследия: национальный и международный опыт: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции*. 2018.
16. Миллер А., Липман М. *Историческая политика в 21 веке*. М., 2002.
17. Напсо М.Б. Права народов: единство и противоречие коллективных и индивидуальных этнических прав // *Современное право*. № 1. 2018.
18. Напсо М.Б. Российское законодательство о праве на национальную идентичность и праве на самобытность // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. № 9(50). 2007.
19. Пузырева Ю.В., Котляров И.И. Международно-правовые аспекты деятельности органов внутренних дел России // *Московский журнал международного права*. № 3. 2015.
20. Рузина А.Ю. Принцип конституционной идентичности и права личности: в поиске золотого сечения // *Baikal research journal*. Т. 12. № 4. 2021.
21. Сазонникова Е.В. Память о защитниках отечества и защита исторической правды как конституционные ценности // *Конституционное и муниципальное право*. № 10. 2020.
22. Синицына В.А. Право на охрану объектов культурного наследия // *Вопросы российской юстиции*. № 18. 2022.
23. Тагиев М.Н. Некоторые вопросы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против культурного наследия // *Сборник статей Международной научно-практической конференции*. 2012.

24. Ужанов А.Е. Проблемы сохранения и защиты советских военных памятников и памятных мест в Европе // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2018.
25. Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Принцип национальной идентичности российского государства и общества: содержание и особенности реализации // Культура: управление, экономика, право. №1. 2021.
26. Фалалеева И.Н., Гаврилова В.Д. Защита исторической правды – новое направление государственной политики российской федерации // Право и практика. № 4. 2021.
27. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М., 2016.
28. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник российской академии наук. Т. 90. № 5. 2020.
29. Чулисова Ю. А. Конституционно-правовая охрана объектов нематериального культурного наследия в России: проблемы и перспективы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 22. №1. 2022.
30. Шарипов И.И. Ответственность за нарушение обязанности по сохранению исторического и культурного наследия // Общество, государство, личность: Проблемы взаимодействия в современных условиях: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. 2022.
31. Ширкова И.В. Права человека как социокультурная реальность современного общества // Формы культуры и противоречия современного общества: материалы международной научной конференции. Сер. «Социально-гуманитарные исследования ученых Донбасса». №5. 2019.
32. Янович М.В. Конституционное право на доступ к объектам культурного наследия в Финляндии // Современные научные исследования и разработки. № 5(13). 2017.
33. Янович М.В. Реализация принципа единства и взаимодействия конституционных прав и обязанностей в отношении объектов культурного наследия // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. № 2(82). 2015.
34. Янович М.В. Содержание конституционной обязанности в отношении объектов культурного наследия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №9-1 (59). 2015.

MEMORIAL LAW: NATIONAL AND INTERNATIONAL ASPECTS

Introduction. This article conducts an interdisciplinary study of memory policy, which includes terminological explication and legal analysis of concepts similar in meaning, assessment of the relevance and need to legalize terms related to memory policy, determination of the effectiveness of official memory policy, prediction of its political and social consequences in the long term and exploring the normative limits of national memorial legislation. The purpose of the study is the conceptualization of memorial law.

Materials and methods. The main research method is participant observation of the processes of implementation in Russian society and abroad of the concepts of national, historical and social memory, as well as the construction of norms and regulations for establishing legal relations in the field of conservation of military memorial heritage objects. Methods of express diagnostics of problem situations, legal assessment of incidents, sociological and expert surveys (including questionnaires and testing), and modeling were used.

Research results. As a result of the study, the need to develop a special federal law on the protec-

tion of the military memorial heritage of the Russian Federation, as well as the development of an international (universal) Charter (Convention) on the protection of military memorial heritage sites formed as a result of the Second World War, was substantiated.

Discussion and conclusion. It has been established that there is no single position in the scientific community regarding the need for memorial legislation. This largely depends on the political and ideological preferences of a particular author. At the same time, it was concluded that in legal science the conceptual foundations for the formation of memorial law as a special legal complex for the preservation, transmission and protection of historical memory and memorial (war memorial) heritage have been poorly studied. In addition, both at the level of legal doctrine and according to law enforcement practice, the issue of the status and legal means of preserving military memorial heritage has been practically not studied. In this connection, the authors propose the development of a Union Nation Charter for the Protection of Military Memorial Heritage for the purpose of holistic and comprehensive legal regulation of the area under study.

Anton A. Vasiliev,
Doctor of Law, Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Altai State University,
Altai Territory, Russia

Alexander E. Uzhanov,
Candidate of Sociological Sciences,

Associate Professor of Moscow State Institute
of International Relations, Moscow, Russia

Yulia V. Pechatnova,
teacher of the Department of Theory
and History of State and Law, Altai State
University, Altai Territory,
Russia

Ключевые слова:

политика памяти, социальная
ответственность, социальная память,
историческая память, мемориальное право,
международное правовое регулирование,
мемориальное законодательство, военно-
мемориальное наследие, Хартия ООН

Keywords:

memory policy, social responsibility, historical
memory, military memorial heritage, Union
Nation Charter, memorial law, memorial
legislation, international legal regulation

References:

1. O'Keefe, R., 2007. The protection of cultural property in armed conflict. *Amicus Curiae*. Issue 71.
2. Artamonov, D.S., Tihonova, S.V., 2021. Istoricheskaya spravdlivost' v sisteme celej gosudarstvenno-pravovoj politiki pamyati RF [Historical justice in the system of goals of state-legal policy of memory of the Russian Federation]. *Spravdlivost' v postsovetском pravoporyadke: ponyatie, princip, cel': Sbornik statej nauchnoj konferencii [Justice in the post-Soviet legal order: concept, principle, goal: Collection of articles of a scientific conference]*.
3. Astafichev, P.A., 2020. Obespechenie zashchity istoricheskoy pravdy kak novyj princip v konstitucionnom prave sovremennoj Rossii [Ensuring the protection of historical truth as a new principle in the constitutional law of modern Russia]. *Pravoprimerenie [Law enforcement]*. Volume 4. No. 4.
4. Baldin, I.A., 2020. Sistema zakonodatel'stva RF po sohraneniю ob'ektov kul'turnogo naslediya na vseh urovniah (federal'nyj, regional'nyj i municipal'nyj) [The system of legislation of the Russian Federation for the preservation of cultural heritage sites at all levels (federal, regional and municipal)]. *Antropologiya prava i pravovoj plyuralizm [Anthropology of law and legal pluralism]*.
5. Boguslavsky, M.M., 1994. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [International private law]. Moscow.
6. Vasil'ev, A.A., Uzhanov, A.E., 2023. Voenno-memorial'noe nasledie, kak social'nyj fenomen i mezhdunarodno-pravovaya problema: na puti resheniya [Military memorial heritage as a social phenomenon and international legal problem: towards a solution]. *Nadezhnost' i bezopasnost' energetiki [Reliability and security of energy]*. Volume 16. No. 1.
7. Vasil'eva, L.N., 2019. Nacional'nyj yazyk kak chast' nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [National language as part of intangible cultural heritage]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyj audit [Bulletin of Moscow University. Episode 26: State audit]*. No. 2.
8. Gaponenko, L.B., 2020. Konstruirovaniye nacional'noj identichnosti v kontekste politiki pamyati [Construction of national identity in the context of memory politics]. *Diskurs-Pi [Discourse-Pi]*. Volume 17. No. 3(40).
9. Glikman, O.V., 2003. Mekhanizm kontrolya za soblyudeniem obyazatel'stv gosudarstv-chlenov Mezhdunarodnoj Organizacii Truda (MOT) [Mechanism for monitoring compliance with the obligations of member states of the International Labor Organization (ILO)]. *Yurist-mezhdunarodnik [International Lawyer]*. No. 4.
10. Ivanova, Zh.B., 2022. Osobennosti pravovogo regulirovaniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v Respublike Belarus' i Rossijskoj Federacii [Features of the legal regulation of intangible cultural heritage in the Republic of Belarus and the Russian Federation]. *Chetvertye civilisticheskie chteniya pamyati professora M.G. Proninoj: sbornik materialov [Fourth civil readings in memory of Professor M.G. Pronina: collection of materials]*.
11. Ivanova, Zh.B., 2022. Pravovye osnovy ohrany nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v Rossii i Kitae [Legal basis for the protection of intangible cultural heritage in Russia and China]. *Ohrana i zashchita prav i zakonnyh interesov v sovremennom prave: sbornik statej po rezul'tatam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law: a collection of articles based on the results of the international scientific and practical conference]*. Volume 1.
12. Kovalishina, K.V., 2023. Problema obespecheniya prav na nematerial'noe kul'turnoe nasledie v Respublike Indiya [The problem of ensuring rights to intangible cultural heritage in the Republic of India]. *Okeanskij menedzhment [Ocean Management]*. No.1 (19).

13. Kotlyarov, I.I., 2011. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo o zapreshchennyh sredstvakh vedeniya vojny [International humanitarian law on prohibited means of warfare]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow journal of international law]. Volume 1. No. 8.
14. Kucarova, M., 2012. Pakt Reriha – osnova mezhdunarodnoj pravovoj sistemy zashchity cennostej kul'tury i ee budushchee [The Roerich Pact is the basis of the international legal system for the protection of cultural values and its future]. *Sbornik materialov «Kul'turnoe nasledie: filosofskie, istoricheskie i yuridicheskie aspekty»* [Collection of materials "Cultural Heritage: Philosophical, Historical and Legal Aspects"].
15. Maleina, M.N., 2018. Pravo na dostup k ob"ektu kul'turnogo naslediya (na primere muzeya-kvartiry) [The right to access an object of cultural heritage (using the example of an apartment museum)]. *Ohrana ob"ektov kul'turnogo naslediya: nacional'nyj i mezhdunarodnyj opyt: Sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Protection of cultural heritage objects: national and international experience: Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific-practical conference].
16. Miller, A., Lipman, M., 2002. Istoricheskaya politika v 21 veke [Historical politics in the 21st century]. Moscow.
17. Napso, M.B., 2018. Prava narodov: edinstvo i protivorechie kollektivnyh i individual'nyh etnicheskikh prav [Rights of peoples: unity and contradiction of collective and individual ethnic rights]. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. No. 1.
18. Napso, M.B., 2007. Rossijskoe zakonodatel'stvo o prave na nacional'nyu identichnost' i prave na samobytnost' [Russian legislation on the right to national identity and the right to originality]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after: A.I. Herzen]. No. 9(50).
19. Puzyreva, Yu.V., Kotlyarov, I.I., 2015. Mezhdunarodno-pravovye aspekty deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossii [International legal aspects of the activities of Russian internal affairs bodies]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. No. 3.
20. Ruzina, A.Yu., 2021. Princip konstitucionnoj identichnosti i prava lichnosti: v poiske zolotogo secheniya [The principle of constitutional identity and individual rights: in search of the golden ratio]. *Baikal research journal*. Volume 12. No. 4.
21. Sazonnikova, E.V., 2020. Pamyat' o zashchitnikah otechestva i zashchita istoricheskoy pravdy kak konstitucionnye cennosti [Memory of the defenders of the fatherland and the protection of historical truth as constitutional values]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. No. 10.
22. Sinicya, V.A., 2022. Pravo na ohranu ob"ektov kul'turnogo naslediya [The right to protect cultural heritage objects]. *Voprosy rossijskoj yusticii* [Issues of Russian justice]. No. 18.
23. Tagiev, M.N., 2012. Nekotorye voprosy ugovolno-pravovoj bor'by s prestupleniyami protiv kul'turnogo naslediya [Some issues of the criminal legal fight against crimes against cultural heritage]. *Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference].
24. Uzhanov, A.E., 2018. Problemy sohraneniya i zashchity sovetskikh voennykh pamyatnikov i pamyatnykh mest v Evrope [Problems of preservation and protection of Soviet military monuments and memorial sites in Europe]. *Nauchno-issledovatel'skij centr problem nacional'noj bezopasnosti* [Research Center for National Security Problems].
25. Umnova-Konyuhova, I.A., Aleshkova, I.A., 2021. Princip nacional'noj identichnosti rossijskogo gosudarstva i obshchestva: sodержание i osobennosti realizacii [The principle of national identity of the Russian state and society: content and features of implementation]. *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo* [Culture: management, economics, law]. No. 1.
26. Falaleeva, I.N., Gavrilova, V.D., 2021. Zashchita istoricheskoy pravdy – novoe napravlenie gosudarstvennoj politiki rossijskoj federacii [Protection of historical truth - a new direction of state policy of the Russian Federation]. *Pravo i praktika* [Law and practice]. No. 4.
27. Habrieva, T. Ya., 2016. Konstitucionnaya reforma v sovremennom mire [Constitutional reform in the modern world]. Moscow.
28. Habrieva, T.Ya., 2020. Konstitucionnaya reforma v Rossii: v poiskah nacional'noj identichnosti [Constitutional reform in Russia: in search of national identity]. *Vestnik rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. Volume 90. No. 5.
29. Chulisova, Yu. A., 2022. Konstitucionno-pravovaya ohrana ob"ektov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [Constitutional and legal protection of objects of intangible cultural heritage in Russia: problems and development prospects]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [News of Saratov University. New episode. Series: Economics. Control. Right]. Volume 22. No. 1.
30. Sharipov, I.I., 2022. Otvetstvennost' za narushenie obyazannosti po sohraneniyu istoricheskogo i kul'turnogo naslediya [Responsibility for violation of the obligation to preserve historical and cultural heritage]. *Obshchestvo, gosudarstvo, lichnost': Problemy vzaimodejstviya v sovremennykh usloviyakh: sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Society, state, personality: Problems of interaction in modern conditions: collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference].

31. Shirkova, I.V., 2019. Prava cheloveka kak sociokul'turnaya real'nost' sovremennogo obshchestva [Human rights as a sociocultural reality of modern society]. *Formy kul'tury i protivorechiya sovremennogo obshchestva: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ser. «Social'no-gumanitarnye issledovaniya uchenyh Donbassa» [Forms of culture and contradictions of modern society: materials of the international scientific conference. Ser. "Social and humanitarian studies of Donbass scientists."].* No. 5.
32. Yanovich, M.V., 2017. Konstitucionnoe pravo na dostup k ob'ektam kul'turnogo naslediya v Finlyandii [Constitutional right to access cultural heritage sites in Finland]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki [Modern scientific research and development].* No. 5(13).
33. Yanovich, M.V., 2015. Realizaciya principa edinstva i vzaimodejstviya konstitucionnyh prav i obyazannostej v otnoshenii ob'ektov kul'turnogo naslediya [Implementation of the principle of unity and interaction of constitutional rights and obligations in relation to objects of cultural heritage]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva [Bulletin of the Volzhsky University named after: V.N. Tatishcheva].* No. 2(82).
34. Yanovich, M.V., 2015. Soderzhanie konstitucionnoj obyazannosti v otnoshenii ob'ektov kul'turnogo naslediya [Contents of the constitutional obligation in relation to objects of cultural heritage]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice].* No. 9-1 (59).

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА ПО ПРИСОЕДИНЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА К ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 1950 г. (2019-2023).

Никита Цвейба*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-85-94

Введение. В статье рассматриваются основные этапы и достижения в деятельности *ad hoc* группы (46+1) по итогам прошедших 14 раундов переговорного процесса по присоединению Европейского союза к Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г. Автором исследуются основополагающие проблемы, препятствовавшие присоединению Европейского союза к Европейской Конвенции в 2013 году, а также новеллы, включенные в пересмотренный проект Соглашения о присоединении Европейского союза к Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г., такие как применение статьи 33 и 53 Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г., а также Протокола № 16 к ней в отношении права Европейского союза.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере европейского права: метод-системно-структурного анализа, метод синтеза социальных явлений, сравнительно-правовой метод, формально-логический метод. Для отдельных вопросов к исследованию привлечены статистические данные. Для выявления дальнейших векторов развития взаимодействия указанных выше судебных органов используется контент-анализ.

Результаты исследования. По итогам исследования автор приходит к выводу, что основными проблемами, препятствующими присоединению Европейского Союза к Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г., являются особенности применения статьи 33 и 53 Европейской конвенции о защите прав человека и Протокола № 16 к ней в отношении права Европейского союза, а также нежелание Европейского союза ограничивать суверенитет и автономию права Европейского союза в целях усиления европейской системы защиты прав человека.

* **Цвейба Никита Алхасович**, аспирант кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
e-mail: tsveiba97@gmail.com
ORCID ID: 0009-0003-4885-083X

Обсуждение и заключение. Корректировки, проведенные *ad hoc* группой (46+1) в отношении Соглашения о присоединении, весьма существенны и, с одной стороны, даже излишни. Они полностью покрывают замечания, указанные в Заключении Суда Европейского союза № 2/13 и одновременно устраивают представителей Европейского союза, что дает основания полагать о позитивном завершении процесса по присоединению. Безусловно, в случае присоединения Европейского союза к Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г., права и свободы человека и их гарантии выйдут на новый уровень, так как их защита будет носить комплексный характер.

Введение

Присоединение Европейского союза (далее – ЕС, Евросоюз, Союз) к Европейской конвенции по правам человека 1950 г.¹ (далее – ЕКПЧ, Европейская конвенция, Конвенция) активно обсуждается в европейском политическом и юридическом сообществе с 70-х годов XX века. Первые попытки по присоединению были инициированы Европейской комиссией, которая подготовила меморандум о присоединении ЕС к ЕКПЧ. Меморандум признавал высокую ценность ЕКПЧ как основополагающего акта в сфере защиты прав человека в Европе, а также подтверждал готовность Евросоюза присоединиться к Конвенции [1. С. 34]. В 1994 году Европейская комиссия обратилась в Суд Европейского союза (далее – Суд Союза, Суд ЕС, Люксембургский суд) с запросом о возможности присоединения ЕС к ЕКПЧ. В том же году Люксембургский суд в Заключении 2/94² заявил об отсутствии полномочий у Союза по присоединению к ЕКПЧ, ввиду отсутствия необходимых положений в учредительных договорах Союза.

Указанная проблема была устранена только спустя 12 лет, когда в 2007 году был разработан Лиссабонский договор³, статья 6 которого предусматривала возможность присоединения Союза к Европейской конвенции. Советом Европы также предпринимались встречные действия по подготовке юридической базы для присоединения ЕС к ЕКПЧ. Еще в 2004 году в Протокол № 14 Конвенции⁴ была включена статья 18, устанавливающая, что ЕС может присоединиться к Конвенции.

Несмотря на то, что обе организации подготовили необходимую правовую базу для присоединения, требовалось также разработать правовую основу для регулирования процесса вступления. В связи с чем в марте 2011 года рабочая группа, состоящая из представителей Евросоюза и Совета Европы, подготовила проект Соглашения о присоединении ЕС к Конвенции.⁵

Статья 218 Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЭС) содержит положение, дающее возможность институтам Союза или государствам-членам, провести проверку международного договора, который планирует заключить

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г., Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 28.11.2023).

² Opinion 2/94 of the Court of 28 March 1996 on the Accession by the Community to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?pro=AVIS&num=c-2/94> (дата обращения: 28.11.2023).

³ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union - Consolidated version of the Treaty on European Union - Protocols - Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007 - Tables of equivalences. Official Journal C 326, 26/10/2012 P. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:32013R0604> (дата обращения: 28.11.2022).

⁴ Протокол N 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Вносящий изменения в Контрольный механизм Конвенции» (Страсбург, 13 мая 2004 г.) URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440803/2440803.htm> (дата обращения: 28.11.2023).

⁵ Council of Europe, meeting report 47+1(2013). Fifth negotiation meeting between the CDDH and the European commission on the accession of the European union to the European Convention on Human Rights Strasbourg, 5 April 2013. URL: <https://rm.coe.int/47-1-2013-r05-en/1680a3f623> (дата обращения: 28.11.2023).

ЕС, на его соответствие праву Союза. На основании указанной нормы 4 июля 2013 года Комиссия потребовала у Суда ЕС дать заключение относительно того, соответствует ли Соглашение о присоединении ЕС к ЕКПЧ праву ЕС. В декабре следующего года Суд ЕС дал свое Заключение 2/13⁶, в котором было указано, что предлагаемые меры по присоединению ЕС к ЕКПЧ несовместимы с правом ЕС, противоречат его сущности и основополагающим принципам. Среди прочих замечаний отдельный акцент Суд ЕС сделал на трех:

- *Проект соглашения о присоединении не содержит ограничений по применению статьи 33 Европейской конвенции.* В соответствии с указанной статьей государства-члены Конвенции могут подавать межгосударственные жалобы в случае если есть основания полагать, что конкретное государство-член Конвенции нарушило положения ЕКПЧ и Протоколов к ней. Вместе с тем в соответствии со статьей 344 ДФЕС государства-члены Союза неправомерно разрешать споры, связанные с правом ЕС, иными способами нежели чем те, которые предусмотрены учредительными договорами ЕС, то есть подобного рода споры должны решаться в Суде ЕС. Евросоюз опасался, что при вступлении в ЕКПЧ у его государств-членов на основании статьи 33 ЕКПЧ откроется возможность подачи жалоб против самого Союза, причем такая жалоба будет рассматриваться Европейским судом по правам человека, таким образом действия Союза будут подвергнуты внешнему контролю ЕСПЧ, да еще и с «подачи» его государства-члена [6. С. 20].

- *Проект соглашения о присоединении умаляет значение преюдициальной процедуры в рамках Суда ЕС.* Так, Протокол № 16⁷ к ЕКПЧ, дает возможность высшим национальным судебным органам и трибуналам государств-членов Совета Европы запрашивать консультативные заключения у ЕСПЧ по вопросам применения прав, гарантируемых ЕКПЧ и Протоколами к ней. Вместе с тем в соответствии с пунктом 3 статьи 267 ДФЕС

высшие судебные инстанции государств-членов Союза обязаны направлять преюдициальный запрос в Суд ЕС, если у них возникает потребность в разъяснении и интерпретации норм права ЕС. Опасения Суда ЕС и самого Евросоюза сводились к тому, что нормы Протокола № 16 дают возможность национальным судам государств-членов Конвенции обратиться с запросом о разъяснении правовой нормы в ЕСПЧ, а не воспользоваться механизмом преюдициальной процедуры предусмотренной правом ЕС [5. С. 122]. По мнению Суда ЕС, возникновение подобных ситуации неминуемо при присоединении ЕС к ЕКПЧ, а проект Соглашения о присоединении не устанавливает никаких лимитов и ограничений.

Подобное мнение Суда ЕС абстрагировано от реальности, более того оно не ставит в учет механизмы существующие в праве ЕС, которые препятствуют недопущению подобных ситуаций [15. С. 430]. По этому вопросу существует достаточно яркая позиция генерального адвоката А. Коккот⁸, которая заявила, что для недопущения подобной ситуации пункт 3 статьи 267 ДФЕС содержит конкретное решение, так как налагает обязанность на национальные судебные органы обращаться в Люксембургский суд в рамках преюдициальной процедуры. ДФЕС – является актом первичного права Союза и обладает абсолютным верховенством в отношении национальных норм государств-членов ЕС, отступление от него невозможно и недопустимо. В случае если национальный судебный орган все-таки захочет обойти данную максиму, против государства-члена будут приняты серьезные меры и санкции [2. С. 43]. В связи с указанным, Суду Союза совсем не следовало акцентировать свое внимание и уж тем более не следовало выносить данный вопрос в отдельную повестку.

- *Проектом Соглашения о присоединении не устанавливаются ограничения по применению статьи 53 Конвенции,* которая допускает возможность установления повышенных стандартов защиты прав человека, нежели чем те, которые установлены в са-

⁶ Opinion of the Court (Full Court) of 18 December 2014. Accession of the European Union to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms — Compatibility of the draft agreement with the EU and FEU Treaties Case Opinion 2/13 URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-2/13> (дата обращения 28.11.2023).

⁷ Протокол № 16 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод о запросе консультативных заключений по ключевым вопросам толкования или применения прав и свобод, закрепленных в ЕКПЧ от 2 октября 2013 г. URL: <https://rm.coe.int/1680a6ead4> (дата обращения: 28.11.2023).

⁸ View of Advocate General Kokott delivered on 13 June 2014. Opinion pursuant to Article 218(11) TFEU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62013CP0002> (дата обращения: 28.11.2023).

мой Конвенции. Так, в практике Суда ЕС неоднократно подчеркивалось, что неисполнение обязательств, вытекающих из права ЕС государством-членом на основании исполнения иных норм, содержащих более высокие гарантии и стандарты защиты прав человека, не является основанием для исключения ответственности в рамках прав ЕС, ярким примером является дело «Melloni»⁹. Тем самым Люксембургский суд посчитал, что проект Соглашения в обязательном порядке должен включать в себя норму, которая ограничивает применение указанной статьи Конвенции. Логика Союза вполне очевидна, он пытается не дать возможность государствам-членам, пользуясь положением статьи 53, отойти от своих обязательств в рамках Евросоюза. [4. С. 53].

Многие экспертные мнения сводятся к тому, что Люксембургский суд просто неправильно воспринял трактовку статьи 53 Конвенции, которая устанавливает только возможность повышения стандартов защиты прав человека, а не требует того в принудительном порядке [8. С. 213].

Указанные причины, отраженные в заключении Суда ЕС привели к тому, что процесс присоединения ЕС к ЕКПЧ был приостановлен. Позиция Люксембургского суда о недопустимости ущемления автономии права ЕС не оставила никаких возможностей для положительного исхода [16. 49].

Президент ЕСПЧ Д. Шпильман заявил, что Заключение Суда ЕС является «большим разочарованием» и будет носить негативные последствия для европейских граждан. Само по себе присоединение ЕС к ЕКПЧ, знаменовало бы собой высокую сплочённость и единство европейцев и могло бы оказать колоссальный эффект на развитие системы защиты прав человека в Европе, однако однополярная позиция Суда ЕС и Евросоюза стала камнем преткновения в достижении указанных целей [12. С. 435].

Вместе с тем отрицательное Заключение Суда ЕС вовсе не означало, что вопрос по присоединению был снят с повестки дня [6. С. 22]. Евросоюз и Совет Европы спустя 5 лет все-таки смогли собрать свою «политическую волю в кулак» и уже в 2019 году вновь объявили о возобновлении переговоров по присоединению Союза к Конвенции.

Исследование

После официального объявления представителями Союза и Совета Европы о возобновлении переговоров по присоединению ЕС к ЕКПЧ была сформирована *ad hoc* группа (47+1) под председательством представителя из Норвегии Тони Мейнич (после выхода Российской Федерации из Совета Европы - *ad hoc* группа (46+1).

Надо заметить, что представители Российской Федерации принимали самое активное участие в переговорном процессе и высказывали самые смелые предложения и решения. Так, в рамках одной из встреч *ad hoc* группы (47+1), которая состоялась с 7 по 10 декабря 2021 года Российская Федерация направила свою письменную позицию, тем самым высказав свою мнение по сложившейся проблематике¹⁰. Позиция очень четкая, но достаточно резкая. Подробного рода позиция, конечно, затрудняет переговорный процесс, но тем самым дает четкое понимание складывающейся ситуации.

В своем заявлении делегация от Российской Федерации указывает, что Европейская конвенция по правам человека 1950 г. и Протоколы к ней образуют свод международного права, который независим и отделен от свода права ЕС. Трудности, возникающие при одновременном применении как права ЕСПЧ, так и права ЕС в случаях, когда они пересекаются (касаются одного и того же предмета, т.е. прав человека), в первую очередь связаны с попытками трактовать их как принадлежащие к одной правовой системе и одновременно выделять приоритет одной системы над другой. Естественно, такой подход очень трудно согласовать с позициями о том, что ЕСПЧ следует считать высшей инстанцией по вопросам права ЕСПЧ, а Суд ЕС – по праву ЕС. Возможным способом выхода из замкнутого круга, по мнению нашей делегации, является смена парадигмы: не рассматривать обе отрасли права как часть одного правового пространства, а исходить из их самостоятельного и обособленного характера. И ЕСПЧ, и Суд ЕС должны быть хозяевами своей собственной области, каждый из которых может выносить решения, регулирующие применение его собственного

⁹ Judgment of the Court (Grand Chamber), 26 February 2013. Stefano Melloni v Ministerio Fiscal. Case C 399/11. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62011CJ0399> (дата обращения: 28.11.2023).

¹⁰ Council of Europe, meeting report, 12-th meeting of the CDDH *ad hoc* negotiation group ("47+1") on the accession of the European Union to the European Convention on Human Rights, 10 December 2021. URL: <https://rm.coe.int/cddh-47-1-2021-r12-en/1680a4e547> (дата обращения: 28.11.2023).

свода законов, не нарушая при этом сферу компетенции другого Суда. Такой подход можно согласовать с любым из двух судов, поскольку он будет соответствовать позициям, которые они уже отстаивали. Четкое и прямое положение в Соглашении, разделяющее две правовые системы и защищающее компетенцию каждого судебного органа в рамках своего собственного свода законов должно решить эту проблему.

В завершение приводится пример взаимодействия системы ЕСПЧ и правового пространства ООН, по мнению представителей Российской Федерации, система ЕСПЧ уже давно сосуществует с правовым пространством ООН в области прав человека, и, хотя существуют очевидные несоответствия, они никогда не рассматривались как исключаящие участие государств-участников ЕСПЧ в других договорах по правам человека.

В настоящее время *ad hoc* группа (46+1) включает в себя 46 представителей от Совета Европы (по одному представителю от каждого государства-члена Совета Европы) и делегацию от Евросоюза, которая включает в себя представителей всех институтов и органов ЕС, а также представителей Суда ЕС.

Первое заседание *ad hoc* группы (47+1) прошло в понедельник 29 сентября 2020 года в формате видеоконференцсвязи. На первом же заседании был принят план действий, так называемая повестка предстоящей работы. Помимо официальных представителей участие в первой встрече также принимали 70 независимых наблюдателей, которые неправомерно вмешиваться в процесс принятия решений и предлагать свои позиции в рамках слушаний [11. С. 248].

Главой делегации от Совета Европы Меленой Куневой была озвучена очень воодушевляющая речь, полная надежды и стремления к присоединению ЕС к ЕКПЧ. Кунева заявила, что присоединение ЕС к ЕКПЧ будет являться знаковым событием для всей Европы и поможет достичь цель по усилению пан-Европейской системы защиты прав человека. Кунева также заявила, что присоединение ЕС к ЕКПЧ является самой приоритетной задачей, поставленной перед Советом Европы и выразила надежду, что Евросоюзу

хватит политической воли для того чтобы завершить процесс по присоединению¹¹.

Кроме того, на первом заседании была озвучена позиция Европейской комиссии, которая выглядит как некоего рода меморандум. В заявлении Комиссии говорилось, что государствами-членами Союза и Европейской комиссией заблаговременно перед возобновлением переговоров была проведена работа по пересмотру Заключения Суда ЕС 2/13 и определены важнейшие реперные точки, которые являются основополагающими для Европейского Союза, так как подчеркивают специфические характеристики его права. Комиссия также заявила, что для того чтобы достичь поставленной цели Союз готов сбалансировать замечания Суда ЕС, указанные в заключении, с положениями соглашения о присоединении. По мнению Комиссии, основными проблемными аспектами, которые необходимо разрешить, являются вопросы применения статьи 33 и 53 Конвенции, а также Протокола № 16 в отношении Европейского союза, в случае его присоединения к ЕКПЧ.

В рамках первой рабочей встречи *ad hoc* группы (47+1) было решено разбить все проблемные аспекты по четырем направлениям или секциям. Главным знаменателем, который лежит в основе объединения того или иного проблемного вопроса в одну секцию, является схожесть проблемы и наличие общих рисков. Вопрос применения статьи 33 и 53 Конвенции, а также Протокола № 16 был включен во вторую секцию.

В рамках того же заседания *ad hoc* группа заявила (47+1), что в качестве нормативной базы для присоединения будет использоваться уже существующий проект Соглашения о присоединении от 2013 года¹². Планировалось доработать проект Соглашения о присоединении, дополнив его нормами, которые отвечают интересам ЕС и соответствуют замечаниями Суда ЕС, указанным в его заключении.

С момента возобновления переговоров по присоединению ЕС к ЕКПЧ в 2019 году *ad hoc* группа провела 14 встреч, или, как их называет сама *ad hoc* группа, «раундов». Последний раунд состоялся 17 марта 2023 года,

¹¹ Council of Europe, meeting report 47+1(2020). Virtual informal meeting of the CDDH *ad hoc* negotiation group ("47+1") on the accession of the European union to the European Convention on Human Rights, 29 September 2020 URL: <https://rm.coe.int/cddh-47-1-2020-rinf-en/16809efeda> (дата обращения: 28.11.2023).

¹² Council of Europe, meeting report 47+1(2020). Virtual informal meeting of the CDDH *ad hoc* negotiation group ("47+1") on the accession of the European union to the European Convention on Human Rights, 29 September 2020 URL: <https://rm.coe.int/cddh-47-1-2020-rinf-en/16809efeda> (дата обращения: 28.11.2023).

по итогам которого председатель ad hoc группы (46+1) Тони Мейнич опубликовала доработанный проект Соглашения о присоединении ЕС к ЕКПЧ. Анализ доработанного проекта Соглашения помимо прочего показывают, что ad hoc группа (46+1) учла все требования и замечания Суда ЕС, касающиеся применения статьи 33 и 53 Конвенции, а также Протокола № 16.

Так, статья 4 проекта Соглашения «межгосударственные жалобы» дополняется пунктом 3 и 4. Пункт 3 гласит, что Евросоюз и его государства-члены в рамках своего взаимодействия не могут применять статью 33 ЕКПЧ. Кроме того, государства-члены Союза не могут применять статью 33 ЕКПЧ, если возникший между ними спор связан с применением или толкованием права Союза. Пункт 4 налагает обязанность на ЕСПЧ предоставить Евросоюзу достаточное количество времени для определения вопроса связана ли поданная в соответствии со статьей 33 ЕКПЧ межгосударственная жалоба с применением или толкованием норм Европейского права. Таким образом, новеллы, введенные в статью 4 проекта Соглашения, ни только ограничивают применение статьи 33 ЕКПЧ государствами-членами ЕС, но также вводят механизм, в соответствии с которым рассмотрение межгосударственной жалобы может быть приостановлено, в случае если предметом спора являются нормы прав Европейского союза.

Проект соглашения также дополняется статьей 5, регулирующей применение Протокола № 16 к ЕКПЧ. В соответствии с указанной статьей высший национальный судебный орган или трибунал государства-члена, ратифицировавшего Протокол № 16 к ЕКПЧ, не признается высшим национальным судебным органом и не может обратиться в ЕСПЧ с запросом о толковании и применении ЕКПЧ и Протоколов к ней, если вопрос, требующий разъяснения связан с нарушением прав и свобод человека в результате применения норма права Европейского союза. Тем самым, указанная норма вынуждает высший национальный судебный орган, исходя из содержания статьи 267 ДФЕС, направить преюдициальный запрос в Суд

ЕС и именно от Люксембургского суда получить соответствующие разъяснения.

В целях исключения опасений Суда ЕС связанных с применением положений 53 статьи ЕКПЧ проект Соглашения о присоединении ЕС к ЕКПЧ¹³ дополняется пунктом 8, которые устанавливает, что статья 53 Конвенции не ограничивает Союз и Совет Европы в установлении совместно оговоренного обязательного уровня защиты прав и свобод человека с требованием что, установленный Союзом и Советом Европы уровень прав человека не будет ниже того уровня, который гарантирован Конвенцией и Протоколам к ней.

Ad hoc группой (46+1) представила дополнительные разъяснения к данной статье, в соответствии с которыми оговоренный обязательный уровень защиты прав и свобод человека может быть установлен в рамках международного или европейского сотрудничества (к примеру, Европейский союз может прописать данную максиму в актах, регулирующих отношения Союза с конкретно взятым государством-членом). В пояснении также говорится, что Конвенция не требует от государства-члена устанавливать более высокие уровень защиты прав и свобод граждан, нежели чем тот, который гарантируется ей.

Таким образом, Европейский союз совместно с государствами-членами может оговаривать пределы и лимиты, в соответствии с которыми будет осуществляться обеспечение и гарантия защиты прав и свобод человека, тем самым будут исключены случаи, когда государства-член откажется от исполнения норм, вытекающих из прав ЕС, ссылаясь на статью 53 Конвенции.

Подобного рода определение лимитов займет какое-то время, вместе с тем, учитывая прогрессивную правоприменительную деятельность Суда ЕС, есть надежды, что такие рамки вскоре будут установлены по большому количеству частотных правонарушений. Такая деятельность будет в особенности полезна для дел связанных с применением Дублинских правил и регламента Брюссель 1, а также приостановит нарушения, вытекающие из слепого использования принципа взаимного доверия.

¹³ Council of Europe, meeting report 46+1 (2023) 18-th meeting of the CDDH ad hoc negotiation group ("46+1") on the accession of the European union to the European Convention on Human Rights URL: [chrome-extension://efaidn-bmnnibpcajpcgcldefindmkaj/https://rm.coe.int/meeting-report-18th-meeting/1680aa9807](https://rm.coe.int/meeting-report-18th-meeting/1680aa9807) (дата обращения: 28.11.2023).

В данном контексте уместно вспомнить дело *M.N. and others v. Belgium* №3599/18¹⁴ от 6 мая 2020 года, где Большая палата ЕСПЧ также озвучила, что статья 53 Конвенции не обязывает государство-члена устанавливать более высокий уровень защиты прав и свобод человека, требования статьи 53 связаны только с нижним порогом такой защиты, который не может быть ниже того, что гарантируется самой конвенцией и Протоколами к ней.

Заключение

Анализ проекта Соглашения о присоединении ЕС к ЕКПЧ демонстрирует высокое стремление обеих сторон завершить процесс присоединения. Вместе с тем учитывая содержание новелл, разработанных *ad hoc* группой (46+1), можно сделать вывод о том, что Совет Европы идет на беспрецедентные уступки для того чтобы поддержать позицию Европейского союза и в очередной раз подтвердить особый статус его права.

По мнению большого количество специалистов в сфере европейского права, львиная доля замечаний Суда ЕС, указанных в его Заключении 2/13 просто на просто «притянута за уши» [17. С. 28]. Так, к примеру, если государство-член Союза нарушит положение пункта 3 статьи 267 ДФЕС и не воспользуется преюдициальной процедурой, у Европейского союза есть действенный механизм принуждения, а именно иск о неисполнении обязательств. Таким образом, дополнительное ограничение в применении государствами-членами ЕКПЧ, одновременно входящими в Евросоюз Протокола № 16, не вполне разумно и носит всего лишь декларативный характер.

Подобного рода требования Европейского союза связаны с его большой потребностью упрочить свое политическое влияние в Европе, а также установить свою гегемонию и авторитет при разрешении дел в сфере защиты прав человека [18. С. 2017]. Идя

на такие серьезные уступки, Совет Европы рискует потерять доминантную позицию в сфере защиты прав человека в Европе.

Уступки, на которые идет Совет Европы для удовлетворения амбиций Союза также прослеживаются в иных новеллах, включенных в проект Соглашения о присоединении. Наиболее ярко это заметно при анализе применения механизма соответчика в рамках процесса ЕСПЧ, а также в лишении ЕСПЧ самостоятельно определять меру ответственности между ответчиком и соответчиком в процессе. Указанные аспекты детально рассмотрены автором в рамках исследований, опубликованных в иных отечественных научно-исследовательских изданиях, а также в работах, готовящихся к публикации в таких научно-исследовательских журналах, как «Теория и практика общественного развития» и «Законы России: опыт, анализ и практика» [9. С. 90].

Вместе с тем корректировки, проведенные *ad hoc* группой (46+1) в отношении Соглашения о присоединении, весьма значительны и даже чрезмерны, они всецело устраивают представителей Европейского союза и не противоречат его праву, что оставляет надежду на положительный исход процесса по присоединению Европейского союза к Европейской конвенции. Присоединение Союза к ЕКПЧ позволит решить большое количество проблем правозащитного характера, поможет выработать общие подходы и позиции Евросоюза и Совета Европы, направленные на решение системных проблем, возникающих при осуществлении национальными правозащитными органами такой деятельности.

Кроме того, присоединение Союза к Конвенции позволит постепенно разрешить конфликт юрисдикций Суда ЕС и ЕКПЧ, который возникает между судебными органами при рассмотрении схожих дел в сфере защиты прав человека и приведет к унификации подходов по осуществлению правозащитной деятельности в Европе [19. С. 499].

¹⁴ European Court of Human Rights judgement, *M.N. and others v. Belgium* №3599/18 6 May 2020 URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22fulltext%22:\[%22m.n%20and%20others%20belgium%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22DECISIONS%22\],%22itemid%22:\[%22001-202468%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22fulltext%22:[%22m.n%20and%20others%20belgium%22],%22documentcollectionid%22:[%22DECISIONS%22],%22itemid%22:[%22001-202468%22]}) (дата обращения: 28.11.2023).

Литература:

1. Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С. Европейская система защиты прав человека. М., 2017.
2. Бирюков М.М. Европейское право до и после Лиссабонского договора. М., 2013.
3. Войников В.В. Право Европейского союза в практике Европейского суда по правам человека // Международное правосудие. 2020. № 1(33).
4. Исполинов А.С. Практика ЕСПЧ в отношении Европейского Союза: некоторые уроки для ЕврАзЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 3 (34).
5. Исполинов А.С. В поисках новой парадигмы: суд ЕС и ЕСПЧ спустя три года после заключения № 2/13 // Международное правосудие. 2018. № 2(26).
6. Исполинов А.С. Суд Европейского союза против присоединения ЕС к Европейской конвенции по правам человека (причины и следствия) // Международное правосудие. 2015. № 1(13).
7. Энтин К.В. Право Европейского Союза сквозь призму практики Суда Европейского Союза: монография. М., 2020.
8. Энтин М.Л., Войников В.В., Торкунова Е.А. Новый этап в институционально-правовом обустройстве пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС // Московский журнал международного права. 2018. № 2.
9. Энтин М.Л., Цвейба Н.А. Взаимодействие судебных органов (на примере Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека) // Московский журнал международного права. 2023. № 3. С. 84-97.
10. Deftou, M.-L. The Road to the EU's Accession to the ECHR: Reshaping the ECtHR-CJEU Judicial Interaction in Cases of "Unwanted Migration"? // International Community Law Review. 2022. 24(4).
11. Frese, A. and Olsen, H.P. 'Spelling It Out—Convergence and Divergence in the Judicial Dialogue between CJEU and ECtHR' // Nordic Journal of International Law. 2019.
12. Gerards. J. H., Glas L.R. Access to justice in the European Convention on Human Rights system. // Netherlands Quarterly of Human Rights 2017. 35(1).
13. Harris D. Harris, O'Boyle and Wardbrick: Law of the European Convention on Human Rights. Oxford: Oxford University Press. 2018.
14. Halberstam, D. 2015. It's the Autonomy, Stupid! A Modest Defense of Opinion 2/13 on EU Accession to the ECHR, and the Way Forward // Public Law and Legal Theory Research Paper Series. 432.
15. Hillion, Ch. Marise, C. 2014. A Powerless Court? The European Court of Justice and the Common Foreign and Security Policy // The European Court of Justice and External Relations Law: Constitutional Challenges. 47. 2014.
16. Lazowski, A., Ramses, A. When Caveats Turn into Locks: Opinion 2/13 on Accession of the European Union to the ECHR // German Law Journal. 7. 2018.
17. Oręziak, B 'Judicial Dialogue between the European Court of Human Rights and the Court of Justice of the European Union in the Field of Legal Liability for Posting Hyperlinks // International Community Law Review. 2019. 21(5).
18. Podolska, A. Between Informal Dialogue and Official Criticism: The Bundesverfassungsgericht, the Court of Justice of the European Union, and the European Court of Human Rights concerning the Protection of Human Rights and Mutual Recognition of Judgments // International Community Law Review. 2019.
19. Toth A.G. The European Union and Human Rights: the Way Forward // Common Market Law Review. Vol.34. 2017.

ANALYSIS OF THE MAIN ACHIEVEMENTS OF THE NEGOTIATION PROCESS FOR THE ACCESSION OF THE EUROPEAN UNION TO THE EUROPEAN CONVENTION ON HUMAN RIGHTS OF 1950 (2019-2023).

Introduction. The article examines the main stages and achievements in the work of the ad hoc group (46+1) based on the results of the past 14 rounds of the negotiation process on the accession of the European Union to the European Convention on Human Rights of 1950. The author examines the fundamental problems prevented the European Union from accessing to the European Convention on Human Rights in 2013, as well as the novellas

included in the revised draft Agreement on the Accession of the European Union to the European Convention on Human Rights, such as the application of Articles 33 and 53 of the European Convention on Human Rights 1950, as well as Protocol No. 16 thereto in relation to the law of the European Union.

Materials and methods. The methodological ground of the study based on the following general scientific and special methods of the recognition of

legal phenomena and processes in the field of European law: the method of system-structural analysis, the method of synthesis of social phenomena, the comparative legal method, the formal logical method. For certain questions, statistical data was involved in the study. To identify further vectors for the development of interaction between judicial bodies used the content analysis.

Results of the study. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that the main problems preventing the European Union from the accession to the European Convention on Human Rights, are the specifics of the application of Articles 33 and 53 of the European Convention on Human Rights and Protocol No. 16 thereto in relation to European Union law, as well as the reluctance of the European Union to limit the sovereignty and autonomy of European Union law in order to strengthen the European system for the protection of human rights.

Discussion and conclusion. The adjustments made by the ad hoc group (46+1) in relation to the Accession Agreement are very significant and, on the one hand, even unnecessary. They fully cover the observations indicated in the Opinion of the Court of Justice of the European Union No. 2/13 and at the same time satisfy the representatives of the European Union, which gives reason to believe that the accession attempt will have a positive outcome. Of course, if the European Union joins the European Convention on Human Rights of 1950, human rights, freedoms, and their guarantees will reach a new level, since their protection will be comprehensive.

Nikita A. Tsveiba,
Postgraduate Researcher with
the Department of Integration Law and
Human Rights, MGIMO-University,
Russia

Ключевые слова:

Европейская конвенция о защите прав человека, Европейский союз, Совет Европы, права и свободы человека, Европейский суд по правам человека, Суд Европейского союза, Соглашение о присоединении Европейского союза к Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г.

Keywords:

European Convention on Human Rights, European Union, Council of Europe, human rights and freedoms, European Court of Human Rights, Court of Justice of the European Union, Agreement on the accession of the European Union to the European Convention on Human Rights

References:

1. Abashidze A.H. Alisievich E.C., 2017. Evropejskaja sistema zashhity prav cheloveka [The European human rights system].
2. Birjukov M.M., 2013. Evropejskoe pravo do i posle Lissabonskogo dogovora. [European law before and after the Treaty of Lisbon].
3. Vojnikov V.V., 2020. Pravo Evropejskogo sojuza v praktike Evropejskogo suda po pravam cheloveka [European Union law in the practice of the European Court of Human Rights]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]* № 1(33).
4. Ispolinov A.S., 2012. Praktika ESPCh v otnoshenii Evropejskogo Sojuza: nekotorye uroki dlja Evraz'jes [The practice of the ECHR in relation to the European Union: some lessons for the EAEU]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. № 3 (34).
5. Ispolinov A.S., 2015. Sud Evropejskogo sojuza protiv prisoedinenija ES k Evropejskoj konvencii po pravam cheloveka (prichiny i sledstvija) [European Court of Justice against of accession of EU to ECHR (principals and consequences)]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. № 1(13).
6. Ispolinov A.S., 2018. V poiskah novoj paradigmy: sud ES i ESPCh spustja tri goda posle zakljuchenija № 2/13 [In search of a new paradigm: the EU Court and the ECHR three years after the opinion 2/13]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. № 2 (26).
7. Entin K.V., 2020. Pravo Evropejskogo Sojuza skvoz' prizmu praktiki Suda Evropejskogo Sojuza. [Law of the European Union through the prism of the practice of the Court of Justice of the European Union].
8. Entin M.L. Vojnikov V.V. Torkunova E.A., 2018. Novyj jetap v institucional'no-pravovom obustroystve prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudija ES [A new stage in the institutional and legal arrangement of the EU space of freedom, security and justice]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 2.

9. Entin M.L., Tsveiba N.A., 2023. Interaction between the Judicial Institutions (on the example of the Court of Justice of the European Union and the European Court of Human Rights) [Vzaimodejstvie sudebnyh organov (na primere Suda Evropejskogo sojuza i Evropejskogo suda po pravam cheloveka)]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 3. P. 84-97.
10. Deftou, M.-L., 2022. The Road to the EU's Accession to the ECHR: Reshaping the ECtHR-CJEU Judicial Interaction in Cases of Unwanted Migration? *International Community Law Review*. 24(4).
11. Frese, A. and Olsen, H.P., 2019. Spelling It Out—Convergence and Divergence in the Judicial Dialogue between CJEU and ECtHR. *Nordic Journal of International Law*. 88(3).
12. Gerards. J. H., Glas L. R., 2017. Access to justice in the European Convention on Human Rights system. *Netherlands Quarterly of Human Rights*. Vol. 35(1).
13. Harris D. Harris, O'Boyle and Wardbrick, 2018. Law of the European Convention on Human Rights. Oxford: Oxford University Press.
14. Halberstam, D., 2015. It's the Autonomy, Stupid! A Modest Defense of Opinion 2/13 on EU Accession to the ECHR, and the Way Forward. *Public Law and Legal Theory Research Paper Series*. 432.
15. Hillion, Ch. Marise, C., 2014. A Powerless Court? The European Court of Justice and the Common Foreign and Security Policy. *The European Court of Justice and External Relations Law: Constitutional Challenges*. 47 (9).
16. Oręziak, B., 2019. Judicial Dialogue between the European Court of Human Rights and the Court of Justice of the European Union in the Field of Legal Liability for Posting Hyperlinks. *International Community Law Review*. 21(5).
17. Lazowski, A., Ramses, A., 2018. When Caveats Turn into Locks: Opinion 2/13 on Accession of the European Union to the ECHR. *German Law Journal*. 7.
18. Podolska, A., 2019. 'Between Informal Dialogue and Official Criticism: The Bundesverfassungsgericht, the Court of Justice of the European Union, and the European Court of Human Rights concerning the Protection of Human Rights and Mutual Recognition of Judgments'. *International Community Law Review*. 21(5).
19. Toth A.G., 2017. The European Union and Human Rights: the Way Forward. *Common Market Law Review*. Vol. 34.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В СФЕРЕ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Валерия Пчелинцева*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-95-107

Введение. Международно-правовые акты стран БРИКС закрепляют приверженность данных государств укреплению сотрудничества по вопросам населения, в частности в сфере миграции. Актуальность исследования особенностей и перспектив международного сотрудничества стран БРИКС в сфере вынужденной миграции обусловлена увеличением числа вынужденных мигрантов на их территории, а также присоединением к БРИКС новых государств-участников. При этом международно-правовые акты стран БРИКС не закрепляют единой позиции государств-участников данного межгосударственного объединения относительно общих принципов их международного сотрудничества в сфере вынужденной миграции.

Материалы и методы. Теоретической основой исследования является согласительная теория международного права, в соответствии с которой создание норм международного права признается результатом согласования международно-правовых позиций субъектов данной правовой системы. Осуществляя автономную международно-правовую политику, каждое государство стремится к тому, чтобы принципы его внешней политики нашли возможно полное закрепление в нормах международного права. Международно-правовые позиции государств закреплены в их международных договорах, национальном законодательстве и односторонних актах. В рамках исследования проведен комплексный сравнительный анализ международно-правовых позиций стран БРИКС по вопросам международно-правового регулирования вынужденной миграции. Предметом исследования являются универсальные международные договоры, международно-правовые акты стран БРИКС, их национальное законодательство и односторонние акты.

Результаты исследования. БРИКС представляет собой международное объединение государств, которое *de jure* не является международной организацией. Принятые в рамках БРИКС международно-правовые акты являются совместными односторонними актами, закрепляющими единую позицию государств по вопросам международного права. Международное сотрудничество стран БРИКС в области вынужденной миграции основывается на принципах

* Пчелинцева Валерия Викторовна, аспирант, кафедра международного права МГИМО МИД России
e-mail: lintseva.l@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-2231-0598

верховенства международного права и многосторонности, а также совпадающих и сходных позициях государств по вопросам толкования и применения норм международного права, регулирующих правовое положение вынужденных мигрантов. Международно-правовые акты стран БРИКС закрепляют международно-правовые концепции, применимые к международному сотрудничеству государств в области вынужденной миграции.

Обсуждение и заключение. Перспективным направлением международного сотрудничества стран БРИКС в сфере вынужденной миграции следует считать согласование их международно-правовых позиций относительно толкования и применения международно-правовых концепций «долгосрочного решения проблемы вынужденных мигрантов», «разделения ответственности», «солидарности», «общей, но дифференцированной ответственности» и иных международно-правовых концепций, лежащих в основе международного сотрудничества государств в данной сфере.

Введение

В соответствии с п. 71 Йоханнесбургской декларации XV Саммита БРИКС от 23 августа 2023 г. главы государств-участников данного межгосударственного объединения вновь утверждают свою приверженность укреплению сотрудничества по вопросам населения в рамках БРИКС, в частности в сфере миграции¹. Международное сотрудничество стран БРИКС в сфере вынужденной миграции следует рассматривать как одно из актуальных направлений сотрудничества данных государств по вопросам населения. По данным международных организаций Группы Всемирного банка, число вынужденных мигрантов в Российской Федерации в период с 2021 по 2022 г. возросло на 1,26 млн. чел., в Федеративной Республике Бразилия в период с 2018 по 2022 г. – на 55 тыс. чел., а в Республике Индия в период с 2020 по 2022 г. – на 50 тыс. чел.² Данные изменения связаны с возникновением новых очагов вынужденной миграции в Республике Укра-

ина, Боливарской Республике Венесуэла, Республике Гаити, Республике Союз Мьянма и Исламском Эмирате Афганистан.

В соответствии с Совместным заявлением руководителей миграционных ведомств стран БРИКС от 8 октября 2015 г., страны БРИКС заинтересованы в обмене мнениями и опытом по вопросам миграции, а также признают актуальность сотрудничества в сфере миграции на пространстве БРИКС³. Декларация Восьмого саммита БРИКС, принятая 16 октября 2016 г., закрепляет положения о том, что главы государств-участников данного межгосударственного объединения «отмечают важность упорядоченной, безопасной, легальной и ответственной миграции и мобильности людей» (*the importance of orderly, safe, regular and responsible migration and mobility of people*)⁴. При этом международно-правовые акты стран БРИКС не закрепляют их единой позиции относительно общих принципов международного сотрудничества в сфере вынужденной миграции в рамках данного межгосударственного объединения.

¹ Johannesburg II Declaration "BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism" adopted by the XV BRICS Summit on 23 August 2023. BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism (BRICS 2023). URL: <https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/08/Jhb-II-Declaration-24-August-2023-1.pdf> (accessed: 18.09.2023).

² Refugee population by country or territory of asylum. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.REFG?end=2022&locations=BR-IN-RU&start=2014&view=chart> (accessed: 18.09.2023).

³ Joint Declaration of the Heads of the Migration Authorities of the BRICS Countries – the Russian Federation, the Republic of India, the People's Republic of China, and the Republic of South Africa. Official Website of Russia's Presidency in BRICS. URL: <http://en.brics2015.ru/documents/> (accessed: 14.11.2023).

⁴ Goa Declaration adopted by the 8th BRICS Summit held on 15-16 October 2016. BRICS 2023. URL: <https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/07/161016-goa.pdf> (accessed: 14.11.2023).

Актуальность исследования особенностей и перспектив международного сотрудничества стран БРИКС в области вынужденной миграции также обусловлена присоединением к данному международному объединению новых государств-участников с 1 января 2024 г.⁵ Комплексное сравнительное исследование международно-правовых позиций государств по вопросам вынужденной миграции содействует процессу их согласования, лежащему в основе современного международного права.

Исследование

Отечественная юридическая доктрина исходит из согласительной теории международного права, в соответствии с которой создание норм данной правовой системы признается результатом согласования международно-правовых позиций ее субъектов [5. С. 16]. В отечественной науке термин «международно-правовая позиция» применяется к позиции государства по всем вопросам международного права [6. С. 184]. В основе международно-правовой позиции государства лежат его национальные интересы, концептуальная модель международной системы, которой оно придерживается, а также признание необходимости международно-правового регулирования международных отношений [6. С. 185, 9. С. 197]. Одним из направлений внешней политики государства является его международно-правовая политика, то есть «национальная политика в отношении правовых аспектов международных отношений» [1. С. 114]. Как отмечает Г.И. Тункин, каждое государство стремится к тому, чтобы принципы его внешней политики нашли возможно полное закрепление в нормах международного права [7. С. 241].

Международно-правовые позиции государств закреплены в их международных договорах, национальном законодательстве и односторонних заявлениях. Единая позиция государств по вопросам международного права закреплена в заключительных актах международных конференций, решениях международных организаций и совместных односторонних актах государств. Данные международно-правовые акты являются не источником норм международного права, а вспомогательным средством определения их содержания [10. С. 142]. При анализе

решений международных организаций и международно-правовых актов, принятых в рамках иных межгосударственных объединений, следует принимать во внимание, что применение голосования без достаточных усилий по согласованию воли государств не способствует кодификации и прогрессивному развитию норм международного права [7. С. 186].

В рамках исследования проведен комплексный сравнительный анализ международно-правовых позиций стран БРИКС в отношении норм международного права, регулирующих вынужденную миграцию. Предметом исследования являются универсальные международные договоры, международно-правовые акты, принятые в рамках БРИКС, национальное законодательство и односторонние заявления государств. Таким образом, рассмотрены общие принципы международного сотрудничества стран БРИКС, обязательства данных государств по универсальным международно-правовым актам в сфере вынужденной миграции, а также их международно-правовые позиции относительно толкования и применения данных актов. На основе результатов исследования сформулированы выводы об особенностях и перспективах международного сотрудничества стран БРИКС в сфере вынужденной миграции.

Общие принципы международного сотрудничества стран БРИКС

БРИКС представляет собой международное объединение государств, которое *de jure* не является международной организацией по причине отсутствия международного договора, закрепляющего порядок и условия его деятельности, а также его международную правосубъектность. При этом проф. А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев и Е.В. Киселева указывают на значение мер государств-участников, направленных на учреждение постоянно действующих органов БРИКС, что также относится к обязательным признакам международной организации [13. С. 4]. Однако, как отмечает проф. Е.А. Шибаева, вывод о том, является ли международной организацией субъектом международного права, может быть сделан только на основании международных прав, которыми государства-члены наделили организацию и которые соответствуют признакам между-

⁵ Johannesburg II Declaration adopted on 23 August 2023.

народной правосубъектности [8. С. 29]. Таким образом, несмотря на значение БРИКС как субъекта межгосударственной системы, невозможно характеризовать данное межгосударственное объединение как международную организацию и, следовательно, как субъект международного права.

Стороны Совместного заявления Министров иностранных дел стран БРИК 2008 г. отметили «перспективы диалога стран БРИК, основанного на взаимном доверии и уважении, общих интересах, совпадении или сходстве подходов к насущным проблемам глобального развития»⁶. Совместное заявление закрепляет позицию министров иностранных дел стран БРИК, согласно которой «современный международный порядок должен быть основан на верховенстве международного права и укреплении многосторонности с признанием ведущей роли Устава ООН». Таким образом, с момента возникновения БРИК государства-участники данного межгосударственного объединения осуществляют международное сотрудничество, руководствуясь общепризнанными принципами и нормами международного права. При этом доктрина международного права всех стран БРИКС характеризуется приверженностью теории позитивизма (нормативизма), в соответствии с которой в основе международного права лежит согласие государств быть связанными определенными нормами [21. С. 31]. Толкование и применение норм международного права осуществляется в соответствии с практикой государств, а не «формальными структурами, теоретическими выводами или размышлениями о морали» [25. С. 121].

Первоначальной целью создания БРИК было укрепление экономического сотрудничества государств-участников данного межгосударственного объединения [26.

С. 289]. По результатам встречи в 2008 г. главы стран БРИК приняли решение «продолжить координацию своих действий по ключевым экономическим вопросам, включая сферу финансов и продовольствия»⁷. Впоследствии деятельность БРИКС была распространена на иные сферы международного сотрудничества. Йоханнесбургская декларация XV Саммита БРИКС от 23 августа 2023 г. закрепляет единую позицию глав стран БРИКС по вопросам международного гуманитарного права, права международной безопасности, международного права защиты и поощрения прав человека и иным вопросам.

Международно-правовые акты стран БРИКС закрепляют их приверженность принципам взаимного уважения и понимания, суверенного равенства, демократии, открытости, расширенного сотрудничества и консенсуса⁸. Главы стран БРИКС отмечают особое значение солидарности и сотрудничества между государствами, основанного на общих интересах и ключевых приоритетах⁹. Юристы-международники характеризуют международное сотрудничество стран БРИКС как «отражающее диалектику единства и разнообразия», а также как «охватывающее культурное, экономическое, политическое и правовое разнообразие» государств [22. С. 145]. Принятые в рамках БРИКС международно-правовые акты представляют собой совместные односторонние акты, закрепляющие единую позицию государств по вопросам международного права.

В соответствии с международно-правовыми актами стран БРИКС, главы государств-участников данного межгосударственного объединения подтверждают необходимость в осуществлении всеми государствами сотрудничества по вопросам защиты и поощрения прав человека и основных свобод в со-

⁶ Joint Communiqué of the Meeting of Celso Amorim of the Minister of Foreign Relations of Brazil, Sergei Lavrov, Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, Pranab Mukherjee, Minister of External Affairs of the Republic of India, and Yang Jechi, Minister of Foreign Affairs of the People's Republic of China Ykaterinburg, Russia held on May 16, 2008. BRICS 2023. URL: https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/07/Joint-Communique_16-May-2008.pdf (accessed: 17.11.2023).

⁷ BRIC Leaders Meet in Toyako, Hokkaido, Japan on July 9, 2008. BRICS 2023. URL: https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/07/BRICS-Leaders-Meet-Toyako-Hokkaido-Japan_9-July-2008-1.pdf (accessed: 17.11.2023).

⁸ Johannesburg II Declaration adopted on 23 August 2023; New Delhi Declaration of the XIII BRICS Summit adopted on 9 September 2021. BRICS 2023. URL: <https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/07/2021-New-Delhi-Declaration.pdf> (accessed: 18.11.2023); XII BRICS Summit Moscow Declaration adopted on 17 November 2020. BRICS 2023. URL: <https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/07/201117-Moscow-Declaration-1148126.pdf> (accessed: 18.11.2023).

⁹ Johannesburg II Declaration adopted on 23 August 2023.

ответствии с принципами равенства и взаимного уважения¹⁰. Закрепление в данных международно-правовых актах положений о «равном и справедливом подходе ко всем правам человека, включая право на развитие», а также о защите и поощрении прав человека «не выборочным, не политизированным и содержательным образом» свидетельствуют о приверженности государств принципу неделимости, взаимозависимости и взаимосвязанности прав человека – одному из отраслевых принципов международного права защиты и поощрения прав человека [3. С. 40]. При этом, как отмечает Г.В. Зьеро, международное сотрудничество стран БРИКС в области защиты и поощрения прав человека основывается на концепции устойчивого развития и принципе «общей, но дифференцированной ответственности» (*common but differentiated responsibility*) [27. С. 313]. Единая позиция стран БРИКС заключается в необходимости соблюдения в полном объеме норм международного гуманитарного права в ситуациях международного конфликта, а также предоставления гуманитарной помощи в соответствии с принципами гуманизма, нейтралитета, беспристрастности и независимости¹¹.

В международно-правовых актах стран БРИКС закреплена их единая позиция относительно отдельных международно-правовых аспектов вынужденной миграции. Так, главы стран БРИКС отмечают важность безопасной, регулируемой и легальной миграции¹². Они высоко оценивают деятельность Ближневосточного агентства для помощи палестинским беженцам и организации работ и призывают к международной поддержке его деятельности для улучшения положения

палестинского народа¹³. Согласно Московской декларации XII Саммита БРИКС от 17 ноября 2020 г. в рамках постконфликтного восстановления (*post-conflict reconstruction*) необходимо обеспечить условия для безопасного, добровольного и достойного возвращения (репатриации) беженцев и лиц, перемещенных внутри страны, из Сирийской Арабской Республики и Демократической Республики Конго. Стороны Совместного заявления министров иностранных дел стран БРИКС от 27 сентября 2018 г.¹⁴ одобрили принятие текста Глобального договора о безопасной, регулируемой и легальной миграции и проведение официальных консультаций о Глобальном договоре о беженцах в соответствии с Нью-Йоркской декларацией о беженцах и мигрантах 2016 г.¹⁵

Таким образом, международное сотрудничество стран БРИКС в области вынужденной миграции основывается на принципах верховенства международного права и многосторонности, а также совпадающих и сходных позициях государств по вопросам толкования и применения норм международного права, регулирующих правовое положение вынужденных мигрантов. Международно-правовые акты БРИКС закрепляют концепции «общей, но дифференцированной ответственности», «безопасной, регулируемой и законной миграции», «безопасного, добровольного и достойного возвращения вынужденных мигрантов» и «гуманизма, нейтралитета, беспристрастности и независимости при предоставлении гуманитарной помощи», применимые к международному сотрудничеству государств в области вынужденной миграции.

¹⁰ Johannesburg II Declaration adopted on 23 August 2023; XIV BRICS Summit Beijing Declaration adopted on 23 June 2022. BRICS 2023. URL: <https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/07/XIV%E2%80%82BRICS-Summit-Beijing-Declaration-23-June-2022.pdf> (accessed: 18.11.2023); New Delhi Declaration adopted on 9 September 2021.

¹¹ Johannesburg II Declaration adopted on 23 August 2023; XII BRICS Summit Moscow Declaration adopted on 17 November 2020.

¹² Goa Declaration of the VIII BRICS Summit adopted on 16 October 2016. BRICS 2023. URL: <https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/07/161016-go.pdf> (accessed: 18.11.2023).

¹³ Johannesburg II Declaration adopted on 23 August 2023; Johannesburg Declaration of the X BRICS Summit adopted on 27 July 2018. BRICS 2023. URL: https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/07/180726-JOHANNESBURG_DECLARATION-26_JULY_2018_as_at_07h11.pdf (accessed: 18.11.2023).

¹⁴ BRICS 2023. URL: https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/07/International-Relations-27-Sept_2018.pdf (accessed: 18.11.2023).

¹⁵ Resolution No. 71/1. New York Declaration for Refugees and Migrants adopted by the General Assembly on 19 September 2016. United Nations. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_71_1.pdf (accessed: 19.11.2023).

Обязательства стран БРИКС в соответствии с универсальными международно-правовыми актами о защите прав вынужденных мигрантов

Все страны БРИКС, кроме Республики Индия, являются государствами-участниками Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протокола о статусе беженцев 1967 г.¹⁶ В индийской доктрине международного права международно-правовая политика государства в отношении Конвенции о статусе беженцев 1951 г. находит поддержку. В порядке критики данного международного договора индийские юристы-международники указывают на то, что он не учитывает региональные особенности Южной Азии и вызовы в сфере вынужденной миграции, с которыми сталкиваются страны третьего мира. Они отмечают политизированный характер деятельности и вмешательство Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ ООН) в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств [24. С. 134-136]. По мнению Б.С. Чимни, Республике Индия не следует присоединяться к Конвенции, поскольку «государства Глобального Севера нарушают как букву, так и дух» данного международного договора, применяя концепцию «безопасного третьего государства», визовые ограничения и иные меры административного и правового характера [23. С. 447-448]. Среди государств, приобретающих статус участников БРИКС с 1 января 2024 г., участниками Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протокола, касающегося статуса беженцев 1967 г. не являются Королевство Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты.

Статус беженца предоставляется не всем вынужденным мигрантам. При осуществлении международного сотрудничества в области защиты прав вынужденных мигрантов Российская Федерация исходит из того, «что решение о приеме беженцев принимается только самим принимающим государством в соответствии с его внутренним законода-

тельством и международными обязательствами»¹⁷. При этом вынужденным мигрантам может быть предоставлена «комплементарная» (*complementary*) или «дополнительная» (*subsidiary*) защита на основании норм международного права защиты и поощрения прав человека [18. С. 285]. По мнению Е.В. Киселевой, «правозащитный подход» является одной из современных тенденций регулирования вынужденной и трудовой миграции [4. С. 16].

Все страны БРИКС являются участниками Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., закрепляющих обязательство государств уважать и обеспечивать всем находящимся на их территории и под их юрисдикцией лицам закрепленные в них права¹⁸. Также все страны БРИКС являются участниками Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., а Федеративная Республика Бразилия и Республика Индия – участниками Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.¹⁹ Данные международные договоры закрепляют принцип невысылки лиц (*non-refoulement*) в государства, на территории которых им могут угрожать применение пыток или насильственное исчезновение.

Среди государств, приобретающих статус участников БРИКС с 1 января 2024 г., Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты не являются участниками Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., а Арабская Республика Египет сделала заявление о том, что «принимает во внимание предписания исламского шариата и тот факт, что приложенный текст (данных международных договоров – В.В.) не противоречит им». Исламская Республика Иран не является государством-участником Конвенции против пыток и других же-

¹⁶ Chapter V: Refugees and Stateless Persons. Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General. United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/pages/Treaties.aspx?id=5&subid=A&clang=_en (accessed: 19.11.2023).

¹⁷ General Assembly Official Records. 73rd session: 55th Plenary Meeting, 17 December 2018. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3795602?ln=ru> (accessed: 19.11.2023).

¹⁸ Chapter IV: Human Rights. Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General. United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/pages/treaties.aspx?id=4&subid=A&clang=en> (accessed: 20.11.2023).

¹⁹ Ibid.

стоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г. При этом в силу правовой природы императивной нормы общего международного права (*jus cogens*), нормы международного права защиты и поощрения прав человека о запрете пыток, запрет высылки лиц на территорию государств, где им угрожают пытки, порождает обязательства для государств, которые не являются участниками Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. [16. С. 374] Арабская Республика Египет, Королевство Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Федеративная Демократическая Республика Эфиопия не являются участниками Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г. и, следовательно, не несут международно-правовых обязательств, закрепленных данным международным договором.

Нормы международного гуманитарного права регулируют правовое положение вынужденных мигрантов в условиях вооруженного конфликта. В частности, гарантии прав вынужденных мигрантов как покровительствуемых лиц закреплены в IV Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. Воюющие стороны обязаны руководствоваться общим принципом гуманности в отношении вынужденных мигрантов как некомбатантов [11. С. 77-78]. В юридической доктрине нормы международного гуманитарного права о защите гражданского населения во время вооруженных конфликтов относят к императивным нормам общего международного права (*jus cogens*), следовательно, выполнение международно-правовых обязательств государств, предусмотренных данными нормами, не обусловлено участием в закрепляющих данные обязательства международных договорах [12. С. 10].

Все страны БРИКС проголосовали за принятие Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 73/151 от 17 декабря 2018 г., посредством которой был принят Глобальный договор о беженцах²⁰. При этом в ходе разработки и принятия текста Резолюции делегат от Российской Федерации Р.Г. Кашаев указал на то, что «положения, содержащиеся в глобальном договоре о беженцах, не имеют обязательной юридической силы и не налагают на Российскую Федерацию обязательств, в том числе правового и финансового характера»²¹. Все страны БРИКС также проголосовали за принятие текста Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 73/195 «Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» от 19 декабря 2018 г.²² В ходе разработки и принятия текста Резолюции делегат от Российской Федерации Р.Г. Кашаев отметил, что «Глобальный договор ... не является юридически обязывающим документом и не налагает на присоединившиеся к нему страны обязательств правового и финансового характера»²³. Делегат от Китайской Народной Республики Син Цзишэн указал на то, что Глобальный договор «не имеет обязательной юридической силы и не создает новых норм обычного международного права или новых международно-правовых обязательств государств», а также «не устанавливает новые стандарты в области прав человека и не выделяет новые категории миграции».

Таким образом, к международно-правовым актам, закрепляющим обязательства стран БРИКС в сфере вынужденной миграции, следует относить международные договоры о защите прав беженцев, защите и поощрении прав человека и защите жертв войны. Акты рекомендательного характера закрепляют международно-правовые обязательства стран БРИКС в том случае, если они представляют собой акты кодификации международного обычая в сфере убежища, международного права защиты и поощрения прав человека или международного гуманитарного права. При этом ни Глобаль-

²⁰ Резолюция № 73/151 «Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев», принятая Генеральной Ассамблеей 17 декабря 2018 г. Цифровая библиотека ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1660291?ln=ru> (accessed: 19.11.2023).

²¹ General Assembly Official Records. 73rd session: 55th Plenary Meeting, 17 December 2018.

²² Цифровая библиотека Объединенных Наций. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1660537?ln=ru> (дата обращения: 20.11.2023).

²³ General Assembly Official Records, 73rd session: 60th plenary meeting, 19 December 2018. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3797738?ln=ru> (дата обращения: 20.11.2023).

ный договор о беженцах 2018 г., ни Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г. не являются юридически обязательными актами, порождающими международно-правовые обязательства государств.

Международно-правовые позиции стран БРИКС относительно толкования и применения универсальных международно-правовых актов о защите прав вынужденных мигрантов

В трех из пяти стран БРИКС: Российской Федерации²⁴, Федеративной Республике Бразилия²⁵ и Южноафриканской Республике²⁶ – приняты национальные законодательные акты о правовом положении беженцев, закрепляющие полномочие органов государственной власти признавать лиц беженцами. В Китайской народной Республике и Республике Индия не приняты национальные нормативно-правовые акты, регулирующие правовое положение беженцев. Признание лиц беженцами на территории данных государств осуществляет УВКБ ООН.

По смыслу статьи 1 Федерального закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» только лица, подпадающие под определение понятия «беженец» по смыслу Конвенции о статусе беженцев 1951 г. с учетом изменений, внесенных Протоколом о статусе беженцев 1967 г., могут получить статус беженца. Однако вынужденным мигрантам, которые не имеют оснований для признания беженцем по обстоятельствам, предусмотренным Федеральным законом, но из гуманных побуждений не могут быть высланы за пределы территории Российской Федерации, предоставляется временное убежище – иная форма политического убежища, предусмотренная национальным законодательством Государства, представляющая собой форму «комплементарной» («дополнительной») защиты их прав.

Статья 1 Закона Бразилии от 22 июля 1997 г. № 9.474 «Об определении механизмов имплементации Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и иных мер» закрепляет

определение понятия «беженец». По смыслу положений данной статьи статус беженца может быть предоставлен лицам, отвечающим критериям беженца, установленным в ст. 1 Конвенции о статусе беженцев 1951 г. с учетом изменений, внесенных Протоколом о статусе беженцев 1967 г., а также лицам, вынужденным покинуть свое государство происхождения и искать убежище в третьем государстве в силу серьезных и систематических нарушений прав человека. Таким образом, национальное законодательство Федеративной Республики Бразилия закрепляет правовые основания для предоставления «комплементарной» («дополнительной») защиты прав вынужденных мигрантов.

В соответствии со ст. 3 Закона Южноафриканской Республики от 2 декабря 1998 г. № 130 «О беженцах» статус беженца может быть предоставлен лицам, отвечающим критериям, установленным ст. 1 Конвенции о статусе беженцев 1951 г. с учетом изменений, внесенных Протоколом о статусе беженцев 1967 г., а также лицам, которые в силу внешней агрессии, оккупации, иностранного господства или событий, серьезно нарушающих или подрывающих (*disturbing or disrupting*) публичный порядок на определенной части территории или во всей стране их происхождения или гражданской принадлежности вынуждены покинуть государство своего прежнего постоянного проживания и искать убежище в третьем государстве.

В ходе разработки и принятия текста Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 73/151 от 17 декабря 2018 г. делегат от Российской Федерации Р. Г. Кашаев отметил, что «обязанность государств предоставлять беженцам трудовые права, социальное обеспечение и правительственную помощь распространяется только на тех беженцев, которые законно проживают на территории»²⁷. Исследователи политических аспектов международной миграции отмечают, что Китайская Народная Республика, как и Российская Федерация, придерживается основанного на соображениях безопасности ограничительного подхода к регулированию правового

²⁴ Федеральный закон от 19 февраля 1993 № 4528-1 (ред. от 13.06.2023) «О беженцах» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/ (дата обращения: 19.09.2023).

²⁵ Lei № 9.474 de 22 de Julho de 1997 define mecanismos para a implementação do Estatuto dos Refugiados de 1951, e determina outras providências. Legislação Federal Brasileira. URL: <https://legis.senado.leg.br/norma/551350/publicacao/15786786> (accessed: 21.09.2023).

²⁶ Act No. 130 "Refugees Act" as of 2 December 1998. Government Gazette. 2 December 1998. Vol. 402. No. 19544. P. 2.

²⁷ General Assembly Official Records. 73rd session: 55th Plenary Meeting, 17 December 2018.

го положения вынужденных мигрантов [17. С. 58]. В ходе разработки и принятия текста Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 73/195 «Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» от 19 декабря 2018 г. делегат от Китайской Народной Республики Син Цзишэн указал на то, что данное государство считает регулирование законной и незаконной миграции относящимися «к вопросам национального суверенитета, в которые не допускается внешнее вмешательство», а также «поддерживает защиту законных прав и интересов мигрантов, усиление пограничного контроля и активизацию борьбы с торговлей людьми и незаконной миграцией»²⁸.

Устав УВКБ ООН 1950 г. закрепляет концепцию «долгосрочного решения проблемы беженцев», которое может быть достигнуто путем их добровольной репатриации или добровольной ассимиляции в государствах убежища²⁹. Как отмечают Л. Хови и Н. Мейпл, предоставление статуса беженца является временной мерой, остающейся в силе, пока лицо не вернется в свое государство происхождения (добровольная репатриация, *voluntary repatriation*) или не приобретет гражданство государства убежища (добровольная ассимиляция или добровольная интеграция, *local integration*) или третьего государства (переселение, *resettlement*) [19. С. 239]. От мер, направленных на долгосрочное решение проблем вынужденных мигрантов, следует отличать меры, направленные на передачу полномочий и функций государств, связанных с выполнением

их международно-правовых обязательств, третьим государствам, международным организациям или международным органам («экстернализации» международно-правовых обязательств) [14. С. 120, 2. С. 97, 107]. К данным мерам относится перемещение (*removal*) и размещение вынужденных мигрантов в лагерях (*encampment*) на территории третьих государств без предоставления гарантий признания беженцами или иных правовых механизмов достижения долгосрочного решения их проблемы.

Подходы стран БРИКС к долгосрочному решению проблемы беженцев различны. Так, Правительства Федеративной Республики Бразилия, Российской Федерации³⁰ и Южной Африки принимают меры, направленные на «интеграцию» беженцев³¹ и избежание их массового «размещения в лагерях» (*encampment*)³². Федеративная Республика Бразилия принимает участие в программах «переселения» (*resettlement*) в качестве принимающего государства³³. Российская Федерация содействует «добровольной репатриации» беженцев из Сирийской Арабской Республики, последовательно придерживаясь позиции о том, что предотвращение и политическое урегулирование конфликтов в государствах исхода беженцев, а также содействие в социально-экономическом восстановлении данных государств являются ключевыми элементами обеспечения их добровольного возвращения³⁴. Комплексный анализ международно-правовых позиций стран БРИКС позволяет сделать вывод о приверженности данных

²⁸ General Assembly Official Records, 73rd session: 60th plenary meeting, 19 December 2018.

²⁹ Принят резолюцией 428 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 г. Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/unhcr_statute.shtml (дата обращения: 21.11.2023).

³⁰ Выступление начальника Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации В. Л. Казаковой на 71-й сессии Исполнительного комитета Программы Верховного комиссара ООН по делам беженцев (Женева, октябрь 2020 г.). УВКБ ООН. URL: <https://www.unhcr.org/media/47-russia> (Accessed 19.09.2023).

³¹ Statement by the Government of Brazil to the 70th Session of the Executive Committee of the UNHCR. Agenda item 3. General Debate. UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/media/statement-brazil-0> (Accessed 19.09.2023).

³² South Africa's Statement at the 70th Executive Committee of the United Nations High Commissioner's Programme Delivered by the Deputy Minister of Home Affairs H. E. Mr. Njabulo. 8 October 2019. UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/media/statement-south-africa-1> (accessed 19.09.2023).

³³ Statement by the Government of Brazil to the 70th Session of the Executive Committee of the UNHCR. Agenda item 3. General Debate. UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/media/statement-brazil-0> (accessed 19.09.2023).

³⁴ Выступление начальника Главного управления по вопросам миграции МВД Российской Федерации В. Л. Казаковой на 70-й сессии Исполнительного комитета Программы Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Женева, 8 октября 2019 г. УВКБ ООН. URL: <https://www.unhcr.org/media/statement-russian-federation-0> (дата обращения: 19.09.2023); Выступление начальника Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации В. Л. Казаковой на 71-й сессии Исполнительного комитета Программы Верховного комиссара ООН по делам беженцев (Женева, октябрь 2020 г.).

государств концепции «долгосрочного решения проблемы беженцев» и непризнания правомерными действий государств, направленных на «экстернализацию» их обязательств по его обеспечению.

В соответствии с преамбулой Конвенции о статусе беженцев 1951 г. предоставление убежища может возложить на некоторые страны непомерное бремя, а удовлетворительное решение проблемы беженцев не может быть достигнуто без международного сотрудничества государств. Как отмечают Р. Доуд и Дж. МакАдам, «в то время как государства, принимающие на своей территории беженцев, несут определенные международно-правовые обязательства ..., международно-правовые обязательства третьих государств по ... оказанию помощи в облегчении этого бремени определены менее точно» [15. С. 863]. Согласно международно-правовой позиции Федеративной Республики Бразилия, концепция «разделения бремени» подразумевает «мобилизацию международной поддержки и частного финансирования»³⁵. Международно-правовая позиция Южноафриканской Республики заключается в том, что размещение 85 % беженцев на территории развивающихся стран не соответствует концепции «распределения бремени и ответственности» за беженцев³⁶. Согласно международно-правовой позиции Республики Индия, к мерам, направленным на разделение ответственности за беженцев, следует относить предоставление гуманитарной помощи и операции по ликвидации последствий стихийных бедствий³⁷. Позиция Российской Федерации заключается в том, что термин «разделение ответственности» должен толковаться «в соответствии с Конвенцией о статусе беженцев 1951 г. и Протоколом к ней как солидарность мирового сообщества в решении проблем беженцев»³⁸.

Международно-правовая концепция «солидарности», закрепленная в международно-правовых актах стран БРИКС, применяется и к международно-правовому регулированию вынужденной миграции. Однако государства-участники данного межгосударственного объединения придерживаются разных подходов к концепции «солидарности». Во-первых, они применяют региональные концепции солидарности в сфере вынужденной миграции, например, концепцию «панафриканской солидарности»³⁹. С 1 января 2024 г. участниками БРИКС станут Арабская Республика Египет, Исламская Республика Иран, Королевство Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Все данные государства являются членами Организации исламского сотрудничества. К международному сотрудничеству в сфере вынужденной миграции в рамках данной международной организации применяется концепция «исламской солидарности» [20. С. 48]. Во-вторых, страны БРИКС различают «международную солидарность» с государствами, принимающими на своей территории вынужденных мигрантов, и «солидарность» с вынужденными мигрантами, пребывающими на их территории⁴⁰. Концепция «солидарности» применима к международному сотрудничеству стран БРИКС в сфере вынужденной миграции, однако необходимо закрепление их единой позиции относительно содержания данной международно-правовой концепции применительно к международно-правовому регулированию вынужденной миграции.

Заключение

В основе международного сотрудничества стран БРИКС в сфере вынужденной миграции лежат общие принципы международного сотрудничества государств-участ-

³⁵ Statement by the Government of Brazil to the 70th Session of the Executive Committee of the UNHCR. Agenda item 3. General Debate.

³⁶ South Africa's Statement at the 70th Executive Committee of the United Nations High Commissioner's Programme Delivered by the Deputy Minister of Home Affairs H.E. Mr. Njabulo. 08 October 2019.

³⁷ Statement by India at the General Debate of the 71st Annual Session of UNHCR Executive Committee delivered by Mr. Animesh Choudhury, First Secretary. (Geneva, 7 October 2020). UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/media/india> (accessed 19.09.2023).

³⁸ General Assembly Official Records, 73rd session: 60th plenary meeting, 19 December 2018.

³⁹ South Africa's Statement at the 70th Executive Committee of the United Nations High Commissioner's Programme Delivered by the Deputy Minister of Home Affairs H. E. Mr. Njabulo. 8 October 2019.

⁴⁰ South Africa's Statement at the 70th Executive Committee of the United Nations High Commissioner's Programme Delivered by the Deputy Minister of Home Affairs H. E. Mr. Njabulo. 08 October 2019; 73a Sessão do Comitê Executivo Alo Comissariado das Nações Unidas para Refugiados Item 3.A. Debate Geral. URL: <https://www.unhcr.org/media/brazil-1> (accessed 19.09.2023).

ников данного межгосударственного объединения, среди которых приверженность верховенству международного права, взаимного уважения и понимания, суверенного равенства, демократии, открытости, расширенного сотрудничества и консенсуса. Закрепленные в международно-правовых актах стран БРИКС концепции и принципы применимы к их международному сотрудничеству в сфере вынужденной миграции. Перспективным направлением международного сотрудничества стран БРИКС сле-

дует считать согласование их международно-правовых позиций относительно толкования и применения международно-правовых концепций «долгосрочного решения проблемы вынужденных мигрантов», «разделения ответственности», «солидарности», «общей, но дифференцированной ответственности» и иных международно-правовых концепций, лежащих в основе международного сотрудничества государств в сфере вынужденной миграции.

Литература:

1. Вылегжанин А. Н., Магомедова О. С. Международно-правовая политика государства. Современные концепции // Международные процессы. 2022. Т. 20. №. 3. С. 112-126.
2. Гукешев А. А. Правовое регулирование внешнего измерения Общей европейской системы убежища: современное состояние и перспективы развития // Московский журнал международного права. 2023. №. 1. С. 95-110.
3. Иванов Д. В., Тарасьянц Е. В. Международное право защиты и поощрения прав человека: прошлое, настоящее и будущее (Часть 1) // Московский журнал международного права. 2009. №. 1. С. 35-50.
4. Киселева Е. В. Временная и дополнительная защита по современному международному праву // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2017. №. 1. С. 16-20.
5. Курс международного права в 6 т. Т. 1. М., 1967.
6. Курс международного права в 7 т. Т. 1. М., 1989.
7. Тункин Г. И. Теория международного права. М., 2016.
8. Шибеева Е. А. Право международных организаций. Вопросы теории. М., 1986.
9. Шугуров М. В. Перспективы развития концепции международно-правовой политики. Часть 2 // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. №. 3. С. 196-204.
10. Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., 2014.
11. Ястребова А. Ю. Защита вынужденных мигрантов в условиях вооруженных конфликтов: международно-правовые аспекты // Пути к миру и безопасности. 2019. №. 1 (56). С. 74-82.
12. Ястребова А. Ю. Отдельные подходы к системе специальных принципов международного гуманитарного права: содержание и эволюция // Московский журнал международного права. 2022. №. 3. С. 6-18.
13. Abashidze A., Solntsev A., Kiseleva E. Legal status of BRICS and some trends of International cooperation // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9. No. 36. P. 1-9.
14. Cantor D. et al. Externalisation, access to territorial asylum, and international law // International Journal of Refugee Law. 2022. Vol. 34. No. 1. P. 120-156.
15. Dowd R., McAdam J. International cooperation and responsibility-sharing to protect refugees: what, why and how? // International & Comparative Law Quarterly. 2017. Vol. 66. No. 4. P. 863-892.
16. Duffy A. Expulsion to face torture? Non-refoulement in international law // International Journal of Refugee Law. 2008. Vol. 20. No. 3. P. 373-390.
17. Geiger M., Kokoeva N., Zhang Y. The International Organization for Migration (IOM): "Competent Structure" and "Inevitable Choice" for Russia and China to Affect Global Migration Governance? // Journal of International Analytics. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 48-65.
18. Goodwin-Gill G. S., McAdam J. The Refugee in International Law. Third Edition. Oxford, 2011. 786 p.
19. Hovil L., Maple N. Local integration: A durable solution in need of restoration? // Refugee Survey Quarterly. 2022. Vol. 41. №. 2. P. 238-266.
20. Ivanov D. V., Pchelitseva V. V. Durable Solution to the Problem of Externally Displaced Persons from the Syrian Arab Republic in OIC Member States: Legal Obligations and International Cooperation with UNHCR, EU and OIC // European Journal of Migration and Law. 2023. Vol. 25. No. 1. P. 31-53.
21. Martynov B. BRICS' Perspectives on International Law // International Trends. 2016. Vol. 2. No. 2. P. 25-34.
22. Novoselova M. BRICS: dialectics of unity and diversity as a key to successful global cooperation // BRICS Law Journal. 2017. Vol. 4. No. 4. P. 145-151.
23. Refugees and the State: Practices of Asylum and Care in India, 1947-2000. 2nd Ed. Sage Publications, 2008.

24. Sen S. Understanding India's Refusal to Accede to the 1951 Refugee Convention: Context and Critique // Refugee Review: Re-conceptualizing Refugees and Forced Migration in the 21st Century. 2015. Vol. 131.
25. Shaw M. N. International Law. 5th Ed. Cambridge, 2003.
26. The rise of the BRICS in the global political economy: changing paradigms?. Ed. V. I. Lo, M. Hiscock. Edward Elgar Publishing, 2014.
27. Ziero G. W. Looking for a BRICS perspective on international law // Brazilian Journal of International Law. 2015. Vol. 12. P. 303-322.

INTERNATIONAL COOPERATION OF BRICS COUNTRIES IN THE FIELD OF FORCED MIGRATION: TOPICAL ISSUES AND PROSPECTIVES

Introduction. International law acts of BRICS countries enshrine their attachment to enforcement of the international cooperation in the field of population, in particular migration. The rise in the number of forced migrants on their territories as well the accession of new States to BRICS explains the topicality of the research into the particularities and prospects of BRICS countries' cooperation in the sphere of forced migration. Meanwhile the international law acts adopted by BRICS countries do not enshrine their unified position as regards general principles of their cooperation in the sphere of forced migration.

Materials and Methods. The conciliation theory according to which creation of international law norms results from the reconciliation of international legal position of its subjects serves as the theoretical framework for the present research. While exercising autonomous international legal policy, each State aims at enshrining the principles of its foreign policy in the international law acts. International legal positions of States are enshrined in their treaties, national legislation and unilateral acts. The article contains the results of a comprehensive comparative analysis of international legal positions of BRICS countries as regards international law norms governing the legal status of forced migrants. The subject of the research includes universal treaties, BRICS countries' international law acts, national legislation and unilateral acts.

Results. BRICS is an intergovernmental institution, which is not *de jure* an international organisation. The acts adopted by BRICS countries are joint unilateral acts enshrining their unified positions on international law. International cooperation of BRICS countries in the sphere of forced migration is based on principles of rule of international law and multilateralism as well as their coincident and similar positions on interpretation and application of international law norms governing the legal status of forced migrants. BRICS international law acts enshrine the international law concepts applicable to the international cooperation in the field of forced migration.

Discussion and Conclusions. Conciliation of international law positions of BRICS countries as regards interpretation and application of international law concepts of "durable solution to the problem of forced migrants", "responsibility sharing", "solidarity", "common but differentiated responsibility" as well as other international law concepts upon which the international cooperation in the field of forced migration is based should be considered a prospective area of their international cooperation.

Valeria V. Pchelintseva,
Postgraduate Student, International Law
Chair, Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Ключевые слова:

БРИКС; право убежища; вынужденная миграция; статус беженца; Конвенция о статусе беженцев 1951 г.; Глобальный договор о беженцах 2018 г.; права человека; международное гуманитарное право; международное право

Keywords:

BRICS; asylum law; forced migration; refugee status; Convention on the Status of Refugees; Global Compact on Refugees; human rights; international humanitarian law; international law

References:

1. Vylegzhanin A. N., Magomedova O. S., 2022. Mezhdunarodno-pravovaja politika gosudarstva. Sovremennye koncepcii [International Legal Policy of a State. Modern Concepts]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends]*. Volume 20. No. 3. P. 112-126.
2. Gukepshev A. A., 2023. Pravovoe regulirovanie vneshnego izmerenija Obshhej evropejskoj sistemy ubezhishha: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya [Legal Regulation of the External Dimension of the Common European Asylum System: current state and future perspectives]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 1. P. 95-110.
3. Ivanov D. V., Tarasyants E. V., 2009. Mezhdunarodnoe pravo zashhity i pooshhrenija prav cheloveka: proshloe, nastojashhee i budushhee (Chast' 1) [The International Law of Protection and Promotion of Human Rights: Past, Present and Future (Part I)]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 1. P. 35-50.
4. Kiseleva E. V., 2017. Vremennaja i dopolnitel'naja zashhita po sovremennomu mezhdunarodnomu pravu [Complementary forms of protection in contemporary international law]. *Jelektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er» [Electronic Journal "International Legal Courier"]*. No. 1. P. 16-20.
5. Kurs mezhdunarodnogo prava v 6 t. [Course on International Law in 6 vol.] Vol. 1., 1967. Moscow.
6. Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 t. [Course on International Law in 7 vol.] Vol. 1., 1989. Moscow.
7. Tunkin G. I., 2016. Teoriya mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]. Moscow.
8. Shibaeva E. A., 1986. Pravo mezhdunarodnyh organizacij. Voprosy teorii [Law of International Organisations. Theoretical Aspects]. Moscow.
9. Shugurov M. V., 2015. Perspektivy razvitiya koncepcii mezhdunarodno-pravovoj politiki. Chast' 2 [Perspectives of development of conception of international law policy. Part 2]. *Rossiiskij zhurnal mezhdunarodnyh issledovanij [Russian Journal of Legal Studies]*. Volume 2. No. 3. P. 196-204.
10. Chernichenko S. V., 2014. Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshhie voprosy [Contours of International Law. General Aspects.]. Moscow.
11. Yastrebova A. Yu., 2019. Zashhita vynuzhdennyh migrantov v uslovijah vooruzhennyh konfliktov: mezhdunarodno-pravovye aspekty [Protecting forced migrants in armed conflicts: international legal aspects]. *Puti k miru i bezopasnosti [Pathways to Peace and Security]*. Volume 56. No. 1. P. 74-82.
12. Yastrebova A. Yu., 2022. Otdel'nye podhody k sisteme special'nyh principov mezhdunarodnogo humanitarnogo prava: sodержanie i jevoljucija [Particular Approaches to the System of International Humanitarian Law Special Principles: Substance and Evolution]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 3. P. 6-18.
13. Abashidze A., Solntsev A., Kiseleva E., 2016. Legal status of BRICS and some trends of International cooperation. *Indian Journal of Science and Technology*. Vol. 9. No. 36. P. 1-9.
14. Cantor D. et al., 2022. Externalisation, access to territorial asylum, and international law. *International Journal of Refugee Law*. Volume 34. No. 1. P. 120-156.
15. Dowd R., McAdam J., 2017. International cooperation and responsibility-sharing to protect refugees: what, why and how? *International & Comparative Law Quarterly*. Volume 66. No. 4. P. 863-892.
16. Duffy A., 2008. Expulsion to face torture? Non-refoulement in international law. *International Journal of Refugee Law*. Volume 20. No. 3. P. 373-390.
17. Geiger M., Kokoeva N., Zhang Y., 2022. The International Organization for Migration (IOM): "Competent Structure" and "Inevitable Choice" for Russia and China to Affect Global Migration Governance? *Journal of International Analytics*. Volume 13. No. 1. P. 48-65.
18. Goodwin-Gill G. S., McAdam J., 2011. The Refugee in International Law. Third Edition. Oxford.
19. Hovil L., Maple N., 2022. Local integration: A durable solution in need of restoration? *Refugee Survey Quarterly*. Volume 41. No. 2. P. 238-266.
20. Ivanov D. V., Pchelitseva V. V., 2023. Durable Solution to the Problem of Externally Displaced Persons from the Syrian Arab Republic in OIC Member States: Legal Obligations and International Cooperation with UNHCR, EU and OIC. *European Journal of Migration and Law*. Vol. 25. No. 1. P. 31-53.
21. Martynov B., 2016. BRICS' Perspectives on International Law. *International Trends*. Volume 2. No. 2. P. 25-34.
22. Novoselova M., 2017. BRICS: dialectics of unity and diversity as a key to successful global cooperation. *BRICS Law Journal*. Volume 4. No. 4. P. 145-151.
23. Refugees and the State: Practices of Asylum and Care in India, 1947-2000. 2nd Ed. 2008. Sage Publications.
24. Sen S., 2015. Understanding India's Refusal to Accede to the 1951 Refugee Convention: Context and Critique. *Refugee Review: Re-conceptualizing Refugees and Forced Migration in the 21st Century*. Volume 131.
25. Shaw M. N., 2003. International Law. 5th Ed. Cambridge.
26. The rise of the BRICS in the global political economy: changing paradigms? Ed. V. I. Lo, M. Hiscock,. 2014. Edward Elgar Publishing.
27. Ziero G. W., 2015. Looking for a BRICS perspective on international law. *Brazilian Journal of International Law*. Volume 12. P. 303-322.

ПОЛИТИКА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ВАЛЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Радима Бекова*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-108-115

Введение. В статье рассматривается политика Великобритании, проводившаяся в XVI – первой половине XX веков в отношении автохтонных языков Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. Автор характеризует языковую политику Великобритании этого периода как политику языкового национализма английского языка и дискриминации национальных языков других народов. Также в статье рассматриваются основные нормативно-правовые акты, направленные на расширение использования валлийского языка и закрепление статуса валлийского языка как национального языка Уэльса.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели в статье использовался метод структурно-функционального подхода, а также современные принципы научного познания сложных социальных явлений и процессов, основанные на комбинации макро- и микросоциологического исследования. Материалами статьи стали работы ученых по заявленной проблематике.

Результаты исследования. Сделан вывод, что валлийский язык сумел сохранить свою независимость в большей степени, чем другие автохтонные языки народов Великобритании, и в современных условиях наблюдаются тенденции к увеличению числа людей, использующих валлийский язык в повседневной жизни. Основными выводами данной статьи стали продемонстрированные конкретные дискриминационные меры, применяемые Великобританией по отношению к валлийскому языку, включая запрет на использование валлийского языка в качестве языка законодательства, языка судопроизводства и ограничения на преподавание на валлийском языке.

Обсуждение и заключение. В исследовании выявлены причины и конституционно-правовые факторы перехода от политики языковой дискриминации к политике диалога культур, а также влияние общественных деятелей, выступающих за сохранение и расширение использования валлийского языка, на языковую политику Великобритании. Констатируется конституционное значение Положения о валлийском языке 2011 г., впервые в русскоязычной доктрине анализируется содержание этого закона.

* **Бекова Радима Магомедовна**, старший преподаватель кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России
e-mail: radimabekova.94@gmail.com
ORCID ID: 0009-0005-4599-6512

Введение

Одной из форм участия государства в формировании общественного взаимодействия является языковая политика, представляющая собой сложное институционально – правовое образование, развитие которого зависит от множества факторов. Современная языковая политика детерминирована общественно-политическим строем, режимом правления, межэтническими отношениями и является составляющей национальной политики, поскольку она способна закреплять не только привилегии господствующего языка, но и способствовать урегулированию национальных конфликтов путем поддержки языков национальных меньшинств.

Современная языковая политика выходит из максимы, что в многонациональном государстве не может быть малозначимых «малых» языков, поскольку национальное единство обеспечивается, в том числе, и за счет развития языков национальных меньшинств, которые являются неотъемлемым элементом этнокультурной цельности нации.

Данная парадигма весьма актуальна и для многонациональной России, где функционирует 277 языков и диалектов при наличии единого государственного языка – русского, как языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

Такое языковое разнообразие заставляет активно искать оптимальные модели языковой политики Российской Федерации, обращаясь, в том числе и к зарубежному опыту, критически осмысливая языковую политику зарубежных стран на предмет ее эффективности и действенности.

В этой связи актуальным является исследование политики сохранения национальной языковой идентичности в Великобритании (на примере валлийского языка), которая находится на этапе трансформации и обновления своего содержания.

Целью данного исследования является изучение политико-правовых аспектов регулирования прав языковых меньшинств в Великобритании на примере мер по сохранению валлийского языка как части национальной идентичности валлийцев.

Исследование

Дискриминационная языковая политика Великобритании XVI – XIX вв.

В середине XVI в. Уэльс утратил самостоятельность и перешел под юрисдикцию английской короны. Результатом присоединения, нормативно закрепившими политическую, правовую и административную зависимость Уэльса от Англии стали Законы об объединении Уэльса 1535 и 1542 годов (Laws in Wales Acts 1535 and 1542 (Act of Union Wales)). Утратив национальную государственность, национальный язык Уэльса – валлийский также утратил свой национальный статус, став одним из региональных языков Великобритании.

Закон об объединении Уэльса 1535 года устанавливал английский язык в качестве обязательного языка судопроизводства во всех судах на территории Уэльса [1. С. 118]. Также закон устанавливал запрет на использование валлийского языка на всей территории Соединенного королевства для государственных служащих. Согласно разделу 17 Закона об объединении Уэльса 1535 года «Все судьи, комиссары, полицейские, шерифы, коронеры, эсквайры, стюарды, а также все другие должностные лица должны объявлять и вести сессионные суды, суды шерифов и все другие суды на английском языке; все присяги должностных лиц, присяжных и дознавателей, а также все другие показания, вердикты должны даваться и исполняться на английском языке; а также, что отныне ни одно лицо или лица, использующие уэльскую речь или валлийский язык, не должны иметь возможность поступать и оставаться государственными служащими в пределах королевства Англии, Уэльса или другого королевского доминиона под страхом лишения должностей, если государственный служащий не будет использовать и применять английскую речь или язык» [9].

Принятие Закона об объединении Уэльса 1535 году стало первым шагом в дискриминационной языковой политике Англии по отношению к валлийскому языку. Закон создал почву для формирования в Уэльсе класса исключительно англоговорящей аристократии, что оказало негативное влияние на престижность валлийского языка.

Эту тенденцию продолжило принятие Wales and Berwick Act 1746, который установил, что употребление в нормативных актах термина «Англия» распространяется всю территорию Англии, включая Уэльс и на город Бервик-на-Твиде [13]. Этот, на первый взгляд, малозначительный для языковой политики акт позволил английским властям отказаться от разработки нормативных актов, распространяющих свое действие только на территорию Уэльса, которые издавались как на английском, так и на валлийском языке. С момента принятия Wales and Berwick Act 1746 английское законодательство стало распространяться на территорию Уэльса в полном объеме, что привело к полному исключению валлийского языка из законодательных актов [10].

Тенденция на умаление роли национальных (автохтонных) языков народов Великобритании продолжалась вплоть до первой четверти XX в. Стремление Англии устранить языковое разнообразие народов, проживающих на территории Соединенного Королевства, можно объяснить общим направлением английской политики. Британская империя насильственно насаждала английскую культуру и английский язык как в колониях за пределами территории Великобритании, так и внутри ее островных границ. Эта политика была направлена на формирование единого социокультурного пространства и утверждение английской культуры в качестве единой глобальной культуры. В социальных науках это явление описывают как культурную экспансию, которая характеризуется, с одной стороны, расширением пространства распространения одной доминирующей культуры за пределы естественно исторически сложившихся границ, с другой стороны, намеренным подавлением значения и роли других культур национальных культур.

Экстраполируя описание английской культурной экспансии на английский язык, языковую политику Великобритании в XVI – XIX вв. можно определить как политику языкового национализма или языковой экспансии. В значительной мере язык является определяющим явлением для национальной культуры. Некоторые исследователи даже отмечают, что язык не просто является одним из важных составляющих национальной культуры, а выступает в качестве культуuroобразующего явления. В связи с этим утрата языка означала бы полную утрату национальной культуры. Так, известный немецкий историк культуры И. Гердер

пишет: «Нация не может существовать без языка, а наследование языка – основа преемственности национальной культуры» [8]. Таким образом, умаляя роль автохтонных языков Уэльса, Шотландии и Ирландии, Англия в то же время умаляла значение их национальной культуры. Устанавливая диктат английского языка, Англия устанавливала диктат английской культуры.

Одним из ярко задокументированных примеров, демонстрирующих культурную и языковую политику Англии в отношении валлийцев и валлийского языка, являются Blue Book 1847 года [12]. Это трехтомный отчет Комиссии по расследованию состояния образования в Уэльсе. По задумке властей исследование проблем образования должно было объяснить причины социального недовольства и возникающих протестных настроений, которые особенно обострились в начале XIX в. в Уэльсе. Однако исследование, проведенное Комиссией, было необъективным по причине того, что комиссары, принимавшие участие в расследовании, сами не знали валлийский язык и отдавали больший приоритет любой информации о положении образования в Уэльсе на английском языке, чем показаниям носителей валлийского языка. Вследствие этой необъективности исследовании Комиссии представляло валлийское общество крайне необразованным и невежественным, что вызвало обоснованную критику среди валлийцев [5. С. 14-15]. В качестве одной из главных проблем образования в Уэльсе назывался валлийский язык. Ввиду чего предлагалось установить английский язык в качестве единственного языка для преподавания в школах [4. С. 130].

Несмотря на критику и обвинение в необъективности, доклад Blue Book 1847 г. вызвал широкий общественный резонанс. С одной стороны, укрепив позицию английской короны в правильности проводимой языковой политики. С другой – повлияв на общественное сознание валлийцев, многие из которых поверили, что развитие образования и культуры возможно только с помощью английского языка. Англия поощряла это стремление, предоставляя англоговорящим жителям Уэльса право занимать государственные должности, что являлось серьезным экономическим стимулом к изучению английского языка [2. С. 84-85].

Другим примером английского языкового национализма в отношении валлийского языка стал Закон о начальном образовании 1870 (The Elementary Education Act 1870) [11].

Закон предусматривал государственное субсидирование начального школьного образования для детей в возрасте от 5 до 12. Для унификации образовательных стандартов на всей территории Великобритании создавались местные школьные советы. Преподавание на национальных языках формально не запрещалось, однако получение финансирования зависело от того, насколько местные школы соответствуют английским образовательным стандартам. Также закон устанавливал, что в каждой школе на территории Великобритании должен обеспечиваться доступ к образованию на английском языке, что делало невозможным деятельность школ, преподавание в которых осуществлялось только на валлийском языке [6. С. 45]. Ввиду указанных факторов школы отдавали приоритет преподаванию на английском языке. Валлийский язык либо преподавался факультативно в качестве второго языка, либо не преподавался вообще.

Помимо дискриминационной языковой политики Великобритании падению роли валлийского языка для жителей Уэльса также способствовали процессы индустриализации и глобализации [2. С. 85]. Строительство железных дорог, соединяющих Уэльс и Англию, а также строительство на территории Уэльса предприятий угольно-добывающей, перерабатывающей и металлургической промышленности, которые привлекали рабочих со всей территории Великобритании, усиливали языковую унификацию внутри всей территории страны. Урбанизированная часть населения Уэльса XIX в. отдавала предпочтение английскому языку, постепенно забывая национальный валлийский [7].

В результате всей совокупности факторов английский язык к началу XX в. стал основным языком жителей Уэльса. Согласно переписи населения Уэльса 1911 года только 45,3% жителей указали, что они являются носителями валлийского языка. Основными центрами сохранения валлийского языка в начале XX в. являлись сельские поселения, жители которых чаще использовали валлийский язык в качестве основного, религиозные учреждения и в особенности неконформистские течения англиканского протестантизма. Также сохранению языка способствовали некоторые академические исследователи валлийского языка из университетской среды.

Возрождение валлийского языка

Одним из первых сторонников борьбы за возвращение валлийского языка и валлийской культуры был историк и первый главный инспектор школ в Уэльсе О. Эдвардс. Он выступал за сохранение валлийской культуры, осуждал дискриминационные практики наказания учеников в школах за использование валлийского языка, а также в 1892 году основал журнал валлийского языка *Cymru'r plant*. А его сын в Ифан аб Оуэн Эдвардс, работавший в том же журнале, в 1922 году создал Лигу валлийской молодежи (*Urdd Gobaith Cymru Fach*), целью которой было сохранение валлийского языка и сопротивление английской дискриминационной языковой политике [2. С. 86]. Организация занимается обучением детей валлийскому языку и валлийской культуре, переводом книг, фильмов и музыки на валлийский язык. Лига валлийской молодежи продолжает существовать в настоящее время и насчитывает более 56 000 участников в возрасте от 7 до 24 лет.

Также в 1925 году в Уэльсе была основана Валлийская Национальная партия (*Plaid Cymru*), политическая программа которой содержала достаточно радикальные требования в отношении валлийского языка, а именно: «(а) признать валлийский язык как единственный официальный язык Уэльса, язык политико-правового общения и администрирования; (б) признать валлийский как язык обучения во всей системе образования (от начальной школы до университетов)» [6. С. 48].

К середине XX в. Великобритания начала постепенно пересматривать собственную политику в отношении национальных языков и культур народов, проживающих на территории страны. Первым отражением этой тенденции на законодательном уровне являлся Закон о валлийских судах 1942 года (*Welsh Courts Act 1942*) [14]. Закон отменил некоторые положения Закон об объединении Уэльса 1535 года, запрещающие использование валлийского языка в качестве языка судопроизводства. В соответствии с Законом о валлийских судах 1942 года использование валлийского языка допускалось сторонам процесса или свидетелям (но не суду), при условии, что при использовании английского языка сторона спора окажется в невыгодном положении по причине того, что его естественным языком общения является

валлийский (ст. 1 Закона о валлийских судах 1942 года). Однако Закон подтвердил ранее действующее правило о том, что протоколы судебных разбирательств и тексты самих решений могли издаваться только на английском языке. Также суд мог потребовать от сторон или свидетелей, использующих валлийский язык, письменного перевода на английский язык любых использованных ими устных или письменных процессуальных показаний, возложив расходы на переводчика на участника процесса, использующего валлийский язык (ст. 3 Закона о валлийских судах 1942 года).

Под влиянием масштабной компании, организованной Обществом валлийского языка, пропагандировавшего расширение сфер использования валлийского языка, Британским правительством были приняты дальнейшие шаги в отношении свободы использования валлийского языка в качестве языка судопроизводства. Закон о валлийском языке 1967 года (Welsh Language Act 1967) [16] предусматривал возможность использования устного валлийского языка сторонами процесса и свидетеля без ограничений и обязательного перевода на английский язык своих выступлений (ст. 1 Закона о валлийском языке 1967 года). Сторона или свидетель, желающие использовать валлийский язык вместо английского должны были предварительно уведомить об этом суд, чтобы тот мог создать условия для ведения процесса с использованием валлийского языка (самостоятельно пригласить переводчика). Также Закон о валлийском языке 1967 года предусматривал возможность опубликования нормативных актов на валлийском языке, при условии, что этот нормативный акт также будет опубликован на английском языке (ст. 2, 3 Закона о валлийском языке 1967 года). Однако закон не устанавливал обязанности законодательных органов переводить нормативные акты на валлийский язык, вследствие чего абсолютное большинство законодательных актов продолжали публиковаться только на английском языке.

Политика диалога культур народов Великобритании

Под влиянием Национальной партии Уэльса, организовавшей масштабные политические акции в поддержку расширения валлийского языка и валлийской культуры [3. С. 180], в 1993 году был принят очередной Закон о валлийском языке (Welsh Language Act 1993) [17]. Положения закона подтверждали ранее предоставленную возможность

носителей валлийского языка устно давать показания на национальном языке в любом суде Великобритании, обязывали государственные органы на территории Уэльса использовать валлийский язык наряду с английским (оказывать услуги населению на валлийском языке, издавать нормативные акты, действующие в отношении территории Уэльса, на валлийском языке). Также Закон о валлийском языке 1993 года предусматривал учреждение Совета по валлийскому языку – общественного органа, обладающего публичными полномочиями в отношении контроля за реализацией Закона о валлийском языке. Совет по валлийскому языку в ходе проверки государственных органов на предмет соблюдения закона мог выдать рекомендации об улучшении качества услуг, предоставляемых на валлийском языке, или сообщить в вышестоящий контролирующий орган о нарушении закона.

В настоящее время Закон о валлийском языке 1993 года был заменен Положением о валлийском языке 2011 года [15]. Положение завершило переходный период, предусмотренный Законом 1993 года, в течение которого государственным органам Уэльса рекомендовалось использовать валлийский язык наравне с английским. С 2011 года использование валлийского языка становится обязательным для всех государственных органов, предоставляющих услуги гражданам на территории Уэльса. Положение также предусматривает дополнительные полномочия, предоставляемые Совету по валлийскому языку, в рамках которых Совет формирует стандарты и рекомендации по развитию и внедрению валлийского языка. В настоящий момент Совет стремится распространить обязанность использования валлийского языка наравне с английским в отношении частных компаний, оказывающих потребительские услуги населению. Главным достижением Положения о валлийском языке 2011 г. является окончательное нормативное оформление валлийского языка в качестве национального языка Уэльса, что предполагает его равный статус по отношению к английскому языку и право людей неограниченно использовать валлийский язык в повседневной жизни.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что современная языковая политика должна учитывать языковую ситуацию в стране, ее приоритеты должны фор-

мироваться с учетом необходимости поддержания общественного согласия и межнационального консенсуса, что делает данную форму государственного управления весьма подвижной и динамично развивающейся.

В данном случае речь идет о том, что в настоящее время не может существовать некой «закостеневшей» языковой политики, которая сформирована без учета современных трансформаций, ведущих к повышению национального самосознания малых народов.

В данном случае опыт Великобритании представляется весьма актуальным в плане того, что языковая политика в отношении валлийского языка прошла путь от дискриминационной модели к политике диалога культур, что несомненно способствует большему взаимопониманию между народами, проживающими на территории данного государства.

В то же время проведенное исследование позволяет говорить о том, что в современном мире языковые проблемы становятся полем политической борьбы, которая может оказывать деструктивное воздействие на общественно – политическое и социальное развитие государств.

Именно поэтому гибкость и способность к трансформации должны стать основным атрибутом, характеризующим языковую политику современного многонационального государства, учитывая тот факт, что данная политика представляет собой поле компромисса между стремлением к объединению наций и народов вокруг единого государственного языка и желанием малых народов «обособить» свое положение в государстве посредством сохранения языковой идентичности.

Данный компромисс является основанием современной языковой политики и те государства, которые смогли достичь данного компромисса, обеспечив возможности раз-

вития национальных языков, при уважении и доминировании государственного языка, обеспечивают национальное единство и общественно-политическую стабильность на своих территориях.

В этом плане дальнейшее исследование политики «диалога культур» в ее языковом измерении представляется весьма важным для совершенствования языковой политики России, что и является основным направлением дальнейших исследований автора данной статьи.

Заключение

Валлийский язык представляет собой наиболее успешный пример возрождения национального (автохтонного) языка и сохранения национальной языковой и культурной идентичности. В отличие от других автохтонных языков народов Великобритании, валлийский язык в последние два десятилетия демонстрирует рост его популярности. Сохранение валлийского языка является следствием подвижнической деятельности ученых, религиозных деятелей, политических партий и общественных объединения, ставящих своей целью сохранение и развитие валлийского языка и валлийской культуры. В результате борьбы за сохранение валлийского языка Британское правительство было вынуждено отойти от дискриминационной языковой политики и насильственного насаждения английского языка и культуры. Сегодняшнюю языковую политику Великобритании можно охарактеризовать как политику диалога культур. Несмотря на то, что английский язык не утрачивает свой фактический статус доминирующего языка Великобритании, национальные (автохтонные) языки народов Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии постепенно получают равный английскому юридический статус.

Литература:

1. Андреева Т.Л., Таловская Б.М. Влияние языковой политики Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии на развитие английского, валлийского и гаэльского языков // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 118-122.
2. Борисова Н. "Борьба за язык" в Уэльсе // Современная Европа. 2019. № 2. С. 84-95.
3. Громыко А.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М., 2007.
4. Alun G.R., Thomas G. Presenting Saunders Lewis. UoW Press, 1983.
5. Brooks S. Why Wales Never Was: The Failure of Welsh Nationalism. University of Wales Press. 2017.
6. Jones D., Martin-Jones M. Bilingual Education and Language Revitalization in Wales: Past Achievements and Current Issues // Tollefson J., Tsui A. (eds.) Medium of Instruction Policies: Which Agenda? Whose agenda? Taylor & Francis e-Library. 2008.

7. Williams G., Morris D. *Language Planning and Language Use: Welsh in a Global Age*, University of Wales Press, Cardiff, Wales, UK. 2000.
8. Joseph J. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious*. URL: <http://www.nla.gov.au/openpublish/index.php/ara/article/viewFile/1964/2345>.

THE POLICY OF PRESERVING NATIONAL LINGUISTIC IDENTITY ON THE EXAMPLE OF THE WELSH

Introduction. The article examines the British policy pursued in the 16th – first half of the 20th centuries in relation to the autochthonous languages of Wales, Scotland and Northern Ireland. The author characterizes the language policy of Great Britain in this period as a policy of linguistic nationalism of the English language and discrimination against the national languages of other peoples. The article also discusses the main legal acts aimed at expanding the use of the Welsh language and consolidating the status of the Welsh language as the national language of Wales.

Materials and methods. To achieve this goal, the article used the method of the structural-functional approach, as well as modern principles of scientific knowledge of complex social phenomena and processes, based on a combination of macro- and microsociological research. The materials of the article were the works of scientists on the stated issues.

Results of the study. It is concluded that the Welsh language has managed to maintain its independence to a greater extent than other autochthonous languages of the peoples of Great Britain, and in modern conditions there is a tendency to increase

the number of people using the Welsh language in everyday life. The main findings of this article were the demonstration of specific discriminatory measures applied by the UK in relation to the Welsh language, including the ban on the use of Welsh as the language of legislation, the language of judicial proceedings and restrictions on teaching in Welsh.

Discussion and conclusion. The study identifies the reasons and constitutional and legal factors for the transition from a policy of language discrimination to a policy of dialogue of cultures, as well as the influence of public figures advocating the preservation and expansion of the use of the Welsh language on the language policy of Great Britain. The constitutional significance of the Welsh Language Regulations 2011 is stated, and for the first time in the Russian-language doctrine the content of this law is analyzed.

Radima M. Bekova,
Senior lecturer of the English Language
Department №6, MGIMO-University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК, ВАЛЛИЙСКИЙ ЯЗЫК,
глобализация, языковой национализм,
Закон о валлийском языке

Keywords:

English, Welsh, globalization, language
nationalism, Welsh Language Act

References:

1. Andreeva T.L., Talovskaya B.M., 2017. Vliyaniye yazykovoy politiki Soyedinennogo korolevstva Velikobritanii i Severnoy Irlandii na razvitiye angliyskogo, valliyskogo i gael'skogo yazykov [The influence of the language policy of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on the development of English, Welsh and Gaelic languages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. Story]. No. 50. P. 118-122.
2. Borisova N., 2019. "Bor'ba za yazyk" v Uel'se ["Struggle for language" in Wales]. *Sovremennaya Yevropa* [Modern Europe]. No. 2. P. 84-95.
3. Gromyko A.A., 2007. *Modernizatsiya partiynoy sistemy Velikobritanii* [Modernization of the UK party system]. Moscow.
4. Alun G.R., Thomas G., 1983. *Presenting Saunders Lewis*. UoW Press.
5. Brooks S., 2017. *Why Wales Never Was: The Failure of Welsh Nationalism*. University of Wales Press.

6. Jones D., Martin-Jones M., 2008. Bilingual Education and Language Revitalization in Wales: Past Achievements and Current Issues. *In: Tollefson J., Tsui A. (eds.) Medium of Instruction Policies: Which Agenda? Whose agenda? Taylor & Francis e-Library.*
7. Williams G., Morris D., 2000. Language Planning and Language Use: Welsh in a Global Age, University of Wales Press, Cardiff, Wales, UK.
8. Joseph J. Language and Identity: National, Ethnic, Religious. URL: <http://www.nla.gov.au/openpublish/index.php/ara/article/viewFile/1964/2345>.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СТРАТЕГИЯХ И ПРОЕКТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Анна Красноперова*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-116-128

Введение. В статье исследуются проблемы обеспечения энергетической справедливости в моделях управления компаниями, занимающимися преобразованием энергии. Выявляются способы, которыми организации и предприятия, предоставляющие энергетические услуги на местном, региональном и международном уровнях, могут добиться успешной интеграции ценностей социальной справедливости в бизнес-стратегии, обеспечивая соответствие своей деятельности принципам справедливого предоставления энергетических услуг.

Материалы и методы. В качестве материалов к исследованию были использованы зарубежные и российские исследования по проблемам энергетической справедливости, статистические данные и новостные источники мировых СМИ. Методологическую базу составили такие методы научного познания, как качественный и количественный анализ, синтез, метод сравнительного исследования и статистический метод.

Результаты исследования. Анализ деятельности зарубежных энергетических компаний позволяет утверждать, что энергетическая справедливость является высокоэффективным «инструментом» не только с точки зрения концептуализации теоретического представления об энергетически справедливым мире и эффективного анализа широкого круга вопросов, связанных с энергетикой, но и может рассматриваться как ценный вклад в реальный процесс разработки энергетической политики и основы для оценки устойчивости практических проектов и инициатив в энергетической сфере. Концепцию компании, представляющей общественный интерес, основанную на принципах энергетической и социальной справедливости, можно определить как совокупность ряда руководящих положений, направленных на трансформацию суще-

* **Красноперова Анна Борисовна**, магистр менеджмента и устойчивого развития, преподаватель кафедры английского языка № 4 факультета международного бизнеса МГИМО МИД России,
e-mail: krasnolga@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9617-5280

ствующей деловой практики с целью обеспечения соответствия указанной практики принципам энергетической справедливости.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что степень соблюдения принципов энергетической справедливости определяет, соответствуют ли определенные методы ведения бизнеса или конкретные проекты ее парадигме. При этом, как свидетельствуют имеющиеся научные исследования по данному вопросу, коммерческая деятельность и создание социальных и экологических ценностей не являются внутренне противоречивыми понятиями. Напротив, руководящие принципы и аспекты энергетической справедливости могут быть успешно интегрированы в различные бизнес-модели на местном, субнациональном, региональном и глобальном уровнях.

Введение

Важность обеспечения энергетической справедливости при разработке любых потенциальных стратегий и проектов в энергетической сфере трудно переоценить с точки зрения достижения прогресса в их успешной и устойчивой реализации. По мнению ученых, примерно 65% из 17 целей устойчивого развития (ЦУР) (а именно, 11 из 17 ЦУР) требуют той или иной формы изменений в энергетических системах [20. С. 10-15].

Процесс изменения энергетических систем сопровождается рядом весьма значимых проблем, наиболее важная из которых, на наш взгляд, заключается в противоречии между необходимостью соблюдения такого постулата энергетической справедливости, как принцип расширения доступа к базовым энергетическим услугам в максимально возможно короткие сроки, и утверждением о том, что данные энергетические услуги следует оказывать на основе принципа эффективности, и их предоставление должно отвечать сущности энергии как общественного блага и критериям социальной справедливости.

В связи с этим следует выделить еще одну проблему, имеющую непосредственное отношение к энергетической справедливости. Она состоит в справедливом распределении потенциальных рисков и прибыли, получаемых в результате реализации проектов, связанных с энергетикой. Предотвращение ситуаций, когда местные сообщества подвергаются дополнительным экологическим угрозам из-за работ по добыче ресурсов и получают при этом непропорционально низкую долю дохода от данных проектов, представляется очень важным моментом для обеспечения принципов энергетиче-

ской справедливости, а сама система энергетической справедливости должна включать в себя оценку такого распределения выгод и угроз.

Процесс реализации различных энергетических стратегий и проектов должен затрагивать не только вопросы наличия и ценовой доступности энергетических услуг, но и систему энергетической справедливости в целом и включать такие вопросы, как соблюдение надлежащей правовой процедуры в отношении производства и использования энергии, прозрачность, что означает более широкий доступ к информации, подотчетность лиц, принимающих решения, и способность всех заинтересованных сторон участвовать в процессе разработки энергетической политики, устойчивое развитие, согласно которому энергетические ресурсы должны использоваться с должной осторожностью и вниманием, энергетическое равенство между поколениями, ответственность всех стран за минимизацию угроз, возникающих в результате процессов, связанных с производством энергии, защиту окружающей среды в целом, сопротивление и активное противодействие несправедливости, признание и уважение культурной самобытности, различий в знаниях и опыте.

Исследование

Приверженность концепции энергетической справедливости следует воспринимать не как препятствие для расширения доступа к энергии, а, скорее, как инструмент содействия предоставлению энергетических услуг. Проиллюстрируем данное утверждение на примере законодательства Канады в нефтегазовой сфере, которое устанавливает всеобъемлющую нормативную базу для реализации инициатив, связанных с энерге-

тикой, учитывая различные экологические и социальные проблемы, а также аспекты энергетической справедливости¹.

В соответствии с действующими в настоящее время правовыми нормами крупные нефтегазовые компании, которые стремятся осуществлять эксплуатацию энергетических ресурсов в канадской Арктике, должны обеспечить соответствие указанной деятельности принципам энергетической справедливости и устойчивого развития, пройдя сложную процедуру, состоящую из нескольких этапов.

Во-первых, любая заявка на реализацию определенного нефтяного или газового проекта должна быть подана на утверждение в Национальный энергетический совет (далее – Совет). Предложение, представленное Совету, подвергается процессу экологической проверки, то есть определению того, является ли представленная информация достаточной для выявления потенциальных экологических последствий данного проекта и будут ли меры, предложенные в рамках проекта, и существующие регулирующие меры контроля эффективными для смягчения любых возможных неблагоприятных последствий для местного населения и окружающей природной среды.

Далее Правление Совета оценивает результаты процесса сбора данных и тщательно рассматривает все представленные сведения, чтобы принять официальное решение. В случае если предложение не имеет существенных негативных последствий, проект получает «зеленый» свет. Предложение также может быть передано министру окружающей среды для рассмотрения специальной группой правительственных чиновников, или, если потенциальные неблагоприятные последствия являются существенными, может быть принято решение о том, что проект должен быть изменен и пересмотрен. Кроме того, в последнем случае проект также должен быть направлен на общественное рассмотрение, а в некоторых случаях и на дальнейшее научное исследование.

Правление может прийти к выводу, что от проекта следует отказаться, как это произошло в начале 2000-х годов с программой бурения в Куллуке, морским нефтяным проектом, запланированным компанией Gulf Canada [17. С. 53], а также некоторы-

ми другими проектами, направленными на разработку энергетических ресурсов в море Бофорта.

В дополнение к процессу оценки воздействия на окружающую среду, проводимому Советом, определенные группы коренного населения также имеют право проводить дальнейшие экологические оценки предлагаемых проектов. Например, Окончательное соглашение инувиалуитов – документ, который предоставляет инувиалуитам в Канадской Арктике право собственности на земли, традиционно принадлежащие этим местным общинам – устанавливает процедуру оценки воздействия на окружающую среду, проводимую Комитетом по проверке окружающей среды (EISC) и Советом по оценке воздействия на окружающую среду (EIRB) [21. С. 45].

Роль EISC заключается в определении того, может ли предлагаемый проект повлечь существенные экологические проблемы и, следовательно, требует ли он более детальной и всеобъемлющей оценки воздействия на окружающую среду. EIRB, в свою очередь, несет ответственность за проведение такой оценки, если это будет сочтено необходимым. Таким образом, члены общин коренных народов также имеют законное право пересматривать инициативы в области энергетических ресурсов.

Несмотря на тот факт, что решения, принятые EIRB, не являются обязательными, поскольку это консультативный орган, Национальный энергетический совет и другие правительственные должностные лица не имеют права утверждать проект до тех пор, пока оценка, проведенная EIRB, не будет завершена, и если Правление решит не следовать рекомендациям EIRB, оно должно предоставить письменные причины отклонения предложения EIRB с указанием оснований, доступных широкой общественности.

Процесс обеспечения соответствия практики, применяемой крупными нефтегазовыми компаниями на севере Канады, принципам энергетической справедливости, не ограничивается внедрением сложной и многоступенчатой процедуры оценки воздействия на окружающую среду, описанной выше. Национальный энергетический совет, а также другие регулирующие органы внимательно следят за строительством инфра-

¹ Конституционный акт 1867 г. (Constitution Act 1867), Закон Канады о нефтяных ресурсах 1985 г. (Canada Petroleum Resources Act). <http://laws-lois.justice.gc.ca> (дата обращения: 07.11.2023).

структуры проекта, его эксплуатационной фазой и процессом отказа от проекта с помощью комплексных программ. Указанные программы включают постоянный надзор и инспекции со стороны государственных должностных лиц. В дополнение к этому компании должны регулярно заполнять и представлять экологические отчеты после строительства, которые охватывают различные аспекты воздействия проекта на окружающую среду.

Другим важным аспектом в отношении обеспечения энергетической справедливости проектов, связанных с энергетикой, является так называемая абсолютная финансовая ответственность компаний, занимающихся добычей нефти и газа. Согласно нормативным актам, принятым федеральным правительством, любая компания, нацеленная на разработку энергетических ресурсов в канадской Арктике, должна предоставить депозит в размере примерно 565 миллионов долларов США, который гарантировал бы, что данная компания покроет все расходы, связанные с устранением и смягчением последствий любого потенциального инцидента [18. С. 52-55].

Реализация такой политики привела к ситуации, когда только крупные нефтегазовые компании, которые, по общему мнению, обладают не только значительными финансовыми ресурсами, но и высоким уровнем знаний в добывающей промышленности и передовых технологиях и которые, следовательно, способны соблюдать самые высокие экологические стандарты, имеют возможность развивать проекты по эксплуатации энергетических ресурсов на севере Канады.

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что методы эксплуатации ресурсов, применяемые энергетическими компаниями в Канаде, в значительной степени соответствуют принципам энергетической справедливости, что гарантируется всеобъемлющей и строгой правовой базой и существующей практикой регулирования.

Хотя канадские механизмы содействия экологической и социальной устойчивости проектов, связанных с энергетикой, представляются наиболее эффективными, стоит отметить, что другие арктические государства также проводят политику обеспечения соответствия нефтегазовых операций, проводимых под их юрисдикцией, критериям энергетической справедливости. Так, Норвегия, один из крупнейших в мире производителей нефти и природного газа и

единственный производитель сжиженного природного газа в Арктике, все чаще принимает во внимание экологические проблемы в энергетической сфере и учитывает общественное мнение по вопросу развития арктической энергетики. Правительство страны решительно поддерживает Киотское соглашение, вводящее налогообложение выбросов CO₂, а также более строгие меры регулирования в экологической сфере. В некоторых районах страны, таких как Лофотенские острова и Вестеролен, экологические соображения возобладали над экономическими стимулами, что привело к отсрочке разработки потенциальных энергетических объектов.

Нефтегазовый сектор остается важнейшим компонентом экономики страны, норвежские власти поощряют дальнейшее развитие различных энергетических проектов, включая, например, разработку нефтяного месторождения «Голиаф» за пределами Хаммерфеста, которое было одобрено норвежским парламентом более 10 лет назад [3. С. 41]. Однако, несмотря на указанный факт, вопросы энергетической справедливости и экологические проблемы играют все более заметную роль в определении векторов развития в энергетической сфере, оказывая, таким образом, непосредственное влияние на деятельность норвежских энергетических компаний.

Власти Гренландии делают сильный акцент на необходимости защиты окружающей среды. В соответствии с политикой правительства, любой контракт на осуществление операций, связанных с нефтью и газом, должен содержать так называемую оговорку о «разливе нефти», которая гарантирует, что энергетические компании покроют расходы, связанные с потенциальными неблагоприятными экологическими последствиями. С этой целью энергетические компании должны предоставить так называемые облигации на очистку на сумму около 2 миллиардов долларов США, прежде чем начинать какие-либо действия в указанном районе. Кроме того, правительство страны строго контролирует масштабы и темпы добычи нефти и газа, чтобы предотвратить возможные экологические угрозы. Таким образом, несмотря на повышенный интерес энергетических компаний к природным ресурсам Гренландии, масштабы геологоразведочных работ в стране остаются несколько ограниченными, а центральные власти осуществляют высокий уровень контроля за практикой, используемой нефтегазовыми компаниями.

Акцентирование внимания на вопросах энергетической справедливости требует расширенного восприятия самого понятия структуры бизнес-модели. Несмотря на тот факт, что существующая научная литература по указанной теме преимущественно посвящена таким чисто экономическим факторам, как прибыльность и конкурентоспособность [7. С. 18], можно сделать вывод о том, что в последние десятилетия произошел значительный сдвиг в сторону интеграции альтернативных ценностей в концепцию бизнес-моделей.

Компания, придерживающаяся подхода с разделяемой ценностью, будет уделять приоритетное внимание таким аспектам своей деятельности, как постоянное совершенствование доступных технологий, повышение эффективности проекта, качества и устойчивости предоставляемых услуг, а также развитие местной инфраструктуры. В результате будут созданы гораздо большие экономические и социальные ценности для представителей как государственного, так и частного секторов.

Однако нельзя отрицать тот факт, что рассматриваемая концепция имеет существенные ограничения с точки зрения интеграции различных аспектов социальной и энергетической справедливости в существующие бизнес-модели. Необходимо достижение оптимального сочетания и разумного баланса между данными аспектами и основными элементами бизнес-модели, такими как эффективность, конкурентные преимущества и максимизация прибыли. В целях избежания возможных коллизий, некоторые ученые предлагают другой подход к включению концепций энергетической справедливости и устойчивого развития в деловую практику – так называемую «Нормативную бизнес-модель» [25. С. 1-21]. Данная модель представляет собой набор моральных и этических норм, которые должны быть внедрены в деятельность различных компаний в такой степени, чтобы превратить указанные компании из чисто коммерческих структур в организации с четкой социальной миссией.

Составные части концепции энергетической справедливости – распределительная справедливость, процессуальная справедливость и справедливость признания, восстановительная справедливость – имеют экономическую интерпретацию и могут быть рассмотрены на корпоративном уровне.

Например, распределительный аспект энергетической справедливости подчерки-

вает справедливое распределение потенциальных затрат и выгод от реализации проектов, связанных с энергетикой, и развития энергетической инфраструктуры. В экономических и управленческих терминах указанный аспект относится к справедливому распределению стоимости, создаваемой в процессе производства, передачи, распределения и поставки энергии конечным потребителям.

Кроме того, данное измерение касается распределения выгод, возникающих в результате расширения доступа к энергии, а также предоставления более эффективных и экологически устойчивых энергетических решений, таких как, например, повышение доступности энергетических услуг, более высокие уровни энергоэффективности зданий и различных энергетических приборов. Хотя с традиционной точки зрения понятие равного распределения затрат и выгод может показаться противоречащим основным принципам бизнеса, монетизация указанных выгод, по мнению специалистов, имеет решающее значение для поддержания существенной нормы прибыли [5. С. 69].

Доступность энергетических услуг, которая является еще одним важным компонентом распределительного аспекта системы энергетической справедливости, должна соблюдаться не только на стадии конечного потребления, но и во всей цепочке поставок энергии. В этих целях следует уделять больше внимания развитию и расширению доступа к энергоэффективным технологиям и инфраструктуре.

Доступность энергетических услуг может быть отражена в концепции бизнес-модели как снижение затрат. Учитывая, что указанные услуги должны предоставляться непрерывно в течение длительного периода времени, инвестиции в разработку и внедрение энергоэффективных технологий представляются рациональным решением, которое принесет долгосрочные выгоды.

Другой аспект системы энергетической справедливости, а именно процедурная справедливость и справедливость как признание, фокусируется на соблюдении надлежащих процедур, которые, в свою очередь, должны основываться на таких принципах, как прозрачность, справедливость в отношениях между всеми вовлеченными сторонами, обеспечение достаточного представительства всех потенциальных заинтересованных сторон, включая их способность участвовать в процессе принятия решений, а также подчеркивает необходимость соблю-

дения всех существующих стандартов и нормативных правил.

С точки зрения традиционной бизнес-модели, более широкое участие потенциальных клиентов и других групп, затронутых деятельностью компании, в разработке продуктов и услуг, а также в общем процессе создания стоимости определяется как положительный фактор, который способствует успеху бизнес-модели и снижает потенциальные риски.

Таким образом, более широкий спектр взаимодействий между различными категориями заинтересованных сторон, который отвечает основным принципам энергетической справедливости, очевидно, составляет неотъемлемую и очень ценную часть структуры бизнес-модели.

Большинство примеров, в которых аспекты энергетической справедливости успешно внедряются в бизнес-модели и практику, связаны с той или иной формой социальных инноваций. Указанное понятие в специальной литературе еще определяется как инновационная деятельность и услуги, реализация которых связана с необходимостью удовлетворения различных социальных потребностей [19. С. 45].

Социальный аспект инновационной политики относится к социальному измерению потребностей и проблем, с которыми инновации призваны бороться, а также к достижению их социальной ценности для общества в целом. Инновации не должны приносить пользу исключительно частным лицам.

Еще одна важная особенность социальных инноваций заключается в том, что они приводят к более эффективному сотрудничеству и усилению взаимосвязи между государственным, частным и некоммерческим секторами, сочетая рыночные принципы и механизмы ведения бизнеса с концепциями создания социальных ценностей и теорией социальной справедливости, в частности, с точки зрения удовлетворения потребностей маргинализированных групп [15. С. 5]. Социальные инновации призваны способствовать распространению знаний, поскольку их внедрение должно быть открытым и прозрачным применительно к процессу обмена знаниями.

Расширенное понимание самой концепции бизнес-модели и более сложный подход к оценке существующих методов ведения бизнеса четко обозначены в научных исследованиях. Как отмечают некоторые авторы, внедрение принципов устойчивого разви-

тия, экологических и социальных ценностей в деловой оборот приводит к размыванию традиционных границ между социальной и коммерческой деятельностью, практиками и ценностями [9. С. 2].

При этом степень, в которой включение вопросов социальной и энергетической справедливости в бизнес-практику могло бы, возможно, устранить напряженность между созданием социальной ценности и экономической прибылью, не является универсальной. Очевидно, что не все формы социальных инноваций приведут к более эффективной деловой практике, и вряд ли можно отрицать, что чрезмерное доминирование социальных ценностей, которые необходимо создать в результате реализации энергетического проекта, может угрожать коммерческому аспекту данного проекта.

Поскольку потенциальные выгоды от такого косвенного создания стоимости вряд ли могут быть монетизированы, энергетические компании не имеют существенных стимулов для участия в указанном процессе. Однако невозможно избежать утверждения о том, что в конкретном контексте социальные и коммерческие ценности могут оказаться взаимодополняющими, а не противоречащими друг другу.

Хотя конкретный набор обстоятельств, который определил бы описанный выше положительный результат, представляется весьма специфичным и зависит от ряда индивидуальных характеристик конкретной компании или проекта, все же существуют определенные механизмы для эффективного включения вопросов социальной и энергетической справедливости в бизнес-модели и практики.

Указанные механизмы прослеживаются в тематических исследованиях, проведенных на местном, субнациональном, региональном и глобальном уровнях, которые наглядно демонстрируют, как принципы энергетической справедливости могут быть включены в деловую практику в энергетической сфере и использованы для обеспечения соответствия данной практики принципам устойчивого развития [28. С. 1-6].

Включение принципов энергетической справедливости в деловую практику на местном уровне направлено прежде всего на сокращение энергопотребления за счет внедрения более передовых и энергоэффективных технологий, обеспечивая тем самым соблюдение экологических аспектов устойчивого развития, а также предоставление расширенного доступа к энергетическим

услугам и делая указанные услуги более доступными по цене.

Другим аспектом, на который также следует обратить внимание, является поощрение более активного участия заинтересованных субъектов в процессе принятия решений на уровне сообщества и обмена соответствующим опытом и знаниями, что позволяет распределять затраты и выгоды от использования и производства энергии на справедливой основе и создавать дополнительную социальную ценность.

Ярким примером такой политики является Carbon Co-op - местная энергетическая компания, базирующаяся в Большом Манчестере, которая в сотрудничестве с местным кооперативом Урбанизма, окружающей среды и дизайна (URBED), Министерством энергетики и изменения климата (DECC) и Энергетической компанией «Обязательство (ECO)» предоставляет широкий спектр услуг, направленных на наращивание потенциала, обучение и доступ к льготным энергоэффективным материалам и недорогому финансированию для местных жителей.

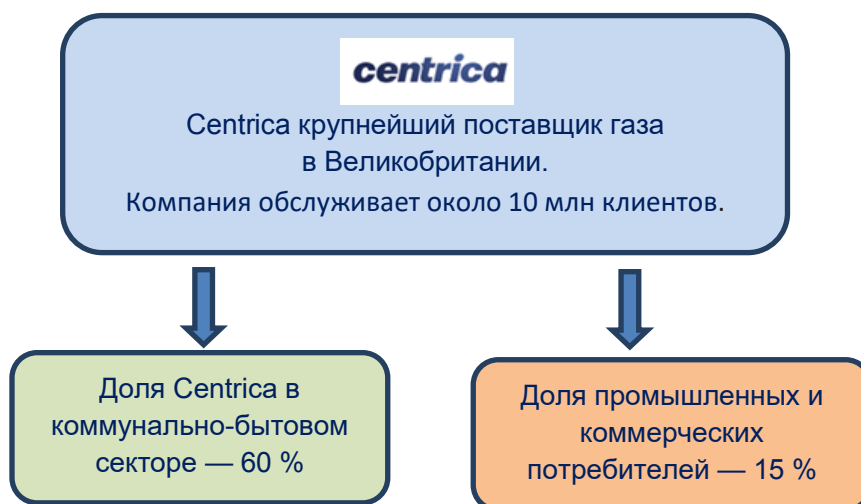
Компания предлагает ряд инициатив, направленных на предоставление большего количества возможностей для непосредственного участия отдельных лиц и групп людей в процессах, связанных с энергетикой. Например, инициатива Eco Home Lab направлена на предоставление инструментов для мониторинга энергопотребления дома, что позволяет лучше понять потребности дома в энергии, ее использовании и потенциале генерации, программное обеспечение

и электронное оборудование, включающее в себя устройства хранения данных, а также источники агрегированных данных.

При этом в субнациональном или национальном масштабе соблюдение энергетической справедливости означает предоставление энергетических услуг уязвимым категориям потребителей, тем самым решая проблему энергетической бедности и одновременно обеспечивая доступность тарифов на энергию, возможность выбора подходящего тарифа или другого поставщика энергии и наиболее удобные способы оплаты.

Примером социально мотивированного подхода к предоставлению энергетических услуг может служить компания Centrica (рисунок 1), которая приобрела в сентябре 2020 года акции Robin Hood Energy - крупного поставщика энергии из Ноттингема. Компания стремится осуществлять инвестиции в возобновляемую генерацию в размере 600-800 фунтов стерлингов в год в ближайшие пять лет, обеспечивать безопасность поставок энергии и своих клиентов, устанавливать минимально возможную цену на газ и электроэнергию для потребителей по всей Великобритании. Низкий уровень цен обеспечивается тем фактором, что компания не имеет директорских бонусов и других подобных финансовых стимулов для руководителей высокого уровня. Кроме того, значительная часть доходов от предоставления энергетических услуг реинвестируется в целях предоставления потребителям более доступной энергии.

Рисунок 1

Помимо предложения конкурентных цен и расширения доступа к энергии, что соответствует распределительному аспекту системы энергетической справедливости, данный поставщик энергии также фокусируется на повышении прозрачности предоставления энергетических услуг путем использования языка без жаргона в общении с клиентами, а также без взимания дополнительной скрытой комиссии за переход на другой тариф или для расторжения контракта.

Таким образом, на примере указанной компании можно проследить процесс создания социальной ценности и реализации рамочных принципов социальной и энергетической справедливости на национальном уровне.

Аналогичным образом на региональном уровне такие вопросы, как расширение доступа к энергоэффективным услугам и снижение затрат на энергию, являются, по мнению автора, одним из ключевых приоритетов с точки зрения обеспечения соблюдения принципов справедливости в энергетической сфере. В этом отношении ярким примером компании, нацеленной на предоставление более эффективных энергетических решений на коммерческой основе и в то же время проводящей политику достижения ряда социальных и этических целей, является RenEso Ltd, дочерняя компания голландской компании «Sun Energy Baltic».

RenEso определяет себя как частное, коммерческое и в то же время социальное предприятие. Компания проводит реконструкцию зданий с целью повышения энергоэффективности и снижения энергопотребления, устанавливает системы мониторинга энергопотребления и энергоэффективное оборудование, а также предоставляет решения для использования возобновляемых источников энергии владельцам квартир.

Помимо вклада в систему энергетической справедливости путем расширения доступа к энергоэффективным услугам и снижения затрат на электроэнергию, компания поддерживает ценности социальной справедливости с помощью уникальной системы создания стоимости. Она предоставляет гарантию минимальной цены на эксплуатационные расходы и долговые обязательства,

а также на экономию энергии в течение 20-летнего периода. Кроме того, 25% чистой прибыли RenEso распределяется между владельцами квартир, находящихся в зданиях, реконструкцией которых занимается компания [26. С. 14].

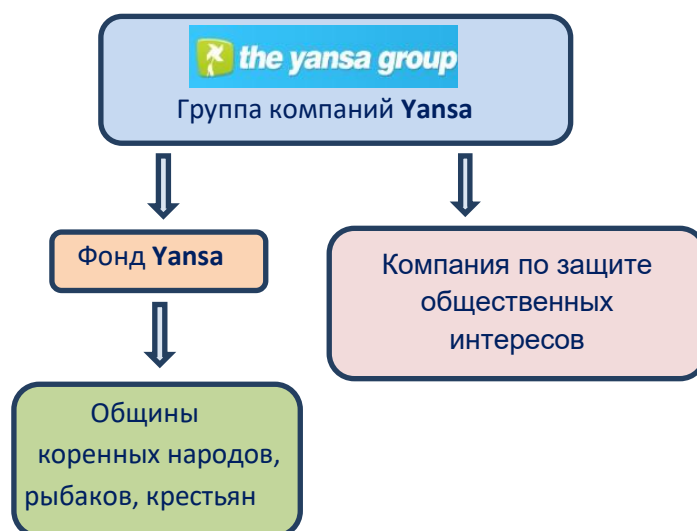
Компания стремится соблюдать процессуальную справедливость, поддерживая честную предпринимательскую практику, а также такие принципы, как прозрачность и открытость, и участвует в ряде инициатив, к числу которых относится SUNSHINE - проект, финансируемый ЕС и направленный на содействие справедливому распределению затрат и выгод от энергоэффективного обновления общественных и частных зданий, предлагая доступные энергетические услуги, расширяя возможности для прямого участия в этих процессах всех категорий потенциальных заинтересованных сторон и соблюдая надлежащую процедуру при передаче энергии, ее распределении и энергоснабжении.

Пример RenEso показывает, как компания, занимающаяся деятельностью, связанной с энергетикой, может успешно сочетать коммерческую деятельность и социальную ориентацию, принимая ценности энергетической справедливости и способствуя продвижению принципов устойчивого развития.

Осознание важности включения принципов социальной справедливости в деловую практику привело к появлению новой инновационной бизнес-модели, известной как Community Interest Company (CIC). Такая компания берет на себя определенную социальную миссию в дополнение к своей основной коммерческой деятельности и обязуется работать с большей прозрачностью и подотчетностью, чем традиционная компания, отсюда имеют место ограничения на распределение активов и прибыли, а также усиление контроля со стороны различных регулирующих органов в отношении того, как компания использует свои доходы.

Ярким примером CIC, работающей в энергетической сфере на глобальном уровне, является Yansa CIC, компания, занимающаяся развитием ветроэнергетики. Структура компании представлена на рисунке 2.

Рисунок 2

Yansa CIC проектирует, производит и устанавливает ветровые платформы, которые являются эффективными и доступными для местных сообществ. Компания по защите общественных интересов (Yansa Community Interest Company) обеспечивает организационную и финансовую составляющую энергетических проектов.

Фонд Yansa работает с местными жителями, изучает их потребности, организует получение образования и профессиональную переподготовку, консультирует по такому важному вопросу, как оценка ресурсов, способствует участию членов местных сообществ в проектировании площадок и обслуживании ветряных турбин. Кроме того, Yansa свободно делится своими данными, опытом и всей прибылью с пострадавшими сообществами в соотношении 50 на 50.

Заключение

Концепция энергетической справедливости не является исключительно теоретической концепцией. Она может выступать в качестве операционной модели для реализации различных инициатив, связанных с энергетикой.

Основные аспекты энергетической справедливости - равное распределение затрат и выгод от энергетических переходов, доступность устойчивых энергетических услуг, надлежащая процедура предоставления

энергетических услуг на началах справедливости и прозрачности между всеми потенциальными заинтересованными сторонами, а также участие указанных заинтересованных сторон в процессе принятия решений - имеют экономическое значение.

В связи с тем, что энергетическая справедливость вобрала в себя ценности и аспекты социальной справедливости, социальная сплоченность и возрастающая роль местных жителей в процессе принятия решений в энергетической сфере становятся неотъемлемой частью бизнес-моделей компаний, занимающихся реализацией проектов, связанных с энергетикой, и предоставлением энергетических услуг, причем указанный процесс особенно заметен в европейских странах. Такой подход предоставляет возможность для инноваций в бизнес-модели, которые были бы основаны на принципах энергетической справедливости и отвечали бы критериям устойчивости, а также соответствовали бы более строгим мерам регулирования, вводимым различными государственными органами.

Опыт зарубежных энергетических компаний, реализующих проекты по разработке нефти и газа, демонстрирует ряд возможностей и преимуществ, которые российские компании могли бы перенять с целью улучшения существующих методов ведения бизнеса.

Литература:

1. Филлс Дж. Повторное открытие социальных инноваций. Сан-Диего. 2009.
2. Amos W., Miron I. Protecting Taxpayers and the Environment Through Reform of Canada's Offshore Liability Regime // *McGill International Journal of Sustainable Development Law and Policy / Revue internationale de droit et politique du développement durable de McGill*. 2013. № 9 (1). P. 3-52.
3. Arbo P., Hersoug B. Facilitation of oil and gas activities in northern Norway. In: Arbo P., Hersoug B., (eds). *The oil industry's entry into the North: business development, politics and society*. Gyldendal akademisk. Oslo. 2010.
4. Baker J.M., Westman C.N. Extracting knowledge: Social science, environmental impact assessment, and Indigenous consultation in the oil sands of Alberta, Canada // *The Extractive Industries and Society*. 2018. Volume 5. Issue 1. January 2018. P. 144-153.
5. Bocken N.M.P., Rana P., Short S.W. Value mapping for sustainable business thinking // *Journal of Industrial and Production Engineering*. 2015. № 32 (1). P. 67-81.
6. Delina L.L., Sovacool B.K. Of temporality and plurality: an epistemic and governance agenda for accelerating just transitions for energy access and sustainable development // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2018. № 34. P. 1-6.
7. Davies A., Frederiksen L., Dewulf G. Business models, infrastructure and the changing public-private interface // *Working Paper Proceedings, Engineering Project Organizations Conference, South Lake Tahoe, CA*. 2010. November 4-7.
8. Energylinx. 2015 // Robin Hood Energy. September 2015. URL: <https://www.energylinx.co.uk/robin-hood-energy.html>
9. Foxon T., Bale C., Busch J., Bush R., Hall S., Roelich K. Low carbon infrastructure investment: extending business models for sustainability // *Infrastructure Complexity*. 2015. № 2.
10. Grimshaw H., Atkinson J. Using Carbon Co-op's 'Community Green Deal' programme as a case study to examine how widely quoted barriers to whole house retrofit can be overcome by a community energy co-operative and what further challenges to wider uptake exist. URBED, Manchester, 2014. URL: http://urbed.coop/sites/default/files/F_Jonathan_Atkinson_Carbon_Co-op.pdf.
11. Hall S., Roelich K. Business model innovation in electricity supply markets: the role of complex value in the United Kingdom // *Energy Policy*. 2016. № 92. P. 286-298.
12. Hiteva R., Sovacool B.K. Harnessing social innovation for energy justice: a business model perspective // *Energy Policy*. 2017. № 107. P. 631-639.
13. Ingrams S. Energy companies, Other energy brands. Article 21 of the review on the UK energy companies published at the resource 'Which?' 2016. URL: <http://www.which.co.uk/reviews/energy-companies/article/small-energy-companies/other-energy-brands>.
14. Laybourn-Langton L. Community and local energy. Challenges and opportunities. Briefing, Institute for Public Policy Research. June 2016.
15. MacCallum D., Moulaert F., Hillier J., Vicari Haddock S. Introduction. In: MacCallum D., Moulaert F., Hillier J., Vicari Haddock S. (Eds.). *Social Innovation and Territorial Development*. 2009. Ashgate, Farnham, UK.
16. Massa L., Tucci C.L. Business model innovation. In: Dodgson M., Gann D.M., Phillips N. (Eds.). *The Oxford Handbook of Innovation Management*. 2014. Oxford University Press, UK.
17. McCormick G. The Integration of Environmental Impact Assessment Process with Aboriginal Processes. Northern Oil and Gas Directorate, Indian Affairs and Northern Development. Ottawa. 2003. Ontario, Canada.
18. Meckbach G. Absolute Liability // *Canadian Underwriter*. 2014. Volume 81. Issue 9. P. 52-55.
19. Mulgan G., Tucker S., Ali R., Sanders B. Social Innovation. What it is, why it matters and how it can be accelerated. Skoll centre for social entrepreneurship. Working paper. 2007.
20. Nerini F. et al. Mapping synergies and trade-offs between energy and the Sustainable Development Goals // *Nature Energy*. 2018. № 3. P. 10-15.
21. Newman D. Revisiting the Duty to Consult Aboriginal Peoples. Purich, Saskatoon. 2014.
22. Nicholls A. Institutionalizing social entrepreneurship in regulatory space: reporting and disclosure by community interest companies // *Accounting, Organizations and Society*. 2010. № 35. P. 394-415.
23. Oceransky S. The Yansa group: renewable energy as a common resource. In: Abramsky, Koyla (Ed.). *Sparkling a Worldwide Energy Revolution: Social Struggles in the Transition to a Post-Petrol World*. AK Press, Oakland. 2010. P. 608-627.
24. Porter M.E., Kramer M.R. Creating shared value. *Harvard Business Review*. 2011.
25. Randles S., Laasch O. Theorising the Normative Business Model // *Organization & Environment*. 2016. Volume 29. Issue 1. March 1. P. 1-21.
26. Rochas C., Zvaigznltis K., Kamenders A., Zogla G. Energy performance contracting for multi-family residential buildings in Latvia. First Steps // *The 9th International Conference Environmental Engineering*. 22-23 May 2014. Vilnius, Lithuania, selected papers. Section: Energy for Buildings. URL: <http://enviro.vgtu.lt>.

27. Sovacool B.K., Dworkin M.H. Energy justice: conceptual insights and practical implications // *Applied Energy*. 2015. № 142. P. 435-444.
28. Sovacool B.K., Heffron R.J., McCauley D., Goldthau A. Energy decisions reframed as justice and ethical concerns // *Nature Energy*. 2016. № 16. P. 1-6.
29. The Office of Gas and Electricity Markets (Ofgem; a non-ministerial government department and an independent National Regulatory Authority of the UK, recognised by EU Directives). 2015. // *Non-traditional business models: supporting transformative change in the energy market*, summary of responses to discussion paper. September 2015. URL: <https://www.ofgem.gov.uk>.
30. Webb T. Greenland Wants \$2bn Bond From Oil Firms Ken to Drill in its Arctic Waters // *The Guardian*. 2010. 12 November.
31. Westman C.N. Social impact assessment and the anthropology of the future in Canada's tar sands // *Human Organization*. 2013. No. 72 (2). P. 111-120.
32. Whither the Arctic? Conflict or cooperation in the circumpolar north // *Polar Records*. 2008. № 45 (232). P. 73-82.
33. Wüstenhagen R., Boehnke J. Business models for sustainable energy. In: Tukker A., Charter M., Vezzoli C., Stø E., Andersen M.M. (Eds.). *Perspectives on Radical Changes to Sustainable Consumption and Production. System Innovation for Sustainability* // Greenleaf Publishing, Sheffield Young, O.R.. 2009.

IMPLEMENTATION OF THE ENERGY JUSTICE CONCEPT IN STRATEGIES AND PROJECTS OF FOREIGN ENERGY COMPANIES

Introduction. The given article examines the challenges of ensuring energy justice in business models of energy companies. It identifies ways in which organizations and businesses providing energy services locally, regionally and internationally can successfully integrate social justice values into business strategies, ensuring that their operations are aligned with the principles of equitable provision of energy services.

Materials and methods. Materials used for the given research include foreign and Russian studies on energy justice issues, statistical data and news sources from the world media. The methodological basis consists of such scientific methods as qualitative and quantitative analysis, synthesis, comparative research and statistical analysis.

Results of the study. Analysis of the activities of foreign energy companies suggests that energy justice is a highly effective "tool" not only from the point of view of conceptualizing the theoretical idea of an energy just world and effectively analyzing a wide range of energy-related issues, but can also be considered as a valuable contribution to the actual process of developing energy policy and a framework for assessing the sustainability of energy-related pro-

jects and initiatives. The concept of a public interest company based on the principles of energy and social justice can be defined as a set of guidelines aimed at transforming existing business practices to ensure that these practices are consistent with the principles of energy justice.

Discussion and conclusions. The given research revealed that the degree of adherence to energy justice principles determines whether certain business practices or specific projects are consistent with its paradigm. At the same time, as evidenced by available scientific research on this issue, commercial activity and the creation of social and environmental values are not internally contradictory concepts. On the contrary, energy justice guidelines and aspects can be successfully integrated into various business models at local, subnational, regional and global levels.

Anna B. Krasnoperova,
Master of Management and Sustainable
Development, Lecturer, English
Department No. 4, Faculty of International
Business, MGIMO-University under the MFA
of Russia

Ключевые слова:

энергетическая справедливость, устойчивое развитие, структура бизнес-модели, подход с разделяемой ценностью, нормативная бизнес-модель, корпоративная социальная ответственность, доступность энергетических услуг, социальные инновации

Keywords:

energy justice, sustainable development, business model structure, shared value approach, normative business model, corporate social responsibility, accessibility of energy services, social innovation

References:

1. Phills J., 2009. Rediscovering social innovation. San Diego.
2. Amos W., Miron I., 2013. Protecting Taxpayers and the Environment Through Reform of Canada's Offshore Liability Regime. *McGill International Journal of Sustainable Development Law and Policy. Revue internationale de droit et politique du développement durable de McGill*. No. 9(1). P. 3-52.
3. Arbo P., Hersoug B., 2010. Facilitation of oil and gas activities in northern Norway. In: Arbo P., Hersoug B., (eds). The oil industry's entry into the North: business development, politics and society. Gyldendal akademisk. Oslo.
4. Baker J.M., Westman C.N., 2018. Extracting knowledge: Social science, environmental impact assessment, and Indigenous consultation in the oil sands of Alberta, Canada. *The Extractive Industries and Society*. Volume 5. Issue 1. January 2018. P. 144-153.
5. Bocken N.M.P., Rana P., Short S.W., 2015. Value mapping for sustainable business thinking. *Journal of Industrial and Production Engineering*. No. 32 (1). P. 67-81.
6. Delina L.L., Sovacool B.K., 2018. Of temporality and plurality: an epistemic and governance agenda for accelerating just transitions for energy access and sustainable development. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. No. 34. P. 1-6.
7. Davies A., Frederiksen L., Dewulf G., 2010. Business models, infrastructure and the changing public-private interface. *Working Paper Proceedings, Engineering Project Organizations Conference, South Lake Tahoe, CA. November 4-7*.
8. Energylinx. 2015. Robin Hood Energy. September 2015. URL: <https://www.energylinx.co.uk/robin-hood-energy.html>
9. Foxon T., Bale C., Busch J., Bush R., Hall S., Roelich K., 2015. Low carbon infrastructure investment: extending business models for sustainability. *Infrastructure Complexity*. No. 2.
10. Grimshaw H., Atkinson J., 2014. Using Carbon Co-op's 'Community Green Deal' programme as a case study to examine how widely quoted barriers to whole house retrofit can be overcome by a community energy co-operative and what further challenges to wider uptake exist. *URBED, Manchester*. URL: http://urbed.coop/sites/default/files/F_Jonathan_Atkinson_Carbon_Co-op.pdf.
11. Hall S., Roelich K., 2016. Business model innovation in electricity supply markets: the role of complex value in the United Kingdom. *Energy Policy*. No. 92. P. 286-298.
12. Hiteva R., Sovacool B.K., 2017. Harnessing social innovation for energy justice: a business model perspective. *Energy Policy*. No. 107. P. 631-639.
13. Ingrams S., 2016. Energy companies, Other energy brands. Article 21 of the review on the UK energy companies published at the resource 'Which?' URL: <http://www.which.co.uk/reviews/energy-companies/article/small-energy-companies/other-energy-brands>.
14. Laybourn-Langton L., 2016. Community and local energy. Challenges and opportunities. *Briefing, Institute for Public Policy Research*. June 2016.
15. MacCallum D., Moulaert F., Hillier J., Vicari Haddock S., 2009. Introduction. In: MacCallum D., Moulaert F., Hillier J., Vicari Haddock S. (Eds.). *Social Innovation and Territorial Development*. Ashgate, Farnham, UK.
16. Massa L., Tucci C.L., 2014. Business model innovation. In: Dodgson M., Gann D.M., Phillips N. (Eds.). *The Oxford Handbook of Innovation Management*. Oxford University Press, UK.
17. McCormick G., 2003. The Integration of Environmental Impact Assessment Process with Aboriginal Processes. Northern Oil and Gas Directorate, Indian Affairs and Northern Development. Ottawa. Ontario, Canada.
18. Meckbach G., 2014. Absolute Liability. *Canadian Underwriter*. Volume 81. Issue 9. P. 52-55.
19. Mulgan G., Tucker S., Ali R., Sanders B., 2007. Social Innovation. What it is, why it matters and how it can be accelerated. *Skoll centre for social entrepreneurship. Working paper*.
20. Nerini F. et al., 2018. Mapping synergies and trade-offs between energy and the Sustainable Development Goals. *Nature Energy*. No. 3. P. 10-15.
21. Newman D., 2014. Revisiting the Duty to Consult Aboriginal Peoples. Purich, Saskatoon.
22. Nicholls A., 2010. Institutionalizing social entrepreneurship in regulatory space: reporting and disclosure by community interest companies. *Accounting, Organizations and Society*. No. 35. P. 394-415.
23. Oceransky S., 2010. The Yansa group: renewable energy as a common resource. In: *Abramsky, Koyla (Ed.). Sparking a Worldwide Energy Revolution: Social Struggles in the Transition to a Post-Petrol World*. AK Press, Oakland. P. 608-627.
24. Porter M.E., Kramer M.R., 2011. Creating shared value. *Harvard Business Review*.
25. Randles S., Laasch O., 2016. Theorising the Normative Business Model. *Organization & Environment*. Volume 29. Issue 1. March 1. P. 1-21.
26. Rochas C., Zvaigznltis K., Kamenders A., Zogla G., 2014. Energy performance contracting for multi-family residential buildings in Latvia. First Steps. *The 9th International Conference Environmental Engineering. 22-23 May 2014. Vilnius, Lithuania, selected papers. Section: Energy for Buildings*. URL: <http://enviro.vgtu.lt>.
27. Sovacool B.K., Dworkin M.H., 2015. Energy justice: conceptual insights and practical implications. *Applied Energy*. No. 142. P. 435-444.

28. Sovacool B.K., Heffron R.J., McCauley D., Goldthau A., 2016. Energy decisions reframed as justice and ethical concerns. *Nature Energy*. No. 16. P. 1-6.
29. The Office of Gas and Electricity Markets (Ofgem; a non-ministerial government department and an independent National Regulatory Authority of the UK, recognised by EU Directives), 2015. *Non-traditional business models: supporting transformative change in the energy market', summary of responses to discussion paper. September 2015.* URL: <https://www.ofgem.gov.uk>.
30. Webb T., 2010. Greenland Wants \$2bn Bond From Oil Firms Ken to Drill in its Arctic Waters. *The Guardian*. 12 November.
31. Westman C.N., 2013. Social impact assessment and the anthropology of the future in Canada's tar sands. *Human Organization*. No. 72 (2). P. 111-120.
32. Whither the Arctic? Conflict or cooperation in the circumpolar north, 2008. *Polar Records*. 2008. No. 45 (232). P. 73-82.
33. Wüstenhagen R., Boehnke J., 2009. Business models for sustainable energy. In: Tukker A., Charter M., Vezzoli C., Stø E., Andersen M.M. (Eds.). Perspectives on Radical Changes to Sustainable Consumption and Production. System Innovation for Sustainability. *Greenleaf Publishing, Sheffield Young, O.R.*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ: СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ВОСПРИЯТИЕМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Николай Климович*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-129-137

Введение. Цель данной статьи состоит в выявлении сходств и различий в дискурсивных стратегиях управления восприятием публицистических текстов, описывающих схожие протестные события в разных странах.

Материалы и методы. Материалом для исследования являются статьи журнала “Экономист”, объединённые темой ‘протест’. Протестные акции в августе 2019 г. в Москве и протесты «жёлтых жилетов» осенью – весной 2018 – 2019 гг. во Франции были выбраны в качестве референтных событий. Методологический инструментарий включает следующие общенаучные методы: анализ, синтез, системный и функциональный подходы. В качестве конкретного метода выступает критический анализ дискурса. Дискурсивные стратегии составляют предмет исследования. Референциальная стратегия включает событийно-фактический план описываемых событий. Коннотативная стратегия оперирует эмоционально-экспрессивной и оценочной лексикой. Метадискурсивная стратегия определяет выбор текстовых фреймов и наполняет их референциальными и оценочными компонентами, что в совокупности формирует прагматический функционал дискурса.

Результаты исследования. Исследование включает следующие этапы. На первом этапе определяются центральные фреймы статей на основании заголовков и подзаголовков статей. На втором этапе исследуются референциальный и оценочный компоненты в лексике фреймов. На третьем этапе проводится сравнительный анализ метадискурсивных стратегий исследуемых статей, который включает сопоставление прагматического функционала рубрик, заголовков и подзаголовков статей; сравнение статей по составу фреймов и выявление общего и особенного в смысловом пространстве главных фреймов статей. Результаты работы позволяют сделать вывод: управление восприятием публицистического текста осуществляется путём отбора фактов и событий для включения в текст, тематического структурирования смыслового

* **Климович Николай Иванович**, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 6 МГИМО МИД России, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
e-mail: n.klimovich@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-3211-6847

пространства, выбора языковых средств, обладающих эмоционально-оценочным, внушающим и убеждающим воздействием на аудиторию, частотностью употребления в тексте языковых средств, соответствующих цели текста.

Обсуждение и заключение. Специалисты в области международного права, международных отношений, политологии, управления должны владеть лингвистической методикой анализа иноязычного публицистического текста и уметь выявлять в нём языковые средства, цель которых управлять восприятием текста в желаемом направлении.

Введение

Протестное движение присутствует в жизни каждой страны. Демократический строй предполагает борьбу за политические, социальные, экономические, религиозные и иные свободы и права. Информационно-коммуникационные технологии предоставляют людям неограниченную свободу выражения мнений, взглядов, точек зрения. В таких условиях даже незначительное ухудшение экономического или социального положения граждан становится причиной возникновения политических, религиозных, этнических напряжений, что может привести и приводит к протестным акциям, которые часто сопровождаются насилием.

Внимание исследователей обращено на изучение природы, причин, дискурса, движущих сил и акторов протестных действий, на технологиях представления протеста в медийной сфере.

Исследование электорального протеста на примере событий 6 января 2021 г. в Вашингтоне, в ходе которых было захвачено здание Конгресса США, было сосредоточено на анализе роли таких факторов, как индивидуальные психологические черты, расовая вражда, религиозная принадлежность, теории заговоров, связи с экстремистскими группами, интернет, социальные сети, судимости, недовольство антиковидными мерами 2019 г., в решении человека принять участие в штурме Капитолия [13].

Анализ антигендерного движения направлен на изучение борьбы идеологии этого движения, основанного на таких фреймах, как антилегитимность научных исследований в области гендерных отношений, угроза демократии, антирелигиозность, с основными постулатами гендерной идеологии, которые включают репродуктивные права женщин, уравнивание в правах брака и гражданского партнерства, гендерное

обучение, гендерные исследования, свободу слова для гендерных меньшинств [9].

Исследуются причины протестных выступлений молодежи в контексте многочисленных глобальных экономических, миграционных, социальных, политических кризисов и кризисов, связанных с безопасностью. Основной вывод состоит в том, что политики и педагоги должны предложить обновленный рассказ о социальной сплоченности для молодежи, которая не разочарована, но находится в глубоком напряжении [6].

Исследователи определяют этнические беспорядки, которые происходят в Европе в последние 20 лет, как непрекращающиеся эпизоды коллективного насилия, имеющего этническую, расовую, религиозную и ксенофобскую природу [14]. Основу религиозно-этнического протеста составляют культурно-образовательные отличия иммигрантов от коренного населения европейских стран и цели их переселения – пользоваться экономическими, социальными благами и свободами, но при этом жить согласно своим религиозно-культурным обычаям [4. С. 7].

Экологический фашизм представляет собой протестное движение праворадикальной части коренного населения против мигрантов, оправдываемое заботой о защите окружающей среды. Объектом исследования является так называемая «зелёная ненависть / green hate» к иммигрантам, которая представляет их виновными в деградации окружающей среды [15].

Изучаются приёмы и способы медиатрансляции образа России в дихотомии «власть – оппозиция» в американских, британских и испанских СМИ. Подчеркивается, что в медийном поле «власть и оппозиция в России» превалируют оценочные и эмоциональные коннотации [5].

Цифровизация информационно-медийного пространства превратила социальные сети, платформы и каналы в эффективные инструменты управления политической

жизнью. Объектом исследований становятся новые формы протестной активности, сформировавшиеся в период цифровизации и глобализации. Изучаются приёмы применения хэштегов и лексических единиц, выраженных по форме хэштегами, для управления протестными акциями; подчеркивается такая характерная черта протестного активизма в социальных сетях, как ориентация на международную поддержку [1].

Исследование

Цель данного исследования состоит в выявлении сходств и различий в дискурсивных стратегиях управления восприятием публицистических текстов при описании схожих протестных событий, происходящих в разных странах примерно в одно и то же время.

Актуальность данной работы состоит в попытке отойти от дедуктивного подхода, при котором исследователь априори определяет концептуально-понятийную матрицу и изучает её языковую репрезентацию в текстах, и применить индуктивный подход, который предполагает выявление содержательно-смысловой структуры сюжетно и коммуникативно завершённого текста в направлении от смыслового пространства текста к концептам, которые структурируют это пространство.

Методологическая основа исследования включает следующие общенаучные методы: анализ, синтез, системный и функциональный подходы. В качестве конкретного метода выступает критический анализ дискурса.

Политический дискурс имманентно идеологичен. Ментальная модель мира это личностное представление лица о событиях, личностная интерпретация и оценка этих событий. Личностная ментальная модель автора может стать когнитивной основой при написании статьи и определить её структуру: главную тему, место, время, событие, участников события и их черты [7].

Теория дискурсивных стратегий даёт возможность эффективно исследовать лингвистическое, ситуативное и коммуникативно-целевое измерения дискурса. Стратегия номинации конструирует социальных акторов, события и процессы. Стратегия предикации выделяет и описывает положительные и отрицательные черты социальных акторов, событий и процессов. Стратегия аргументации обосновывает или подвергает сомнению претензии на истину или нормативную правоту [18].

Теория коммуникационной стратегии новостного дискурса исследует причины различий в тематических и семантико-смысловых структурах новостных сообщений, роль этих структур в продукции и рецепции новостей, влияние институциональной среды на работу журналистов [8]. Отмечается, что в СМИ некоторых западных стран доминируют поверхностное и негативное изображение незападных стран, пропагандистская направленность и следование официальной политической повестке своих правительств [11].

Теория фрейминга позволяет эффективно структурировать смысловое пространство текста, выделяя главное, второстепенное и периферийное. Фрейминг как медиаэффект осуществляет «выбор и выделение некоторых сторон событий или проблем с тем, чтобы продвигать определённую интерпретацию, оценку и/или решение» [10. С. 5], направляет восприятие текста аудиторией и тем самым управляет посткоммуникативным поведением читателей. Фрейминг оперирует лексическими, синтаксическими, тематическими и дискурсивными средствами, определяет тематику медиапродукта, ранжирует новости и даёт им оценку [2].

Метадискурс определяет коммуникативно-прагматическую направленность текста. Он осуществляет выбор лингвистических средств для достижения поставленной перед текстом цели. В таком контексте метадискурс приобретает функционально-дискурсивную окраску и превращается в риторическую стратегию [3; 16].

В данном исследовании предметом анализа стали три дискурсивных стратегии политического текста. Референциальная стратегия включает событийно-фактический план описываемых событий. Коннотативная стратегия оперирует эмоциональными, экспрессивными, оценочными лексическими средствами. Метадискурсивная стратегия определяет выбор текстовых фреймов и наполняет их референциальными и коннотативными компонентами, которые обладают совокупным внушающим и убеждающим потенциалом с целью сформировать у адресата желаемую «картину мира» с соответствующей посткоммуникативной реакцией на неё.

Критерии отбора текстов были следующими: статьи должны быть опубликованы одним органом массовой информации, события должны быть схожими и происходить примерно в одно и то же время.

Первая статья "Repression in Russia no longer works as well as it did" с подзаголовком "A violent crackdown on protests has prompted outrage" опубликована журналом "The Economist" под рубрикой "Kremlin versus people"¹. Статья посвящена протестным акциям, которые происходили в Москве накануне выборов в Мосгордуму в сентябре 2019 г.

Заголовок и подзаголовок называют три главных фрейма статьи: "repressions" (репрессии), "violent crackdown" (подавление с применением насилия) и "protest" (протест).

Референциальная основа фрейма "repressions" включает одно событие: арест блогера Ж. и многих его соратников-активистов ("But the arrest of Mr Zhukov, and of many of his fellow activists, has been met with anything but silence"). Но уже в следующем абзаце текст нейтрализует отрицательное внушающее воздействие лексемы "arrest" и конкретизирует числовое значение количественного прилагательного "many". Блогер освобождён и помещён под домашний арест. Пять задержанных за участие в массовых беспорядках активистов были освобождены без предъявления обвинения.

Два оценочных компонента составляют коннотативное измерение фрейма "repressions". Первый оценочный компонент – страх ("siloviki had seized power in Russia", "when fear wins, silence comes", "silence that will be disturbed by the screeching brakes of a black police wagon", "the charge was fabricated").

Второй оценочный компонент – террор ("Vladimir Putin is running out of non-violent means of sustaining himself in power"; "ordinary Russians are no longer prepared to put up with being terrorized and this shift in the public mood makes it harder for the Kremlin to terrorise them"). Для усиления эмоционального воздействия лексема "terrorise" употреблена в одном предложении два раза. Если есть террор и репрессии, то должны быть и жертвы. И словосочетание "the victims of repression" появляется в 9 абзаце, при этом лексема "repression" повторяется в этом абзаце ещё один раз. В заключительном 11 абзаце высказывается предположение, что в будущем последуют более масштабные репрессии ("this tactical retreat may be followed by more repression").

Второй фрейм – "violent crackdown". Референциальный базис фрейма – одно событие: арест 1400 участников протестной акции ("They ...arrested some 1,400"). Далее эта тема не развивается.

Текст включает в коннотативное поле фрейма "violent crackdown" два оценочных компонента. Первый компонент – "police violence" (полицейское насилие). Вербализация признака представлена лексическими средствами, описывающими способы насилия: "police violence", "violence", "crush", "arrest", "threaten", "beat". Второй оценочный компонент "restraint" (сдержанность) вербализован в предложении "The Moscow authorities initially showed restraint".

Одно событие составляет референциальный компонент фрейма "protest": протестная акция 10 августа ("At the next big protest, on August 10th, some 50,000 people came out onto the streets").

Коннотативное измерение фрейма "protest" содержит два оценочных компонента, которые вступают в противоречие друг с другом. Первый признак – мирный характер протестов ("Not only were the protests peaceful; the most recent protest on August 31st ended peacefully"). Текст подчёркивает это дважды, в начале и в конце статьи.

Второй признак вводит тему войны и насилия лексемами "fight", "proxy battle", "fire", "uprising" ("the fight for the Moscow council has turned into a proxy battle for the Kremlin itself"; "We wanted to set a small fire and fry up United Russia"; "this might be the start of a Ukrainian-style uprising").

Краткие выводы. Референциальный дискурс испытывает недостаток референтных событий. Их всего три, и они свидетельствуют об отсутствии насилия и о сдержанности властей. Негативно-оценочный в отношении властей города коннотативный дискурс доминирует в смысловом пространстве статьи. Привлекает внимание второй оценочный компонент коннотативного измерения фрейма "protest", который говорит о готовности организаторов протеста применить насилие.

Следующие две статьи описывают протест «жёлтых жилетов» во Франции.

Статья "What, and who, are France's "gilets jaunes"?" под рубрикой "The Economist explains" и с подзаголовком "Yellow-jacketed

¹ <https://www.economist.com/europe/2019/09/05/repression-in-russia-no-longer-works-as-well-as-it-did> (date of access: 15.01. 2023).

protesters have blocked roundabouts and motorway toll booths nationwide” опубликована в журнале “The Economist” в ноябре 2018².

Название статьи и подзаголовок называют главный фрейм текста “yellow-jacketed protesters” (протест «жёлтых жилетов»). Фреймы “eco-tax” (экологический налог) и “government” (правительство) обрамляют его.

Референциальная основа фрейма “yellow-jacketed protesters” включает тематические компоненты: насилие высокой степени со стороны протестующих и правоохранительных органов (“images of burning barricades”, “riot police and tear gas on the Champs-Élysées in Paris”, “when a protest in Paris took a particularly violent turn”); количество участников в протестных акциях (“Some 280,000 yellow vests took part in a first day of protest on November 17th”; “Less than half that number took to the streets on November 24th”); присутствие агрессивно настроенных лиц в рядах протестующих (“troublemakers infiltrated the event”); недовольство президентом (“growing popular discontent with President Emmanuel Macron”).

Оценочное поле фрейма отсутствует.

Текст объясняет причину протестов «жёлтых жилетов», используя фрейм “eco-tax”, референциальная основа которого экономическая: увеличение налога на дизельное топливо (“an increase this year of 7.6 cents per litre in taxes on diesel”), сокращение потребления дизельного топлива (“effort to reduce diesel consumption”), уменьшение загрязнения окружающей среды (“to curb pollution”).

Оценочное поле фрейма также отсутствует.

Фрейм “government” появляется в самом конце текста статьи. Референциальный базис фрейма - это три цели правительства: защита экологического налога (“defend the principles of his eco-tax”), сопротивление давлению улицы (“not cave in to protests on the streets”), создание положительного образа президента (“overcome the perception that he is deaf to the concerns of ordinary folk”). Фрейм не имеет оценочного измерения.

Краткие выводы. Дискурсивная стратегия статьи соответствует рубрике, её цель - объ-

яснить читателю, что происходит во Франции. Референциальный дискурс доминирует в тексте. Оценочный дискурс не выражен в языковом виде.

Следующая статья, посвящённая движению «жёлтых жилетов», “France’s yellow-jacket protests are smaller, but still fierce” с подзаголовком “President Emmanuel Macron has undermined them by listening to voters’ complaints” опубликована в журнале “The Economist” в марте 2019 г.³

Заголовок и подзаголовок заявляют, что главными в тексте остаются два фрейма “yellow-jacket protests” и “government”. Однако в тексте появляется ещё один фрейм - “policing methods” (методы охраны общественного порядка).

Текст расширяет референциальное поле фрейма “yellow-jacket protests” и включает в него темы «гибель людей» (“11 yellow crosses have been planted in the earth – one for each of those who have died in accidents linked to the protests countrywide”) и «причинение вреда здоровью» (“leading to at least 22 serious eye injuries”).

Лексемы с негативно-уничтожительной направленностью в отношении протестующих: “internal quarrels”; “insurrectional posturing”, “unhinged organisers”, “discredited the movement”; “to sow chaos” - составляют оценочный компонент фрейма.

Чрезмерное применение оружия полицией (“The use of non-lethal police weapons ... was denounced as excessive”) и жёсткие действия против участников беспорядков (“the prime minister has now urged the police to clamp down more firmly on rioters”) формируют событийную основу фрейма “policing methods”. Фрейм не имеет оценочного семантического поля.

Референциальный базис фрейма “government” содержит констатации, рисующие положительный образ президента Франции: популярность президента восстанавливается (“Macron’s poll numbers have recovered”), он слушает и слышит простых людей (“leader seen as aloof and out of touch can in fact listen; spent over 50 hours listening to grievances”). Оценочное измерение фрейма отсутствует.

Краткие выводы. Три признака отличают дискурс второй статьи о протестах во Фран-

² <https://www.economist.com/the-economist-explains/2018/11/27/what-and-who-are-frances-gilets-jaunes> (date of access: 24.01.2023).

³ <https://www.economist.com/europe/2019/03/28/frances-yellow-jacket-protests-are-smaller-but-still-fierce> (date of access: 25.01.2023).

ции от первой. В референциальном измерении – резкий рост насилия с обеих сторон, в оценочном измерении – безоговорочное осуждение протестующих и полная поддержка власти.

Анализ результатов исследования. Сравнение референциальных и коннотативных стратегий статей проводится в терминах метадискурса.

Начало метадискурсивной стратегии – это семантика рубрик, заголовков и подзаголовков. Рубрики, как правило, характеризуют направленность журналистского материала. Заголовок называет основную тему статьи. Подзаголовок уточняет тему статьи.

Москва: рубрика - “*Kremlin versus people*”, заголовок - “*Repressions in Russia no longer works as well as it did*”, подзаголовок - “*A violent crackdown on protests has prompted outrage*”.

Франция: первая статья: рубрика - “*The Economist explains*”, заголовок - “*What, and who, are France’s “gilets jaunes”?*”, подзаголовок - “*Yellow-jacketed protesters have blocked roundabouts and motorway toll booths nationwide*”;

вторая статья: рубрика отсутствует, заголовок - “*France’s yellow-jacket protests are smaller, but still fierce*”, подзаголовок - “*President Emmanuel Macron has undermined them by listening to voters’ complaints*”.

Курсивом выделены слова с негативным эмоционально-оценочным прагматическим функционалом. Максимально негативной по силе воздействия является семантика рубрики, заголовка и подзаголовка статьи о Москве. Такие лексемы, как “*Kremlin versus people*”, “*repressions*”, “*violent crackdown*”, вызывают у читателей чувства страха, ужаса, образы жестокости и насилия.

В первой статье о протестах «жёлтых жилетов» во Франции (ноябрь 2018 г.) рубрика и заголовок абсолютно нейтральны в эмоционально-оценочном отношении. Выделенные в подзаголовке слова о блокировании протестующими перекрёстков и платёжных терминалов во всей стране могут вызвать только сочувствие к гражданам Франции, которые не смогли осуществить запланированные поездки.

Вторая статья вышла в свет в марте 2019 г., спустя четыре месяца. Рубрика отсутствует. Лексемы “*protests*” и “*still fierce*”, выделенные в заголовке, вызывают чувства страха, неуверенности, беспокойства и возмущения. Однако подзаголовок нейтрализует отрицательные эмоции: президент контролирует ситуацию.

Сравнение статей по составу фреймов - второй этап сопоставительного анализа дискурсивных метастратегий исследуемых текстов.

Москва: *repressions, violent crackdown, protest.*

Франция: *yellow-jacketed protesters, eco-tax, policing methods, government.*

Сопоставление названий фреймов выявляет интересное совпадение: наличие трёх пар фреймов, объединённых тремя общими темами. Тема «власть» представлена фреймом “*repressions*” (Москва), название которого вызывает негативные ассоциации, и фреймом “*government*” (Франция) со спокойным в эмоционально-оценочном отношении названием.

Тема “принуждение к соблюдению закона” получает языковое выражение во фрейме с названием “*violent crackdown*” (Москва), внушающим страх, и во фрейме “*policing methods*” (Франция), название которого не вызывает отрицательных ассоциаций.

Тема «сопротивление власти» раскрывает себя почти в одноимённых фреймах “*protest*” и “*yellow-jacketed protesters*”, названия которых обладают одинаковым внушающим воздействием.

Третьим этапом сопоставительного анализа является сравнение лексико-семантических полей центральных фреймов статей.

Москва: *violent crackdown, protest.*

Франция: *policing methods, yellow - jacketed protesters.*

Количество участников самой массовой протестной акции в Москве по оценке “*The Economist*” не превысило 50000 человек. Протестующие вели себя мирно, но организаторы протеста были готовы перейти к насилию. Полиция и власти действовали сдержанно и гуманно.

Самая массовая протестная акция во Франции по оценке “*The Economist*” привлекла до 280000 участников, что в 5,6 раза больше чем в Москве. Протестные акции имели выраженный насильственный характер. Действия полиции были антигуманными и жестокими.

Анализ показывает, что при описании событий в России недостаток референтных событий, связанных с насилием и репрессиями, компенсируется активным использованием негативной эмоционально-оценочной лексики, обладающей мощным внушающим и убеждающим воздействием на восприятие текста. Равномерное распределение такой лексики в тексте позволяет удерживать и

направлять внимание читателя в желаемом направлении и формировать в его сознании целевую картину мира.

Описание протестных событий во Франции изобилует событиями, связанными с насилием и жестокостью, однако оценочный компонент не выражен в языковой форме. Негативные чувства и переживания, которые могут вызвать у читателя сцены насилия, нейтрализуются референтными событиями, оправдывающими действия власти.

Заключение

Сопоставительный анализ публицистических статей, описывающих схожие события в разных странах, позволяет выявить сходства и различия в дискурсивных стратегиях публицистического текста.

Метод дискурсивных стратегий является эффективным инструментом исследования и описания прагматического функционала текста в референциальном, эмоционально-оценочном, экспрессивном, внушающем, убеждающем измерениях.

Использование теории фрейминга позволяет эффективно структурировать смыс-

ловое пространство текста, выделяя главное, второстепенное и периферийное.

Проведённое исследование свидетельствует, что западная журналистика теряет способность быть равноудалённой от описываемых событий и участвующих в них сторон и превращается в пропагандистский инструмент, выполняющий волю своих правителей.

Управление восприятием публицистического текста осуществляется выбором фактов и событий для включения в текст, тематическим структурированием смыслового пространства, использованием языковых средств, обладающих эмоционально-оценочным, внушающим и убеждающим воздействием на аудиторию, частотностью употребления и распределением в тексте языковых средств, соответствующих цели текста.

Профессионально-направленное обучение иностранному языку дипломатических работников, юристов-международников, политологов, госслужащих должно научить их владению лингвистической методикой анализа иноязычного публицистического текста и умению выявлять в нём языковые средства, цель которых управлять восприятием текста в желаемом направлении.

Литература:

1. Алексеев А.В. Анализ примеров использования хэштегов как средства координации протестных движений // Международная аналитика. 2020. Том 11. № 4.
2. Бодрунова С.С. Термин «фрейминг» в политической коммуникативистике: рождение и созревание большой идеи в теории медиаэффектов // Журнал политических исследований. 2019. Том 3. № 4.
3. Голоднов А.В. Риторический метадискурс: к определению понятия // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. №2 (13).
4. Енгигбарян Р.В. Первая половина XXI столетия: исламский вызов // Право и управление. XXI век. 2016. №4 (41).
5. Парамонова Д.В., Желтухина М.Р. Медиаанализ образа России в дихотомии «власть – оппозиция» в американских, британских и испанских СМИ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4.
6. Cicchelli V., Octobre S. Youth on Edge: Facing Global Crises in Multicultural French Society. Palgrave Macmillan. 2022.
7. Dijk, Teun A. Van. Political discourse and ideology // Doxa Comunicación Revista interdisciplinar de estudios de comunicación y ciencias sociales. 2002. URL: <https://www.researchgate.net>.
8. Dijk, TEUN A. Van. Structures of News in the Press // Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication. Ed. by Teun A. van Dijk, Berlin, New York: De Gruyter. 1985. P. 69-93. <https://doi.org/10.1515/9783110852141.69>
9. Einman, Agnes. The Construction of "Gender Ideology" in the Transnational Antigender Movement: the case of Estonia // Tallinn University School of Governance, Law and Society. Tallinn, 2020.
10. Entman R.M. et al. Projections of power: Framing news, public opinion, and US foreign policy. Chicago, University of Chicago Press Publ. 2004.
11. Journalism and Foreign Policy How the US and UK Media Cover Official Enemies / Ed. by Jesse Owen Hearn-Branaman, Tabe Bergman. Routledge, 2022.
12. Johnson, Richard. Sectarianism in the Divided States of America // Mabon, Simon. Dividing lines: reimagining social division in 'divided societies'. London, 2022.

13. Kalliopi, Theocharidou. Examining the correlates of electoral violence in the U.S. using a mixed methods approach: The case of the January 6th, 2021, Capitol attack // A dissertation submitted to the Graduate School of the University of Cincinnati for the degree of Doctor of Philosophy. University of Cincinnati. 2022. URL: <https://etd.ohiolink.edu>.
14. Léonard, Marie Neiges. Rioting the Residences and Reclaiming the Republic // Racial Diversity in Contemporary France: The Case of Colorblindness. Bristol University Press, 2022.
15. Lynch, Breana. Feminist Critiques of Ecofascist, Nativist Appropriations of Indigeneity since 2016 // Women's, Gender, and Sexuality Studies M.A. Final Projects. 2022. URL: <https://scholarsarchive.library.albany.edu>.
16. Nordquist, Richard. "What is Metadiscourse?" // ThoughtCo. 2020. URL: [thoughtco.com](https://www.thoughtco.com).
17. Paternotte, D., & Kuhar, R. "Gender ideology" in movement // R. Kuhar, & D. Paternotte. Anti-Gender Campaigns in Europe. Lanham, 2018.
18. Reisigl Martin, Wodak, Ruth. The Discourse-Historical Approach (DHA) // The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies / Ed. John Flowerdew, John E. Richardson. 2017. URL: <https://www.researchgate.net>.

POLITICAL PROTEST THROUGH THE PRISM OF THE BRITISH PRESS: STRATEGIES FOR MANAGING THE PERCEPTION OF JOURNALISTIC TEXTS

Introduction. The purpose of this paper is to identify similarities and differences in discursive strategies aimed at managing the perception of journalistic texts describing similar protest events in different countries.

Materials and methods. The material for the paper includes articles from "The Economist" describing protest events. Protests in August 2019 in Moscow and "yellow vest" protests in autumn – spring 2018 – 2019 in France were chosen as reference events. The methodological tools include the following general scientific methods: analysis, synthesis, systemic and functional approaches. Critical discourse analysis is used as a specific method. Discursive strategies form the subject of the research. The referential strategy includes an event-factual plan of the events being described. The connotative strategy works with emotionally expressive and evaluative vocabulary. The meta-discursive strategy chooses text frames and fills them with referential and evaluative components which together form the pragmatic functionality of the discourse.

Research results. The research involves the following stages. At the first stage the central frames of the articles on the basis of the titles and subtitles of the articles are identified. At the second stage the referential and evaluative components in the vocabulary of the frames are examined. At the third stage a

comparative analysis of the meta-discursive strategies of the articles under research is carried out, which includes comparing the pragmatic functionality of the headings, titles and subtitles of the articles; contrasting the articles in terms of the composition of frames and identifying what is common and specific in the content of the main frames of the articles. The results of the work show that such linguistic tools as selecting facts and events for the text, framing the content of the text, choosing language that produce an emotional-evaluative, suggestive and persuasive effect on readership, frequent occurrence of words that are fit for the goals of the text are used to manage text perception.

Discussion and conclusion. Professionals in the field of international relations, international law, political science, public administration must know the linguistic methods used to analyze journalistic and political texts and be able to identify language tools aimed to drive text perception in the target direction.

Nikolay I. Klimovich,
Candidate of Science (Linguistics),
Associate Professor, Merited Fellow
of Higher Education of the Russian Federation,
Tenured Associate Professor,
English Department № 6, MGIMO-University
under the MFA of Russia

Ключевые слова:

политический дискурс, протестный
дискурс, дискурсивные стратегии,
фрейминг

Keywords:

political discourse, protest discourse,
discursive strategies, framing

References:

1. Alekseev A.V., 2020. Analiz primerov ispol'zovaniia kheshteggov kak sredstva koordinatsii protestnykh dvizhenii [Analysis of examples of the use of hashtags as a means of coordinating protest movements]. *Mezhdunarodnaia analitika [International Analytics]*. Volume 11. № 4.
2. Bodrunova S.S., 2019. Termin «freiming» v politicheskoi kommunikativistike: rozhdenie i sozrevanie bol'shoi idei v teorii mediaeffektov [The term "framing" in political communication science: the birth and maturation of a big idea in the theory of media effects]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy [Journal of Political Studies]*. Volume 3. № 4.
3. Golodnov A. V., 2008. Ritoricheskii metadiskurs: k opredeleniiu poniatii [Rhetorical metadiscourse: on the definition of the concept]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina [Bulletin of LGU University named after A.S. Pushkin]*. № 2 (13).
4. Yengibaryan R. V., 2016. Pervaja polovina XXI stoletija: islamskij vyzov [The First Half of the 21st Century: An Islamic Challenge]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 4 (41).
5. Paramonova D.V., Zheltukhina M.R., 2021. Mediatranslatsiia obraza Rossii v dikhonomii «vlast' – oppozitsiia» v amerikanskikh, britanskikh i ispanskikh SMI [Media projection of the image of Russia in the dichotomy "power - opposition" in the American, British and Spanish media]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki [Topical Issues of Philology and Pedagogical Linguistics]*. № 4.
6. Cicchelli V., Octobre S., 2022. Youth on Edge: Facing Global Crises in Multicultural French Society. Palgrave Macmillan.
7. Dijk, Teun A. Van., 2002 Political discourse and ideology. *Doxa Comunicación Revista interdisciplinar de estudios de comunicación y ciencias sociales [Doxa Comunicación Interdisciplinary journal of communication studies and social sciences]*. URL: <https://www.researchgate.net>.
8. Dijk, TEUN A. VAN., 1985. "Structures of News in the Press". *Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication. Edited by Teun A. van Dijk*, Berlin, New York: De Gruyter. P. 69-93. <https://doi.org/10.1515/9783110852141.69>
9. Einman, Agnes., 2020. The Construction of "Gender Ideology" in the Transnational Antigender Movement: the case of Estonia. *Tallinn University School of Governance, Law and Society*. Tallinn.
10. Entman R.M. et al., 2004. Projections of power: Framing news, public opinion, and US foreign policy. Chicago, University of Chicago Press Publ.
11. Journalism and Foreign Policy: How the US and UK Media Cover Official Enemies. 2022. *Ed. by Jesse Owen Hearn-Branaman, Tabé Bergman*. Routledge.
12. Johnson, Richard., 2022. Sectarianism in the Divided States of America. *Mabon, Simon. Dividing lines: reimagining social division in 'divided societies'* London.
13. Kalliopi, Theocharidou., 2022. Examining the correlates of electoral violence in the U.S. using a mixed methods approach: The case of the January 6th, 2021, Capitol attack. *A dissertation submitted to the Graduate School of the University of Cincinnati for the degree of Doctor of Philosophy*. University of Cincinnati. URL: <https://etd.ohiolink.edu>.
14. Léonard, Marie Neiges. 2022. Rioting the Residences and Reclaiming the Republic. *Racial Diversity in Contemporary France: The Case of Colorblindness*. Bristol University Press.
15. Lynch, Breana., 2022. Feminist Critiques of Ecofascist, Nativist Appropriations of Indigeneity since 2016. *Women's, Gender, and Sexuality Studies M.A. Final Projects*. URL: <https://scholarsarchive.library.albany.edu>.
16. Nordquist, Richard., 2020. "What is Metadiscourse?" *ThoughtCo*. URL: [thoughtco.com](https://www.thoughtco.com).
17. Paternotte, D., & Kuhar, R., 2018. "Gender ideology" in movement: Introduction. *R. Kuhar, & D. Paternotte. Anti-Gender Campaigns in Europe*. Lanham: The Rowman & Littlefield Publishing Group.
18. Reisigl Martin, Wodak, Ruth., 2017. The Discourse-Historical Approach (DHA). *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies. Ed. John Flowerdew, John E. Richardson*. URL: <https://www.researchgate.net>.

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление международными проектами
- Цифровое государственное управление
- Государственное управление большими данными
- Управление региональными проектами (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Государственная политика
- Политические системы стран мира
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика
- Международная безопасность

Магистерские программы:

Государственное управление

- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Управление человеческими ресурсами

Государственные и корпоративные стратегии

- GR и бизнес-дипломатия
- Оборонная политика и управление ВПК

Международный политический консалтинг

Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Телефон для справок:
(495) 229-54-37

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-58
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,38.
Подписано в печать 27.12.2023 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 39

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна